СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN (Online) 2949-5032

РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

2/2026

ISSN (Online) 2949-5032

РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Название журнала до сентября 2023 г.:
Вестник Московского государственного областного университета

Основан в 2010 году

№ 2 / 2026

Сетевое научное издание, включенное в Перечень ВАК
по следующим научным специальностям:

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки);
5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки).
5.5.1. История и теория политики (политические науки);
5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки);
5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки).
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

ISSN (Online) 2949-5032

RUSSIAN SOCIAL AND HUMANITARIAN JOURNAL

The name of the journal until September 2023:
Bulletin of Moscow State Region University

Founded in 2010

№ 2 / 2026

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission in the following groups of scientific specialties:

5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences);
5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences).
5.5.1. History and theory of politics (political sciences);
5.5.2. Political institutions, processes, and technologies (political sciences);
5.5.3. Public administration and sectoral policies (political sciences).
5.9.8. Theoretical, applied, and comparative linguistics (philological sciences).

Учредитель издания:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Государственный университет просвещения»

Издание выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Российский социально-гуманитарный журнал
основан в 2010 году (до сентября 2023 года журнал назывался "Вестник Московского государственного областного университета").

Учредитель: Государственный университет просвещения.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-85734.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (RINC).

ISSN (Online) 2949-5032.

Главный редактор:
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Государственный университет просвещения

Заместители главного редактора:
Крамаренко Н. С. – д.псх.н., доц., проф., Государственный университет просвещения;
Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения.

Раздел «Политология»
Багдасарян В.Э. – д.и.н., проф., Государственный университет просвещения;
Вилков А.А. – д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;
Егоров В.Г. – д.и.н., д.э.н., проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ);
Комлева Н.А. – д.пол.н., проф., Академия геополитических проблем;
Манойло А. В. – д.пол.н., доц., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Маркаров А.А. – д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения), Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);
Мартынов М.Ю. – д.пол.н., проф. Сургутский государственный университет;
Сельцер Д.Г. – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина;
Соловьев А.И. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Федорченко С. Н. – д.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Ширинянц А.А. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Раздел «Психология»
Бауэр Е.А. – д.псих.н., член-корреспондент РАО;
Карабанова О.А. – д.псих.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Скрипкина Т.П. – д.псх.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет;
Суворова О.В. – д.псх.н., проф., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;
Цветкова Н.А. – д.псх.н., доц., Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

Раздел «Филологические науки»
Алефиренко Н.Ф. – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
Иссерс О.С. – д.филол.н., проф., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;
Леденёва В.В. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;
Маркова Е.М. – д.филол.н., проф., Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);
Мокиенко В.М. – д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;
Никитин О.В. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения;
Радченко М.В. – д.филол.н., проф., Задарский университет (Хорватия);
Симашко Т.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);
Хухуни Г. Т. – д.филол.н., проф., Государственный университет просвещения.

© Государственный университет просвещения, 2026

Russian Social and Humanitarian Journal

Russian Social and Humanitarian Journal was established in 2010. (The name of the journal until September 2023: Bulletin of Moscow State Region University).
Founder: Federal State University of Education.
The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage. Registration Certificate ЭЛ № ФС77-85734.
The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RINC).

ISSN (Online) 2949-5032.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichsweb, EBSCO. Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:
Abramov Andrey V. – Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University; State University of Education.

The deputy editors:
Levchenko Marina N. – Doctor of Philology, Professor of State University of Education;
Kramarenko Natalya S. – Doctor of Psychology, Associate Professor of State University of Education.

Section "Political Science"
Bagdasaryan Vardan E. – Doctor of Historical Sciences, Professor of State University of Education;
Vilkov Aleksandr A. – Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky;
Egorov Vladimir G. – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Institute of Diaspora and Integration (Institute of CIS);
Manoilo Andrei V. – Doctor in political Sciences, Associate Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University;
Komleva Natalya A. – Doctor of Political Sciences, Professor of the Academy of Geopolitical Problems;
Markarov Alexander A. – Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);
Martynov Mikhail Y. – Doctor of Political Sciences, associate professor Surgut state University;
Sel'tser Dmitrii G. – Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;
Solov'ev Aleksandr I. – Doctor of political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;
Fedorchenko Sergei N. – Doctor of political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University;
SHirinyants Aleksandr A. – Doctor of political Sciences Lomonosov Moscow State University.

Section "Psychology"
Bauer Elena A. – Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;
Karabanova Ol'ga A. – Doctor of psychological Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;
Skripkina Tat'yana P. – doctor of psychological Sciences, Professor Russian state University for the Humanities;
Suvorova Ol'ga V. – Doctor of psychological Sciences, Professor Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University;
Tchvetkova Nadejda A. – Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"
Aliferenko Nikolay F. – Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;
Issers Oksana S. – Doctor of philological Sciences, Professor of Omsk state University named after F. M. Dostoevsky;
Ledeneva Valentina V. – Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;
Markova Elena M. – Doctor of Philology, Professor of State University of Education, Ciril and Methodius University in Triave, (Slovakia);
Mokienko Valery M. – Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;
Nikitin Oleg V. – Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of State University of Education;
Radchenko Marina V. – Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvatia);
Simashko Tatyana V. – Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);
Khukhuni Georgiy T. – Doctor of Philology, Professor of State University of Education.

CONTACT US:
Address: 105005, Moscow, Radio street,10a, office 98.
Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740
https://evestnik-mgou.ru/
E-mail: info@evestnik-mgou.ru

КОНТАКТЫ:
Адрес: г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
Телефон: (495) 780-09-42 (доб. 1740)
https://evestnik-mgou.ru/
E-mail: info@vestnik-mgou.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

Абрамова Ю. А., Николаев А. А.
СОВРЕМЕННЫЕ ВОЕННЫЕ ОПАСНОСТИ ДЛЯ РОССИИ: СПЕЦИФИКА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ. 8

Голубин Р. В.
РУСОФОБИЯ КАК ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИНАМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ОТ ИМПЕРСКИХ СТЕРЕОТИПОВ К ЦИФРОВЫМ ДИСКУРС-ПРАКТИКАМ 28

Прокудин Б. А., Кириченко Г. А.
«СПАСАТЬ СВОЮ ДУШУ, НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ГОСУДАРСТВА»: ПРОГРАММА СОЦИАЛЬНОГО ХРИСТИАНСТВА Н. В. ГОГОЛЯ 50

Шакурова Н. Е.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ. 67

Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю.
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ КАМЧАТСКОГО КРАЯ: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА 81

Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С.
ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ДОМА КАК ЭЛЕМЕНТА СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ 109

Чернопятова С. А.
КОЛЛЕКТИВНЫЕ ТРАГЕДИИ В РОССИЙСКОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ: НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЙ 2018–2024 ГГ. 127

Парамонова О. В.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МИРОВЫХ ПРАКТИК НАБЛЮДЕНИЯ И КОНТРОЛЯ ЗА ВЫБОРАМИ 143

Головлев Р. В.
ТЕМА ПСЕВДОРЕВОЛЮЦИИ В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ 161

Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р.
К ВОПРОСУ О ЕВРОПЕЙСКОМ ОПЫТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ 173

Окороков М. Д.
СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКСПЕРТНОГО УЧАСТИЯ. 193

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ПСИХОЛОГИЯ

Чирковская Е. Г., Клычникова К. А.
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН-РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОБ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ УСПЕШНОСТИ 208

Крамаренко Н. С., Спивак С. А.
ПЕРЕГОВОРНАЯ УСТУПЧИВОСТЬ ПОД ВЛИЯНИЕМ АВТОРИТЕТА: ВКЛАД ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО ЛОКУСА КОНТРОЛЯ 226

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Хухуни Г. Т., Осипова А. А.
«ПРЕДЕЛ СВОБОДЫ» В ПЕРЕВОДЕ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ: ЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ 246

Валуйцева И. И., Шрестх Ом
КОРПУСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ЛЕКСИКИ КАК РЕЗУЛЬТАТА КОНТАКТА КУЛЬТУР. 263

Оломская Н. Н., Дошлова М. Р.
МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ «ЭФФЕКТА ДОСТОВЕРНОСТИ»: ПОЭТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ФЭНТЕЗИ 287

Аверина А. В.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ И ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ 307

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

POLITICS

Abramova, Y. A. & Nikolaev, A. A.
MODERN MILITARY DANGERS FOR THE RUSSIAN FEDERATION:
SPECIFICS AND COUNTERACTION MEASURES 8

Golubin, R. V.
RUSSOPHOBIA AS A TRANSNATIONAL DYNAMIC PHENOMENON:
FROM IMPERIAL STEREOTYPES TO DIGITAL
DISCOURSE PRACTICES. 28

Prokudin, B. A., Kirichenko, G. A.
“SAVING YOUR SOUL, WITHOUT LEAVING THE STATE”:
N. V. GOGOL’S PROGRAM OF SOCIAL CHRISTIANITY 50

Shakurova, N. E.
RUSSIA’S STATE POLICY IN INTERETHNIC RELATIONS:
CURRENT ISSUES 67

Shulikov, A. O. & Gadetsky, O. Yu.
THE EFFECTIVENESS OF DEMOGRAPHIC POLICY
IN KAMCHATKA KRAI: AN EXPERT ASSESSMENT. 81

Fil, M. S., Kiselev, S. A. & Luchinin, I. S.
THE INTEGRATIVE POTENTIAL OF THE TRADITIONAL HOUSE
CONCEPT AS AN ELEMENT OF SOCIAL ARCHITECTURE 109

Chernopyatova, S. A.
COLLECTIVE TRAUMA IN RUSSIAN MASS CONSCIOUSNESS:
CASE STUDY OF EVENTS FROM 2018 TO 2024 127

Paramonova, O. V.
COMPARATIVE ANALYSIS OF WORLD PRACTICES
IN ELECTION OBSERVATION AND CONTROL 143

Golovlev R. V.
THE THEME OF PSEUDO-REVOLUTIONS IN THE WORKS
OF MODERN RESEARCHERS 161

Kochetkov, A. P., Prilutsky, F. R.
ON EUROPEAN EXPERIENCE IN COUNTERING EXTREMISM 173

Okorokov, M. D.
PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE: THE POTENTIAL
FOR PUBLIC AND EXPERT PARTICIPATION. 193

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

PSYCHOLOGY

Chirkovskaya, E. G & Klychnikova, K. K.
PERCEPTIONS OF MANAGERIAL SUCCESS AMONG
FEMALE AND MALE EXECUTIVES 208

Kramarenko, N. S., Spivak, S. A.
A CONCESSION IN NEGOTIATIONS MADE UNDER THE INFLUENCE
OF AUTHORITY: THE INFLUENCE OF EXTERNAL
AND INTERNAL LOCUS OF CONTROL 226

LINGUISTICS

Khukhuni, G. T., Osipova, A. A.
“LIMIT OF FREEDOM” IN HOLY WRIT TRANSLATION:
LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS 246

Valuytseva, I. I & Shresth O.
CORPUS-BASED APPROACH TO THE STUDY OF INDIAN
SOCIOPOLITICAL AND RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL VOCABULARY
IN THE ENGLISH LANGUAGE. 263

Olomskaya, N. N. & Doshlova, M. R.
THE ROLE OF METAPHORIZATION IN CREATING
THE “AUTHENTICITY EFFECT”: THE POETICS
OF HISTORICAL FANTASY 287

Averina, A. V.
THE INTERACTION OF THE CATEGORY OF MODALITY
AND THE INFORMATION STRUCTURE OF A SENTENCE. 307

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

УДК 327

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЕННЫЕ ОПАСНОСТИ ДЛЯ РОССИИ: СПЕЦИФИКА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Абрамова Юлия Александровна

- e-mail: yulia-abramova@yandex.ru;
  кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права факультета истории, политологии и права,
  Государственный университет просвещения
  105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Николаев Александр Алексеевич

- e-mail: Nikolaev07ddd1810@yandex.ru;
  аспирант кафедры политологии и права факультета истории, политологии и права,
  Государственный университет просвещения
  105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Для цитирования

Абрамова Ю. А., Николаев А. А. Современные военные опасности для Российской Федерации: специфика и меры противодействия // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 10.11.2025
- Статья размещена на сайте 22.05.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация
Ключевые слова
Введение
Важные заявления российского руководства
Милитаризация Европы – тенденция наших дней
Военные вызовы от блока НАТО

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

Современное состояние Вооружённых Сил России
и меры противодействия военным опасностям
Российская военная мощь: западные оценки
Заключение
Литература
Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить специфику современных военных опасностей, угрожающих Российской Федерации, и проанализировать эффективность мер противодействия им.

Процедуры и методы. В ходе данного исследования был проведён политологический и традиционный анализ Военной доктрины Российской Федерации 2014 г., Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 29 февраля 2024 г. и других документов, а также официальных заявлений Президента РФ В. В. Путина, директора Службы внешней разведки РФ С. Е. Нарышкина, директора Федеральной службы безопасности РФ А. В. Бортникова, Федерального канцлера Германии Ф. Мерца, Генерального секретаря НАТО М. Рютте и др. Использовались также ивент-анализ и анализ статистических материалов.

Результаты. Выявлены актуальные военные опасности и их специфика; проанализированы меры противодействия им со стороны российского военно-политического руководства.

Теоретическая и практическая значимость. Сформулированы рекомендации по дальнейшему успешному и продуктивному отстаиванию Россией своих национальных интересов в формирующемся многополярном мире, отличающегося высокой степенью конфликтности межгосударственных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

военная безопасность, государство, национальная безопасность, общество, Российская Федерация

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучаемой темы состоит в том, что современные вызовы военной и национальной безопасности Российской Федерации за последние несколько лет приобрели экзистенциальный характер [6]. Мировая политика переживает качественную трансформацию международного порядка, одну из самых заметных после Второй мировой войны: западноцентричная однополярная архитектура безопасности разрушается, что сопровождается милитаризацией ведущих держав, ростом напряжённости во взаимоотношениях крупных мировых игроков. Всё это напрямую затрагивает стратегические интересы России и представляет ощутимую угрозу для дальнейшего стабильного развития государства.

Военно-политическая обстановка последних лет, на наш взгляд, отличается размыванием границ фронта и тыла, ясность в разграничении таких категорий уходит в прошлое, а сам военный конфликт становится одной из перманентных характеристик бытия общества. В научный дискурс уже прочно вошли такие понятия, как «гибридная война», «кибервойна», «психологическая война», «информационная война», что говорит о размывании прежде чёткой грани между состояниями войны и мира [1, с. 108–109].

Возникли и растут новые военные опасности, обусловленные экспансионизмом блока НАТО, вооружённым конфликтом на Украине, проведением Специальной военной операции по демилитаризации и денацификации киевского режима, масштабным санкционным давлением на экономику Российской Федерации. Напомним, под военной опасностью Военная доктрина России, один из ведущих документов сферы политики обеспечения национальной безопасности, подразумевает «состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуемое совокупностью факторов, способных при определённых условиях привести к возникновению военной угрозы»[1]. Текущие тенденции, в особенности на фоне Специальной военной операции, говорят о возникновении новых военных опасностей для России, реальных внешних угроз суверенитету и территориальной целостности государства.

[1] Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25.12.2014 №Пр-2976) – п. 8б // Совет Безопасности России: [сайт]. URL: http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/ (дата обращения: 05.10.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

В этих условиях наша страна ищет новые способы укрепления своей оборонной мощи, отстаивания национальных интересов, поиска путей урегулирования текущего кризиса для достижения долгого и прочного мира [8, с. 184].

Целью настоящей статьи является выявление специфики современных военных опасностей, угрожающих Российской Федерации, а также анализ эффективности мер противодействия им.

В ходе исследования был проведён анализ важнейших документов (Военной доктрины Российской Федерации 2014 г., Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ 29 февраля 2024 г. и др.), а также официальных заявлений Президента РФ В. В. Путина, директора Службы внешней разведки РФ С. Е. Нарышкина, директора Федеральной службы безопасности РФ А. В. Бортникова, Федерального канцлера Германии Ф. Мерца, Генерального секретаря НАТО М. Рютте и др. В статье использовались также ивент-анализ и анализ статистических материалов.

ЗАЯВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО РУКОВОДСТВА

Выступая 29 февраля 2024 г. с посланием к Федеральному Собранию, Президент Российской Федерации В. В. Путин охарактеризовал современную военно-политическую обстановку, предупредив зарубежные центры силы о последствиях их политики в отношении России: «Запад спровоцировал конфликты на Украине, на Ближнем Востоке, в других регионах мира и продолжает лгать. Теперь вот без всякого смущения заявляют, что Россия якобы намеревается напасть на Европу, а при этом сами выбирают цели для нанесения ударов по нашей территории. Заговорили о возможности отправки на Украину натовских военных контингентов. Но мы помним судьбу тех, кто направлял когда-то свои контингенты на территорию нашей страны. Но теперь последствия для возможных интервентов будут гораздо более трагичными. Они должны, в конце концов понимать, что у нас тоже есть оружие, которое может поражать цели на их территории. Необходимо работать над тем, чтобы уже в обозримой перспективе формировать новый контур равной и неделимой безопасности в Евразии. Мы готовы к предметному разговору по этой теме со всеми заинтересованными странами и объединениями. При этом вновь подчеркну: без

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

суверенной, сильной России никакой прочный миропорядок невозможен»[2].

В сентябре 2025 г. на совещании с постоянными членами Совета безопасности России глава государства, давая оценку текущей ситуации в отношениях с западными странами, подчеркнул отсутствие заинтересованности российской стороны в гонке вооружений, готовность (при аналогичных шагах со стороны США) соблюдать Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. Президент также заявил, что в настоящий момент можно констатировать демонтаж системы соглашений между Соединёнными Штатами и РФ по контролю над стратегическими ядерными вооружениями, добавив, что, учитывая игнорирование Западом предостерегающих российских инициатив, «Россия готова ответить на любые возможные угрозы военной силой»[3].

Далее, в октябре 2025 г., в ходе пленарного заседания XXII ежегодной встречи Международного дискуссионного клуба «Валдай», глава российского государства публично заявил о том, что ответ на текущую милитаризацию Европы будет весьма убедительным, а «Россия воюет не с ВСУ[4] и Украиной, а фактически со всеми странами НАТО»[5].

Директор Службы внешней разведки РФ С. Е. Нарышкин, выступая в октябре 2025 г. в Самарканде на заседании Совещания руководителей органов безопасности и разведывательных служб государств-участников СНГ, подчеркнул, что НАТО совместно с Европой готовится к войне с Россией. Это, по данным С. Е. Нарышкина, выражается в следующем: уже развивается процесс увеличения объёмов выпуска военной продукции европейскими промышленными предприятиями; в рамках систем военного управления отрабатываются мобилизационные мероприятия; средства массовой информации проводят русофобскую пропагандистскую обработку европейских граждан с

[2] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585 (дата обращения: 05.10.2025).

[3] Путин: Россия готова ответить силой на любые угрозы // Радио Sputnik: [сайт]. URL: https://radiosputnik.ru/20250922/putin-1980671693.html (дата обращения: 05.10.2025).

[4] Вооружённые силы Украины.

[5] Путин рассказал об уже идущей войне со всеми странами НАТО // Газета.ru: [сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/10/02/26869598.shtml (дата обращения: 05.10.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

посылом о якобы грядущем нападении на них России; украинский режим продолжает политику военной эскалации[6]. Однако, как полагает глава российской внешней разведки, в настоящий момент есть и сдерживающие эти намерения факторы: у стран НАТО нет необходимого квалифицированного мобилизационного ресурса, а европейские союзники США не уверены в том, что американцы реально их поддержат в случае начала масштабного вооружённого конфликта[7].

На этом же форуме присутствовал директор Федеральной службы безопасности РФ А. В. Бортников, также сделав несколько важных заявлений, непосредственно затрагивающих аспекты обеспечения военной безопасности. Во-первых, по данным ФСБ, Великобритания играет огромную деструктивную роль на постсоветском пространстве, методично пытаясь сорвать попытки мирного урегулирования украинского кризиса, поставив под внешнее управление киевский режим и его силовые структуры, разжигая антироссийскую «истерию» среди стран Евросоюза по поводу т. н. «угрозы с Востока». Во-вторых, А. В. Бортников считает британские спецслужбы ответственными за атаки на критически важную российскую инфраструктуру, а также директор ФСБ добавил, что они, совместно с украинскими диверсантами, готовят акции по нанесению ущерба стратегически важному для огромного региона газопроводу «Турецкий поток». В-третьих, говоря о НАТО, глава российской спецслужбы вновь отметил угрозы, исходящие от Североатлантического альянса, выражающиеся в модернизации военной инфраструктуры, помощи в техническом оснащении органов госбезопасности и охраны правопорядка на пространстве некоторых стран СНГ[8].

Таким образом, со стороны российского руководства уже дана чёткая и недвусмысленная характеристика актуальной повестке дня, открыто обозначены основные военные опасности и угрозы национальной безопасности Российской Феде-

[6] Выступление директора СВР России на заседании совещания руководителей органов безопасности и разведывательных служб государств-участников СНГ // Служба внешней разведки России: [сайт]. URL: http://svr.gov.ru/smi/2025/10/vystuplenie-direktora-svr-rossii-na-zasedanii-soveshchaniya-ruko.htm (дата обращения: 22.10.2025).

[7] «Население зомбируют пропагандой»: Нарышкин заявил о подготовке НАТО к войне с Россией // Газета.ru: [сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2025/10/21/21893480.shtml?updated (дата обращения: 22.10.2025).

[8] О чем говорил Бортников на заседании Совета глав спецслужб СНГ в Самарканде // Ведомости: [сайт]. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/10/16/1147279-o-chem-govoril (дата обращения: 20.10.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

рации, среди которых необходимо выделить наиболее существенные:

– многолетнее игнорирование западными державами российских национальных интересов и мирных дипломатических инициатив;

– фактическое участие НАТО в украинском конфликте, что препятствует попыткам его деэскалации и дипломатического урегулирования для достижения стабильной региональной обстановки;

– экономическая и военная подготовка Североатлантического альянса к возможному столкновению с Россией;

– продолжающиеся попытки противника нанести урон российской инфраструктуре в области промышленности, логистики и энергетики;

– масштабная пропагандистская кампания русофобского характера со стороны западных СМИ, нацеленная на формирование искажённого образа России в международном поле.

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ЕВРОПЫ – ТЕНДЕНЦИЯ НАШИХ ДНЕЙ

Характеризуя состояние современной международной безопасности в ходе слушаний в немецком парламенте в октябре 2025 г., глава Федеральной разведывательной службы Германии М. Егер отметил факт не только всё большего размывания грани между войной и миром, но также удвоения за минувшие пятнадцать лет числа политических кризисов и вооружённых конфликтов на планете. М. Егер также озвучил откровенно пропагандистское клише о гипотетическом намерении России подчинить себе Европу, запугать жителей стран ЕС. Призывая союзников ФРГ по Североатлантическому альянсу продолжать подготовку к будущей эскалации отношений с Россией, высокопоставленный немецкий политик заявил: «В Европе в лучшем случае царит ледяной мир, который в любой момент может перерасти в горячую конфронтацию. Россия не откажется от прямой военной конфронтации с НАТО, если будет необходимо»[9].

Продолжая нагнетание темы «российской агрессии», немецкому политику вторит начальник генерального штаба Во-

[9] Берлин предупредил о «горячем конфликте после ледяного мира» в Европе // РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/politics/13/10/2025/68ed0c799a79476cc7b8caf0 (дата обращения: 20.10.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

оружённых сил Франции Ф. Мандон, который утверждает, что французская армия должна в течение трёх-четырёх лет подготовиться к войне с Россией, для чего необходимо увеличить военный бюджет, т. к. русские якобы намереваются воевать с Европой[10].

Федеральный канцлер Германии Ф. Мерц, регулярно выступающий с антироссийских позиций, подрывая многолетнее сотрудничество двух стран, заявил, что ФРГ уже находится в состоянии конфликта с Россией, которая, по его предположению, также проводит некие «дестабилизирующие» операции по вмешательству в немецкие внутренние дела[11].

Генеральный секретарь НАТО М. Рютте по-прежнему призывает к усилению санкционного давления на Россию и одновременно наращиванию поставок вооружений украинскому режиму, считая, что большую роль в этом должны играть Соединённые Штаты[12].

Как видно из подобных заявлений высокопоставленных политиков, военных деятелей западных стран, милитаризация европейской экономики, запугивание собственных граждан с помощью антироссийской пропаганды, конструирование образа внешнего врага являются тревожными сигналами для Российской Федерации, требующими взвешенного реагирования и симметричного ответа при реализации мер по обеспечению военной безопасности.

Говоря о милитаризации Европы как одной из важнейших угроз военной безопасности России, стоит также упомянуть о создании в текущем году фонда обороны стран Евросоюза объёмом 150 млрд евро. Данный фонд получил название «Действия по обеспечению безопасности Европы» («Security Action for Europe»), его средства будут направлены на развитие

[10] L'armée française doit être «prête à un choc dans trois, quatre ans» face à la Russie, alerte le chef d'état-major // Le Figaro: [сайт]. URL: https://www.lefigaro.fr/international/l-armee-francaise-doit-etre-prete-a-un-choc-dans-trois-quatre-ans-face-a-la-russie-alerte-le-chef-d-etat-major-20251022 (дата обращения: 23.10.2025).

[11] Мерц заявил, что Германия находится в состоянии конфликта с Россией // РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/politics/30/08/2025/68b216319a79474557aecd96 (дата обращения: 20.10.2025).

[12] Утром перемирие, вечером мирный договор. НАТО вновь настаивает на первостепенности перемирия между Россией и Украиной // Российская газета: [сайт]. URL: https://rg.ru/2025/10/23/nato-vnov-nastaivaet-na-pervostepennosti-peremiriia-mezhdu-rossiej-i-ukrainoj.html (дата обращения: 23.10.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

европейского оборонно-промышленного комплекса, помощь украинскому режиму и некоторым другим странам[13]. Кроме того, по данным Института мировой экономики Киля (Германия), к лету 2025 г. общий объём военных поставок киевскому режиму со стороны европейских структур с начала Специальной военной операции превысил аналогичную поддержку от Соединённых Штатов: страны Евросоюза предоставили вооружений на 35,1 млрд евро, а американцы – на 4,4 млрд евро меньше[14].

ВОЕННЫЕ ВЫЗОВЫ СО СТОРОНЫ БЛОКА НАТО

Странами НАТО в непосредственной близи от государственной границы России и Республики Беларусь регулярно проводятся военные учения. Например, в апреле 2023 г., в Швеции состоялись крупнейшие за четверть века военные учения Североатлантического альянса под названием «Аврора-23». Были привлечены 26 тыс. военнослужащих из 14 стран, задействованы подразделения сухопутных, морских и воздушных сил. Кроме того, можно также назвать прошедшие в июне 2023 г. масштабные мероприятия военного плана: учения «Воздушный защитник» («Air Defender») в Германии с участием военно-воздушных сил НАТО (250 самолётов, 10 тыс. человек личного состава из 25 государств) и военно-морские учения «Операции в Прибалтике» («Baltops 23») в Эстонии (более 30 боевых кораблей различной модификации, военнослужащие из 14 стран)[15]. Таким образом, Североатлантический альянс открыто угрожает российским рубежам, проводит линию военного давления на Российскую Федерацию. В качестве политики сдерживания российские Вооружённые Силы, совместно с белорусскими, регулярно с 2009 г. проводят крупные военные учения «Запад», которые,

[13] EU countries agree on big defence fund, diplomat says // Reuters: [сайт]. URL: https://www.reuters.com/world/eu-countries-agree-big-defence-fund-diplomat-says-2025-05-19/ (дата обращения: 05.10.2025).

[14] Ukraine Support Tracker: Europa jetzt führender Geldgeber für Waffenproduktion für die Ukraine // Kiel Institut für Weltwirtschaft: [сайт]. URL: https://www.kielinstitut.de/de/publikationen/aktuelles/ukraine-support-tracker-europa-fuehrend-bei-waffenproduktion-fuer-die-ukraine/ (дата обращения: 05.10.2025).

[15] Масштабные военно-морские учения НАТО с участием более 30 кораблей начались в Эстонии // Комсомольская Правда: [сайт]. URL: https://www.kp.ru/online/news/5299659/ (дата обращения: 05.10.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

в отличие от натовских, носят исключительно оборонительный характер[16].

Кроме того, в Литве весной 2025 г. началась подготовка к размещению на территории республики военной базы сухопутных сил Германии – первого такого рода объекта за пределами немецких границ после Второй мировой войны. Появление бронетанковой части бундесвера численностью около 5 тыс. военнослужащих является одним из очевидных признаков политики Североатлантического альянса по нагнетанию международной обстановки и демонстративным вызовом геополитическим интересам обеспечения безопасности России[17].

Добавим, что активность НАТО у северо-западных рубежей России создаёт потенциальную угрозу не только Балтийскому флоту, но и стратегическому региону Российской Федерации, в силу последствий распада СССР, ставшего эксклавом[18] (изолированной территорией от основной части страны), – Калининградской области, не имеющей прямого сухопутного сообщения с материковой РФ. В этом контексте в западных СМИ обсуждается вопрос т. н. «Сувалкского коридора» между Калининградской областью и Белоруссией: якобы Россия желает нарушить границы стран, сделав брешь между Польшей и Литвой, чтобы иметь прямую дорогу в свой западный регион[19].

Отметим, что после вступления в НАТО в 2023–2024 гг. Финляндии и Швеции появилась самая длинная граница-соприкосновение России с Североатлантическим альянсом, финская (1 тыс. 300 км). Возникла потенциальная военная опасность и для Санкт-Петербурга – города федерального значения, крупнейшего мегаполиса, промышленного, культурного, логистического центра данного региона России и севера Европы. Российской Федерации пришлось отреагировать так, чтобы ку-

[16] Оборонительные учения «Запад-2025» укрепили боевое братство Союзного государства // Вести: [сайт]. URL: https://www.vesti.ru/article/4697384 (дата обращения: 05.10.2025).

[17] Бундесвер выдвигается на восток // Коммерсантъ: [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7738339 (дата обращения: 05.10.2025).

[18] Эксклав / Социально-экономическая география: понятия и термины: словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 308.

[19] Третья мировая может начаться здесь – как Сувалкский коридор стал новой пороховой бочкой // Tochka.by: [сайт]. URL: https://tochka.by/articles/policy/tretya_mirovaya_mozhet_nachatsya_zdes_kak_suvalkskiy_koridor_stal_novoy_porokhovoy_bochkoy/ (дата обращения: 05.10.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

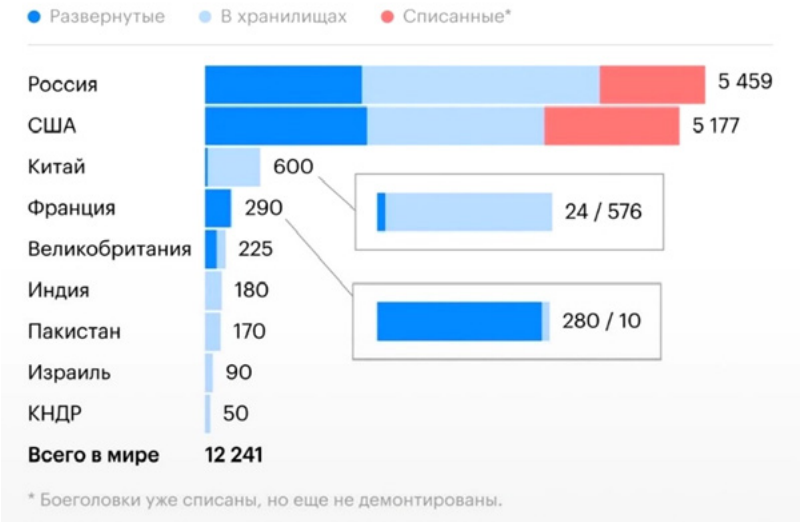

Рис. 1 / Fig. 1. Количество ядерных боеголовок в мире к 2025 г. / Number of nuclear warheads in the world by 2025

Источник: РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/politics/16/06/2025/684938569a7947623c4a5e92 (дата обращения: 20.10.2025).

пировать новую военную опасность: были вновь созданы Ленинградский и Московский военные округа[20].

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ РОССИИ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВОЕННЫМ ОПАСНОСТЯМ

Одним из главных показателей оборонной мощи, на наш взгляд, во всём мире уже многие десятилетия является фактор наличия ядерного оружия. Как следует из приведённого ниже рис. 1, в этом аспекте Россия уверенно занимает лидирующую позицию.

[20] Указ Президента Российской Федерации от 26.02.2024 №141 «О военно-административном делении Российской Федерации» // Президент России: [сайт]. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/e5FDAgf33wGgx40MAFwqyc4SdIvW7Aho.pdf (дата обращения: 05.10.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

В качестве одной из мер противодействия актуальным военным опасностям, под непосредственным руководством Президента России (Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами) регулярно проводится плановая тренировка стратегических ядерных сил с привлечением их сухопутных, морских и авиационных компонентов. Одно из последних таких мероприятий состоялось 22 октября 2025 г., в ходе которого были задействованы подвижный грунтовый комплекс «Ярс» на космодроме Плесецк, атомная подводная лодка «Брянск» в Баренцевом море и стратегические бомбардировщики Ту-95МС[21].

Национальная оборона, национальная безопасность и правоохранительная деятельность являются одними из ведущих статей расходов федерального бюджета. Например, на 2025 г. и плановый период 2026–2027 гг. на поддержание обороноспособности страны предусмотрены следующие суммы: 13,49 трлн руб. в 2025 г., 12,79 трлн руб. в 2026 г. и 13,06 трлн руб. в 2027 г. При этом Министерство финансов РФ прогнозирует следующие показатели доходов и расходов всего бюджета государства: в 2025 г. – 40,3 трлн руб. и 41,47 трлн руб., в 2026 г. – 41,84 трлн руб. и 42,92 трлн руб., в 2027 г. – 43,15 трлн руб. и 43,61 трлн руб. соответственно[22]. Исходя из данных цифр, можно констатировать, что в относительном выражении расходы федерального бюджета на оборону в ближайшие несколько лет будут составлять около 29% от общего объёма финансовых трат государства, что, на наш взгляд, является заметным индикатором политики руководства страны по обеспечению военной безопасности.

Говоря о величине российской армии, в настоящий момент, согласно Указу Президента РФ, штатная численность Вооружённых Сил Российской Федерации должна достигать 2 млн 391 тыс. 770 единиц, в том числе 1 млн 502 тыс. 640 военнослужащих[23]. Это весьма внушительные цифры, один из самых

[21] Верховный Главнокомандующий провёл тренировку стратегических ядерных сил // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/78265 (дата обращения: 22.10.2025).

[22] Бюджет для граждан 2025–2027. К проекту Федерального закона «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // Министерство финансов России: [сайт]. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/11/main/0759_Budget_2025-2027.pdf (дата обращения: 05.10.2025).

[23] Указ Президента Российской Федерации от 4.03.2026 №139 «Об установлении штатной численности Вооружённых Сил Российской Федерации» // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/79257 (дата обращения: 04.10.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

высоких показателей численности российской армии за последнюю четверть века[24].

В числе иных мер противодействия современным военным опасностям со стороны российского руководства можно также назвать следующие:

– увеличение численности высших военных учебных заведений[25];

– активное развитие оборонно-промышленного комплекса, повышение роли государства в данном секторе экономики [12];

– расширение и углубление сотрудничества с Китаем [14, с. 273], Индией [3; 10], Африкой [13], Латинской Америкой [2] в условиях санкций, фактического одностороннего закрытия некоторыми западными странами своих границ для капитала и товаров;

– цифровизация системы воинского учёта для более качественного проведения ежегодных призывных кампаний и мобилизационной работы военных комиссариатов. К 2026 г. начали функционировать Реестр повесток и Реестр воинского учёта, интегрированные с сервисом Министерства цифрового развития «Госуслуги»[26], о разработке которых стало известно в ноябре 2022 г. по президентскому указу[27];

– развитие программы «Время героев», направленной на конкретную поддержку ветеранов СВО: получения ими дополнительного образования, кадрового продвижения в структурах государственного и муниципального управления, в общественных и научных организациях [11, с. 36–37].

Воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма, преданности Родине, готовности защищать свой дом также является, на наш взгляд, одним из государственных приоритетов при противодействии военным опасностям, обеспечении наци-

[24] Как менялась штатная численность Вооруженных сил России // ТАСС: [сайт]. URL: https://tass.ru/info/15563581 (дата обращения: 22.10.2025).

[25] В России планируют открыть 15 военных вузов // Российская газета: [сайт]. URL: https://rg.ru/2025/07/07/uvelichenie-armii-potrebovalo-otkrytiia-novyh-voennyh-vuzov.html (дата обращения: 05.10.2025).

[26] Статус призывника: изменения, электронные повестки и категории годности // РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/base/26/02/2026/699dc8a69a79472b036e0301#contents-3 (дата обращения: 10.03.2026).

[27] Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2022 №854 «О государственном информационном ресурсе, содержащем сведения о гражданах, необходимые для актуализации документов воинского учета» // Гарант.ру: [сайт]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405692463/ (дата обращения: 10.03.2026).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ональной безопасности. Аналогичная политика в отношении молодёжи проводится в США и некоторых странах Европы [7], Китае [4], Израиле [5], Турции[28], Белоруссии[29].

РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ МОЩЬ: ЗАПАДНЫЕ ОЦЕНКИ

Рассмотрим, как оценивают западные эксперты уровень российской военной мощи. В октябре 2024 г. американский аналитический журнал «Новости Соединённых Штатов и международные репортажи» («U.S. News and World Report»), коллектив которого с 1933 г. специализируется на политико-экономической сфере и различных системах ранжирования, опубликовал рейтинг наиболее сильных армий мира, в котором Вооружённые Силы Российской Федерации заняли первое место. На втором – армия Соединённых Штатов, на третьем – Израиль, замыкают первые пять позиций Китай и Южная Корея. Данный рейтинг был составлен путём масштабного опроса 17 тыс. экспертов в различных странах мира[30].

Кроме того, по данным американского аналитического портала «Глобальная военная мощь» («Global Fire Power»), составляющего рейтинги наиболее мощных вооружённых сил планеты, на 2025 г. Россия также оказалась в лидерах: проведя анализ армий 145 стран на основе индекса огневой мощи из 60 критериев (например, численность личного состава, состояние логистики, уровень материально-технической базы, но без учёта ядерного арсенала), эксперты присвоили Российской Федерации второе место. На первом оказались Соединённые Штаты, на третьем – Китай, четвёртое и пятое достались Индии и Южной Корее[31].

В данных случаях мы видим примеры адекватного исследования западных экспертов и журналистов, учитывая объ-

[28] Военная служба по-турецки // Военные комиссариаты России: [сайт]. URL: https://voenkom.ric.mil.ru/Stati/item/341550/ (дата обращения: 05.10.2025).

[29] Допризывная и медицинская подготовка // Национальный образовательный портал Республики Беларусь: [сайт]. URL: https://adu.by/ru/homeru/obrazovatelnyj-protsess/obshchee-srednee-obrazovanie/uchebnye-predmety-v-xi-klassy/doprizyvnaya-i-meditsinskaya-podgotovka.html (дата обращения: 05.10.2025).

[30] These Countries Have the Strongest Militaries // U.S. News and World Report: [сайт]. URL: https://www.usnews.com/news/best-countries/rankings/strong-military (дата обращения: 05.10.2025).

[31] Military Strength Ranking 2025 // Global Fire Power: [сайт]. URL: https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php (дата обращения: 05.10.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ективный факт приобретения российскими Вооружёнными Силами уникального опыта Специальной военной операции, в ходе которой методично повышается уровень боеспособности и сплочённости личного состава, в боевых условиях применяется передовое вооружение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обстановка в формирующемся многополярном мире отличается высокой степенью конфликтности международных отношений. Это обстоятельство необходимо учитывать, выдвигая рекомендации по реализации мер для продуктивного отстаивания Россией национальных интересов. Принимая во внимание уже реализуемые шаги со стороны политического руководства по обеспечению военной безопасности государства, остановимся на некоторых предложениях.

Во-первых, следует использовать фактор обладания Россией ядерным арсеналом и поддержания его постоянной боеготовности как превентивной защиты от возможной полномасштабной агрессии со стороны западных стран, блока НАТО. Этот инструмент, по нашему мнению, уже десятилетия является гарантом глобального и регионального сдерживания, несмотря на многие тяжёлые события, негативно отразившиеся на социально-экономическом и военно-стратегическом положении России с 1991 г.

Во-вторых, необходимо применить опыт Специальной военной операции для корректировки прежних взглядов и практик на ведение боевых действий, подготовку офицерских и сержантских кадров, разработку перспективных образцов военной техники на базе отечественного оборонно-промышленного комплекса. Отражение этого опыта в новых версиях Военной доктрины и Стратегии национальной безопасности России также послужит надёжным базисом для дальнейшего совершенствования политики обеспечения военной безопасности государства.

В-третьих, России нужно продолжать расширение экономической, технической и военной кооперации с новыми центрами силы планеты (Латинской Америкой, Африкой, а также с крупнейшими державами азиатского континента Индией и Китаем). Это сотрудничество, на наш взгляд, будет иметь долговременный взаимовыгодный характер в контексте обмена знаниями,

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

опытом, технологиями, служить преодолением санкционных ограничений.

Таким образом, Российская Федерация вместе со своими союзниками, адаптируясь к новой геополитической реальности, может выступить качественно новым центром силы, – не только военной, экономической, но предложить иной способ продуктивного сосуществования разных стран, культур и цивилизаций, обеспеченный широкими интеграционными возможностями: путь созидания, справедливости, единства, а не деструктивно-агрессивного, подобный западному.

В заключение, процитируем специалиста в области военной стратегии, консультанта Министерства обороны и Государственного департамента США Э. Люттвака. Его слова особенно актуальны в наше время, когда Россия прилагает все силы для победы в Специальной военной операции, цели которой по демилитаризации и денацификации Украины должны быть достигнуты безо всяких оговорок, чтобы наступил прочный мир без возможности будущего реванша противника. В одном из своих фундаментальных трудов «Стратегия: логика войны и мира» ещё в 2001 г. Э. Люттвак писал: «Стало вполне привычным делом прерывать войны и на более длительный срок, навязывая перемирия. Если за перемирием не последуют напрямую успешные мирные переговоры, перемирия бесконечно продлевают состояние войны, потому что защищают более слабую сторону от последствий отказа пойти на уступки, иногда необходимые для установления мира. Прекращение огня и перемирия, навязываемые воюющим меньшим державам, систематически не дают войне превратиться в мир» [9, с. 84–96].

ЛИТЕРАТУРА

1. Балаклеец Н. А. Война и государство в современную эпоху // Социодинамика. 2019. №12. С. 103–110. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31227
2. Баскакова А. С., Исякаева А. Р., Хромова А. А. Стратегическое партнерство между БРИКС и странами Латинской Америки: перспективы сотрудничества и влияние на глобальную экономику // Казачество. 2024. №77. С. 176–181.
3. Белков А. Д. Трансформация политики Индии: многополярность или «мультиплексность»? // Журнал политических исследований. 2025. Т. 9. №4. С. 194–209. DOI 10.12737/2587-6295-2026-9-4-194-209

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

4. Бутюков К. А. Изменения в системе военного образования в Китае в рамках военной реформы 2015–2020 гг. // Общество и государство в Китае. 2021. Т. 51. №40-1. С. 295–309. DOI: 10.31696/9785907384699-2021-51-1-295-309

5. Допризывная военно-физическая подготовка израильской молодежи / А. А. Бурдейный, В. А. Щеголев, С. С. Прокопчук, Е. В. Зефирова // Ученые записки университета Лесгафта. 2016. №11. С. 37–40.

6. Комлева Н. А. Специфика процесса цивилизационного противоборства Запада и России на современном этапе [Электронный ресурс] // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 07.10.2025). DOI 10.18384/2224-0209-2025-2-1600

7. Корытков В. А. Система подготовки к военной службе современной молодежи в государствах-членах НАТО // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2019. Т. 38. №1. С. 155–160. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-1-155-160

8. Лаптиев А. И. Трансформация угроз военной безопасности Российской Федерации // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2024. №2. С. 183–188. DOI: 10.47576/2949-1894.2024.2.2.023

9. ЛюттвакЭдвард Н. Стратегия: логика войны и мира / пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2021. 447 с.

10. Селезнев П. С., Татулян К. А., Гафурова К. Р. Военно-техническое сотрудничество России и Индии // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. Т. 15. №4. С. 49–56. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-4-49-56

11. Сикорская Д. М. Кадровый потенциал участников специальной военной операции в системе государственного управления // Постсоветский материк. 2025. №3. С. 29–40. DOI: 10.48137/23116412_2025_3_29

12. Стежко В. В. Развитие системы государственного управления военно-технической политикой современной России // Россия и современный мир. 2024. №1. С. 206–220. DOI:10.31249/rsm/2024.01.12

13. Хромых И. Ю. Россия и Африка: ключ к построению многополярного мира // Вопросы российской юстиции. 2025. №35. С. 520–532.

14. Юдина К. В. Политико-дипломатическое сотрудничество России и Китая в укреплении принципов многополярности в условиях политической турбулентности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №11-1. С. 273–275. DOI:10.24412/2500-1000-2024-11-1-273-275

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ARTICLE INFORMATION

Authors

Yulia A. Abramova

- e-mail: yulia-abramova@yandex.ru,
  Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Political Science and Law,
  Faculty of History, Political Science and Law,
  Federal State University of Education
  ul. Radio 10A/2, Moscow 105005, Russian Federation

Alexander A. Nikolaev

- e-mail: Nikolaev07ddd1810@yandex.ru,
  Postgraduate Student, Department of Political Science and Law,
  Faculty of History, Political Science and Law
  Federal State University of Education
  ul. Radio 10A/2, Moscow 105005, Russian Federation

For citation

Abramova, Y. A. & Nikolaev, A. A. (2026). Modern Military Dangers for the Russian Federation: Specifics and Counteraction Measures. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To develop measures to counter modern military threats to the national security of the Russian Federation.

Methodology. The study included a political and traditional analysis of the 2014 Military Doctrine of the Russian Federation, the Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of February 29, 2024, and other documents, as well as official statements by the President of the Russian Federation V. V. Putin, the Director of the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation S. E. Naryshkin, the Director of the Federal Security Service of the Russian Federation A. V. Bortnikov, the Federal Chancellor of Germany F. Merz, the Secretary General of NATO M. Rutte, and others. Event analysis and statistical analysis were also used.

Results. The current military dangers and their specifics are identified; the measures taken by the Russian military and political leadership to counteract them are analysed; recommendations are given on countering

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru
www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru
www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

modern military dangers threatening the national security of the Russian Federation.

Research implications. Recommendations are given on the implementation of measures for the further successful and productive defence of Russia's national interests in the emerging polycentric world, characterised by a high degree of conflict between interstate relations.

Keywords

military security, state, national security, society, Russian Federation

References

1. Balakleets, N. A. (2019). War and the State in the Modern Era. In: *Sociodynamics*, 12, 103–110. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31227 (in Russ.).
2. Baskakova, A. S., Isyakayeva, A. R. & Khromova, A. A. (2024). Strategic Partnership between BRICS and Latin American Countries: Prospects for Cooperation and Impact on the Global Economy. In: *Cossacks*, 77, 176–181 (in Russ.).
3. Belkov, A. D. (2025). Transformation of India's Politics: Multipolarity or "Multiplexity"? In: *Journal of Political Research*, 9 (4), 194–209. DOI: 10.12737/2587-6295-2026-9-4-194-209 (in Russ.).
4. Butyukov, K. A. (2021). Changes in the Military Education System in China as Part of the 2015–2020 Military Reform. In: *Society and State in China*, 51 (40-1), 295–309. DOI: 10.31696/9785907384699-2021-51-1-295-309 (in Russ.).
5. Burdeiny, A. A. Shchegolev, V. A., Prokopchuk, S. S. & Zefirova, E. V. (2016). Pre-Conscription Military and Physical Training of Israeli Youth. In: *Scientific notes of P. F. Lesgaft University*, 11, 37–40 (in Russ.).
6. Komleva, N. A. (2025). The Specifics of the Process of Civilizational Confrontation Between the West and Russia at the Current Stage. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 07.10.2025). DOI: 10.18384/2224-0209-2025-2-1600 (in Russ.).
7. Korytkov, V. A. (2019). The System of Training for Military Service of Modern Youth in Nato Member States. In: *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 38 (1), 155–160. DOI: 10.18413/2075-4574-2019-38-1-155-160 (in Russ.).
8. Laptev, A. I. (2024). Transformation of Threats to the Military Security of the Russian Federation. In: *Innovative Economics: Information, Analytics and Forecasts,* 2, 183–188. DOI: 10.47576/2949-1894.2024.2.2.023 (in Russ.).

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

9. Luttewak, E. N. (2021). *Strategy: The Logic of War and Peace*. Moscow: AST publ. (in Russ.).

10. Seleznev, P. S., Tatulyan, K. A. & Gafurova, K. R. (2025). Military-Technical Cooperation between Russia and India. In: *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 15 (4), 49–56. DOI: 10.26794/2226-78 (in Russ.).

11. Sikorskaya, D. M. (2025). Personnel Potential of Special Military Operation Participants in the State Administration System. In: *Post–Soviet Continent*, 3, 29–40. DOI: 10.48137/23116412_2025_3_29 (in Russ.).

12. Stezhko, V. V. (2024). Development of the State Administration System for the Military-Technical Policy of Modern Russia. In: *Russia and the Contemporary World*, 1, 206–220. DOI: 10.31249/rsm/2024.01.12 (in Russ.).

13. Khromykh, I. Yu. (2025). Russia and Africa: A Key to Build a Multipolar World. In: *Issues of Russian Justice,* 35, 520–532 (in Russ.).

14. Yudina, K. V. (2024). Political and Diplomatic Cooperation between Russia and China in Strengthening the Principles of Multipolarity in the Context of Political Turbulence. In: *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 11 (1), 273–275. DOI:10.24412/2500-1000-2024-11-1-273-275 (in Russ.).

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Абрамова Ю. А., Николаев А. А., 2026

УДК 327

РУСОФОБИЯ КАК ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИНАМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ОТ ИМПЕРСКИХ СТЕРЕОТИПОВ К ЦИФРОВЫМ ДИСКУРС-ПРАКТИКАМ

Голубин Роман Викторович

- e-mail: golubin-roman@mail.ru;
  кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной безопасности и гуманитарных технологий, декан факультета социальных наук;
  Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
  603022, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23,
  Российская Федерация

Для цитирования

Голубин Р. В. Русофобия как транснациональный динамический феномен: от имперских стереотипов к цифровым дискурс-практикам // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 04.03.2026
- Статья размещена на сайте 24.06.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация
Ключевые слова
Введение
Русофобия как концепт и исторический феномен: от стихийных предубеждений к системным дискурсам
Генезис и формирование русофобских нарративов в XV–XVIII вв.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Голубин Р. В., 2026

Европейский колониальный дискурс и образ Российской империи: от страха перед экспансией до идеологизации «русской угрозы» (XIX – начало XX вв.)
Русофобия в эпоху мировых войн: от антимонархических до антитоталитарных мотивов
Распространение русофобии через социальные сети, онлайн-издания и блогосферу: новые механизмы формирования негативных образов (конец XX – начало XXI вв.)
Заключение
Литература
Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. В статье исследуется феномен русофобии как динамической транснациональной системы, эволюционирующей от исторических стереотипов к современным цифровым дискурс-практикам.

Процедура и методы. В работе доказывается, что современная русофобия представляет собой не статичный набор предубеждений, а гибкий коммуникативный конструкт, адаптирующийся к текущей геополитической конъюнктуре через социальные сети и новые медиа. Анализируются механизмы формирования образа «русского Другого» как инструмента символической конкуренции и легитимации политических решений.

Результаты. Результаты исследования позволяют переосмыслить русофобию как сложную коммуникативно-историческую матрицу, формирующуюся на стыке коллективной памяти, политических мифов и технологических возможностей цифровой эпохи.

Теоретическая и/или практическая значимость. На основе междисциплинарного подхода, объединяющего историю, политологию и медиаисследования, автор прослеживает генезис антироссийских настроений от религиозно-культурного отчуждения раннего Нового времени до идеологического противостояния эпохи холодной войны. Особое внимание уделяется трансформации образа России в XXI в. под воздействием цифровизации и глобальных информационных войн.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

дискурс, коммуникационная экосистема, негативный образ «русского Другого», предубеждения, русофобия, стереотипы

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Голубин Р. В., 2026

ВВЕДЕНИЕ

В XXI в. и особенно в свете драматичных событий последних нескольких лет мир переживает сложный процесс перестройки глобальных политических, экономических и культурных связей, в результате чего существенно возрастает значимость критического осмысления и переоценки устойчивых негативных стереотипов и предубеждений, укоренившихся в массовом сознании по отношению к целым народам и культурам. Вопросы же восприятия нашего русского народа, чья репутация сформирована длительной исторической интеракцией с Западом, Востоком и множеством транснациональных акторов, всё чаще становятся предметом интенсивных экспертных дискуссий. Соответственно, рассмотрение русофобии как динамического многовекторного феномена, находящего отражение как в дипломатической риторике и международных отношениях, так и в масс-медиа, общественно-политическом дискурсе, цифровых коммуникациях, представляется исключительно актуальным с точки зрения выявления структурных механизмов формирования образа «русского Другого» и осмысления его роли в современных идеологических, культурных и геополитических противоречиях.

Традиционные зарубежные историографические исследования негативных представлений о России и русских базируются на анализе североамериканской и европейской дипломатической и интеллектуальной истории, получившем развитие в трудах, например, М. Малиа [20], вскрывающего многовековую обусловленность восприятия России как «изначально чуждой» западному опыту, и Э. Адамовски, исследующего проблемы формирования русофобских стереотипов во французской либеральной мысли [12]. С другой стороны, концептуализация проблематики через призму культурных трансферов и постколониальных исследований (с опорой на методологические принципы, сформулированные Э. Саидом и применённые к российскому материалу в ряде сравнительных исследований) расширяет историографическое поле, вовлекая в анализ постимперские, трансграничные и медиальные аспекты феномена русофобии [27].

В отечественной историографии при всём разнообразии и тематической многоликости работ по связанной с русофобией проблематике в самых разных её проявлениях первоочередного внимания заслуживают изыскания профессора А. А. Ши-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ринянца и его коллег, активно анализирующих исторические корни, эволюцию и современные проявления русофобии. Их исследовательский проект направлен на изучение происхождения и развития русофобии в политическом дискурсе различных стран, в его рамках опубликованы статьи, посвящённые концептуализации русофобии и её проявлениям в разных исторических и культурных контекстах [6, с. 56–64; 1, с. 121–136; 2, с. 231–237; 5, с. 262–277; 9, с. 36–50; 10; 11; 16, p. 166–177].

Н. П. Таньшина демонстрирует, каким образом локальные травмы и исторические переломные моменты интериоризуются и трансформируются в новые формы антироссийских настроений [7], а П. Л. Карабущенко предлагает трактовку концепта русофобии как «химеры», совокупности фобий и предубеждений, имеющих и в своих первопричинах, и в своих следствиях восприятие нашей страны как враждебной чуждой субстанции [4].

Предлагаемое исследование опирается на широкий междисциплинарный инструментарий, сочетающий культурно-исторические интерпретации визуальных и литературных источников, методы исторической реконструкции интеллектуальных традиций (с опорой на политические трактаты, дипломатическую переписку и публицистику, анализируемые по примеру работ А. Каппелера о многонациональных структурах Российской империи)[1], динамический подход А. А. Ширинянца, справедливо отмечающего, что «при всей диверсификации русофобии … неприязнь, ненависть к России, русским, их этнокультурной, религиозной и национально-государственной идентичности – вот уже несколько столетий является существенным, если не определяющим, элементом внешнеполитической стратегии и внутриполитической пропаганды ряда зарубежных стран»[2], концепцию крупного советского учёного И. Р. Шафаревича, убедительно продемонстрировавшего глубинную, «онтологическую» связь русофобии с пропагандой и публицистикой – выражающей не искренние попытки понять смысл русской истории, а «злободневные», конъюнктурные интересы и чувства [8]. Всё вышеуказанное позволяет рассматривать русофобию как сложную коммуникационную экосистему,

[1] Kappeler A. The Russian Empire: A Multiethnic History. Hoboken: Taylor and Francis, 2001. 480 p.

[2] Русофобия: история и методы противодействия: учебно-методическое пособие для вузов к курсу «История России» / А. М. Баженов, Ш. Боллингер, С. Н. Ковалев, Т. Ю. Костева, Г. Меттан. Тула: Тульский государственный университет, 2024. С. 8.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

развивающуюся за счёт сетевого взаимовлияния локальных и глобальных нарративов.

Источниковая база работы охватывает не только традиционные архивные документы, дипломатические реляции и периодическую печать различных исторических эпох, но и современные интернет-платформы, социальные сети и масс-медийные ресурсы, выступающие катализатором транснациональной циркуляции стереотипов, упрощённых образов и символических конструкций.

Настоящая статья представляет собой попытку преодолеть узконациональные, монохронные и статичные трактовки русофобии путём раскрытия её транскультурной и динамической природы, связанной с многоуровневой интеракцией политических, интеллектуальных, экономических и медиальных факторов, ускользающих от простых объяснительных схем. В отличие от традиционных подходов, прежде всего стремившихся к обнаружению «пиков» антироссийских настроений в конкретных исторических ситуациях (например, в периоды Крымской и холодной войн), предлагаемая концептуализация рассматривает феномен русофобии как постоянно обновляющийся конструкт, питаемый не только исторической памятью и национальными идеологиями, но и процессами глобализации, цифровизации коммуникаций, усилением роли транснациональных экспертных сообществ и сетевых акторов, чьи интерпретационные практики формируют гибридный, многополюсный и постоянно эволюционирующий дискурс негативного восприятия России.

РУСОФОБИЯ КАК КОНЦЕПТ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ОТ СТИХИЙНЫХ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ К СИСТЕМНЫМ ДИСКУРСАМ

Понять русофобию как феномен, имеющий долгую и неоднозначную генеалогию, возможно лишь с учётом того, что её истоки восходят к ранним межкультурным контактам и геополитическим противостояниям, в ходе которых отрывочные, зачастую эмоционально окрашенные и фрагментарные представления о «русском мире» постепенно превращались в устойчивые матрицы восприятия, обладающие как внутренней логикой, так и определённой идеологической подкованностью; подобный переход от спонтанных предубеждений к институционализации негативных стереотипов прослеживается, в част-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ности, в исследовании Л. Вулфа [30], где анализируется интеллектуальное оформление Восточной Европы как своего рода «антитезы» европейской цивилизации эпохи Просвещения, а также в работе М. Мэлиа [20], вскрывающей исторический контекст закрепления образа России как экзотической и потенциально враждебной культуры; следовательно, русофобия может интерпретироваться не просто как хаотичная совокупность эмоций или случайных выпадов, но как систематизирующий дискурс, воспроизводящийся в дипломатических, публицистических, научных и медийных источниках на протяжении нескольких веков.

Доминирующие же в историографии и смежных дисциплинах определения русофобии традиционно сосредоточены на западноевропейских и, шире, трансатлантических интеллектуальных контекстах, трактуя её как устойчивую форму культурно-политического предубеждения против России, русского государства или русского народа, зачастую унаследованную от прежних эпох и идеологически переработанную в современных условиях; вместе с тем в условиях расширения исследовательской оптики, включающей постколониальные и постимперские парадигмы, такие как «евро-ориентализм» [12], становится возможным увидеть русофобию как многомерный конструкт, меняющийся под воздействием смены геополитических ориентиров, глобализации и распространения цифровых технологий, а также под влиянием исторического опыта политических и социально-культурных трансформаций внутри самой России и в окружающих её регионах. Таким образом, критический пересмотр предполагает отказ от статичной, монохронной модели и переход к исследованию русофобии как динамической, сетевой и транскультурной формации, пересекающей национальные границы и взаимодействующей с другими категориями негативных стереотипов, конструируемых в межэтнических и межкультурных контактах; данная перспектива прослеживается, к примеру, у И. Ноймана [21], который показывает, как представления о «Другом» адаптируются и модифицируются в зависимости от конкретных политических и интеллектуальных контекстов.

Разработанная в культурных и постколониальных исследованиях теория «Другого», опирающаяся на фундаментальные идеи, сформулированные Э. Саидом, а впоследствии расширенная анализом разнообразных национальных и региональ-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ных контекстов, позволяет рассматривать русофобию в качестве одной из форм «ориентализации» – символического конструирования и закрепления иного, чуждого, а порой опасного образа России как «восточной» или «недоевропейской» культуры; при этом подобная репрезентация не является статичной, но постоянно переопределяется в свете исторических опытов конфликтов, ассиметричных взаимоотношений и травматических событий, способных формировать коллективную память о пережитых унижениях или угрозах. Применение концепции «культурной травмы», разработанной в рамках социологической и антропологической теории [13], позволяет понять механизм трансформации исторических обид и негативных стереотипов в устойчивый дискурс неприязни через интериоризацию чувств незащищённости или несправедливости по отношению к России, а также через воспроизводство этих чувств в медийных, образовательных и экспертных пространствах. Таким образом, русофобия представляется не просто набором внешних характеристик «иностранного» образа, но сложным конструктом, наделённым памятью о конфликтных взаимодействиях, переформулированным в цифровую эпоху и поддерживаемым как реальными политическими актами и культурными практиками, так и воображаемыми сценариями международных отношений.

ГЕНЕЗИС И ФОРМИРОВАНИЕ РУСОФОБСКИХ НАРРАТИВОВ В XV–XVIII ВВ.

Процесс зарождения устойчивых отрицательных представлений о Руси и впоследствии России в европейском воображении начинался задолго до формирования разветвлённой дипломатической и культурной сети обменов, получившей развитие в раннем Новом времени, и уже в эпоху позднего Средневековья и раннего Возрождения можно обнаружить намёки на восприятие русских земель как своеобразной «пограничной зоны» между цивилизованным латинско-католическим миром и смутной, непредсказуемой Восточной Европой, не вписывающейся в стандартные категоризации; подобные стереотипы, как отмечают исследователи, уходят корнями в противоречивую интерпретацию православия, обособленность русских политических институтов и враждебность, обусловленную отсутствием надёжной информации о внутреннем устройстве

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

Московского княжества и Великого княжества Литовского, через призму которых зачастую рассматривались русские земли [23; 30]. Уже в XV–XVI вв. европейские интеллектуалы и религиозные деятели, опираясь на обрывочные дипломатические известия и слухи, складывали образ Руси как малоизученной, таинственной и потенциально опасной территории, чьи обычаи, религиозные ритуалы и государственный строй представлялись нелепыми, грубыми или варварскими, часто не совпадающими с канонами универсалистских теологических или политических доктрин западного христианства.

С переходом к эпохе раннего Нового времени, на фоне расширения торговых контактов и активизации дипломатического обмена, образ Московского царства стал приобретать более детализированные, но одновременно и более негативно заострённые черты, подпитываемые не только религиозными различиями, но и наблюдениями иностранных путешественников, купцов и посланников, оставивших многочисленные свидетельства, оценивающие политическую систему, социальный порядок и повседневную жизнь русского государства; среди этих нарративов особенно выделяются тексты, созданные западноевропейскими дипломатами и купцами XVI–XVII вв. – например, записки Сигизмунда фон Герберштейна[3] или сочинения Джайлза Флетчера[4], чьи наблюдения о жестокости власти, экономической отсталости, якобы неизбывной грубости нравов и замкнутости русских людей распространялись по всей Европе, накладываясь на уже существующие негативные стереотипы. Эти тексты, разобранные и интерпретированные в современных исторических исследованиях [14], неоднократно переформатировались, цитировались и адаптировались под нужды различных идеологических полемик, становясь ключевым источником для формирования унифицирующего образа «отсталой» Московии, чуждой как рационально-политическим, так и религиозно-культурным стандартам, доминировавшим в странах латинского христианства. Параллельно торговые и ку-

[3] Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. Т. 1: Латинский и немецкий тексты / пер. с лат. А. И. Малеина, А. В. Назаренко; пер. с р.-н.-в.-нем. А. В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.; Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. Т. 2: Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 656 с.

[4] Fletcher G. Russia at the Close of the Sixteenth Century Comprising the Treatise Of the Russe Common Wealth by Giles Fletcher, and the Travels of Sir Jerome Horsey, now for the First Time Printed Entire from His Own Manuscript. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 152 p.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

печеские отчёты, фиксировавшие необычность экономического уклада, климатических условий и непредсказуемость местных властей, способствовали закреплению представления о России как о пространстве неустойчивом, малоцивилизованном и управляемом по непонятным для иностранца законам.

Ещё одним особо значимым фактором генезиса и формирования русофобских нарративов в период XV–XVIII вв. стало усугубление конфессиональных противоречий между православием и католичеством, а впоследствии и протестантизмом, а также рост влияния религиозно мотивированных политических интерпретаций, трактовавших «русское православие» как искажённую, ретроградную форму христианства, неспособную к модернизации и мирному сосуществованию с динамично развивающимся западноевропейским обществом; подобная точка зрения, представленная в трудах католических миссионеров и теоретиков[5], отчасти пересекается с идеями, позднее обсуждёнными в более широкой исторической перспективе такими исследователями, как Маршалл По [23], который в своей книге демонстрирует, как конфессиональная пропасть и нехватка доверия между европейскими центрами интеллектуальной и религиозной жизни и Московским царством постепенно выкристаллизовывали образы «тёмной», «некультурной» Руси. В результате конфессиональный фактор, сплетаясь с неизбежной для того времени информационной асимметрией, геополитической конкуренцией и культурной изоляцией, закрепил в западноевропейской ментальности ряд устойчивых клише: Россия предстала не просто далёкой восточной державой, но своего рода «антимоделью» Запада, обладающей чуждым социальным укладом, иерархиями и ритуалами, вызывавшими недоверие, отторжение и порой прямой страх. Таким образом, к концу XVIII в. сформировался своего рода многослойный фундамент негативных представлений о России, соединивший в себе религиозно-конфессиональные аргументы, торгово-дипломатические наблюдения и более глубокие стереотипы геокультурного характера, на который в дальнейшем, в XIX и XX вв., будут нанизаны новые элементы политической, идеологической и культурной риторики.

[5] Поссевино А. Исторические сочинения о России. XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). М.: Издательство Московского университета, 1983. 272 с.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОТ СТРАХА ПЕРЕД ЭКСПАНСИЕЙ ДО ИДЕОЛОГИЗАЦИИ «РУССКОЙ УГРОЗЫ» (XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В контексте XIX – начала XX вв. Россия всё чаще воспринималась западноевропейскими интеллектуалами, политиками и журналистами не как геополитическая периферия или экзотическое исключение, а как активно расширяющаяся континентальная империя, чья территория охватывала обширные пространства от Восточной Европы до Дальнего Востока, что в значительной степени меняло угол зрения, под которым западная публицистика и дипломатия трактовали «русский вопрос»; подобное восприятие формировалось на пересечении колониального дискурса, укрепившегося в период европейского империализма, и традиционных стереотипов о культурной «отсталости» или «инаковости» России, наделявших её чертами внешнего врага, способного к непредсказуемому экспансионизму [12]. В то время как среди западных политических элит и общественного мнения формировалась идея о том, что Россия представляет собой своеобразный «азиатский деспотизм» внутри Европы, такие вопросы, как судьба Восточной Европы, Балкан и Кавказа, всё чаще становились предметом пропаганды, в которой Россия описывалась как опасная и чуждая либерально-демократическим ценностям сила; данный интеллектуальный конструкт порождал устойчивую «русскую угрозу», трактуемую не только как военная, но и как культурно-идеологическая, противостоящая прогрессу и свободам западного общества [20].

Особое значение в закреплении и эволюции русофобских стереотипов в рассматриваемый период приобрели сопредельные с Российской империей регионы, где национально-освободительные движения и конфессиональные противоречия порождали собственные формы антироссийской риторики, впоследствии оказывавшей влияние на всю западноевропейскую систему представлений. Так, польские интеллигенты и общественные деятели, опираясь на многовековой исторический опыт противостояния Речи Посполитой и России, а позже используя дискурс национального угнетения, сформировали богатый пласт литературы, памфлетов и публицистики, в которых Россия конструировалась как злейший враг польской сво-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

боды и европейского либерализма, придавая русофобии ярко выраженный национально-эмансипационный оттенок [29]. Аналогичным образом в Финляндии, находившейся под российским владычеством, критика имперской власти и попытки подорвать легитимность русского присутствия в регионе подпитывали негативные стереотипы, воспринимавшиеся в западных журналистских и дипломатических кругах как свидетельство «деспотической сущности» России и её неспособности уважать автономию малых народов. В то же время в Балканских странах, где Россия позиционировалась как «защитница православного мира», часть локальных элит и интеллектуалов всё более скептически смотрели на российские амбиции, подозревая их в скрытом империализме и стремлении к доминированию, что отражено в многочисленных дипломатических отчётах, публицистике и европейской прессе конца XIX – начала XX вв. [18]. Таким образом, локальные антиимперские и антироссийские нарративы, возникшие в различных уголках Центральной и Восточной Европы, перенесённые в западную интеллектуальную среду с помощью газет, журналов, эмигрантской публицистики и международных конгрессов, функционировали как своеобразные «фильтры» восприятия, через которые западный читатель видел Россию не как изолированный феномен, а как постоянную угрозу свободе и культурному разнообразию народов, оказавшихся в сфере её влияния.

Среди наиболее эффективных механизмов формирования и распространения русофобских образов в XIX – начале XX вв., особенно в эпоху формирования массовой журналистики и расширения читательской аудитории, можно выделить печать, публицистику и сатирическую графику, широко тиражировавшие негативные клише. Европейская периодика, включая влиятельные британские, французские и немецкие газеты, систематически преподносила российскую внешнюю политику в качестве агрессивной и реакционной, а внутренний строй – как воплощение коррупции, самоволия и жестокости, укрепляя восприятие России как оплота авторитаризма и консервативной тормозной силы в европейских делах [25]. Параллельно широкий успех имели карикатуры в популярных журналах и газетах, так же как и трактаты политических публицистов, стремившихся объяснить читателю «русскую проблему» через призму культурных и расовых стереотипов – нередко прибегая к образу «русского медведя» как символа грубой силы без

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

просвещённой воли к прогрессу. Публицистические брошюры, памфлеты, искусно оформленные сатирические рисунки в изданиях вроде парижского «Le Charivari» или лондонского «Punch» играли роль медийного посредника, способного быстро и наглядно закрепить в массовом сознании устойчивые негативные ассоциации, унаследованные от более ранних периодов и адаптированные к реалиям имперской конкуренции, колониальных амбиций и националистического брожения: о примерах использования стереотипов можно почерпнуть много полезного, например, у Н. В. Рязановского [24], анализирующего связи между восприятием национальных характеров и внешнеполитическими приоритетами. Таким образом, массовые печатные и визуальные формы коммуникации в имперскую эпоху не только распространили уже существующие негативные представления о России, но и кристаллизовали их в единый идеологически насыщенный комплекс стереотипов, сыгравший значительную роль в политике, дипломатии и общественной мысли конца XIX – начала XX вв.

РУСОФОБИЯ В ЭПОХУ МИРОВЫХ ВОЙН: ОТ АНТИМОНАРХИЧЕСКИХ ДО АНТИТОТАЛИТАРНЫХ МОТИВОВ

С началом XX в. и в особенности в период Первой мировой войны негативные стереотипы о России, бывшей тогда всё ещё имперским государством, получили новый импульс, связанный не только с давними представлениями о «культурной отсталости» или «чуждой» религиозно-политической системе, но и с изменившимся характером информационного обмена и массовой пропаганды, которые использовались воюющими сторонами в стремлении мобилизовать общественное мнение. В это время антимонархические и антироссийские настроения на Западе часто смешивались с ощущением угрозы, исходившей от обширной и стратегически уже неустойчивой Российской империи, воспринимаемой как оплот военной мощи без достаточных демократических институтов, что особенно отчётливо прослеживается в анализе дезинформационных кампаний и образов, циркулировавших в европейской и североамериканской публицистике [28].

В эпоху же Второй мировой войны пропагандистские штампы, применявшиеся в отношении Советского Союза, формаль-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

но сменившего империю, приобрели ещё более идеологически насыщенный характер, соединяя в единый комплекс представления о Советской России как об авторитарной, тоталитарной и опасной структуре, ориентированной на распространение своих идей за пределы собственных границ; подобное слияние старых культурных стереотипов и новых политических страхов создавало благодатную почву для укрепления и трансформации русофобии как одного из элементов военной пропаганды, что отражено в анализе документальных источников и пропагандистских материалов [3, с. 53–59].

Холодная война, растянувшаяся на несколько десятилетий второй половины XX в., открыла новую эру в истории русофобии, поскольку впервые негативный образ России / Советского Союза стал систематически конструироваться и транслироваться в глобальных масштабах посредством разветвлённой сети государственных и негосударственных информационных каналов, идеологических аппаратных структур, международных организаций и культурных обменов; в этот период антироссийские и антисоветские нарративы, сформировавшиеся на стыке геополитических противоречий, идейной борьбы между капитализмом и коммунизмом, а также памяти о мировых войнах, становились частью повседневного медийного пейзажа западных обществ, укрепляя восприятие Советского Союза как империи зла, экспансионистской, закрытой, репрессивной и непредсказуемой [20]. Массовые информационные кампании, поддерживаемые правительствами и разведслужбами, усиленно тиражировали стереотипы о «русской угрозе», пользуясь при этом средствами массовой культуры, кинематографом, радио и телевидением, а также активно вовлекая интеллектуальные элиты и диссидентов, стремившихся подчеркнуть несовместимость советской модели с западными ценностями [17].

С окончанием холодной войны и распадом Советского Союза в 1991 г. динамика русофобии вступила в новую фазу: при сохранении многих старых образов, укоренившихся в западном общественном мнении, стал заметен сдвиг в сторону «постимперских» и «постсоветских» интерпретаций, в которых негативные стереотипы о России всё чаще связывались не только с наследием советской эпохи, но и с проблемами переходного периода, экономической нестабильностью, авторитарными тенденциями в современной российской политике, а также с глобализацией информационных потоков, в рамках

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

которой любые конфликты или социально-политические кризисы внутри России оперативно транслировались и интерпретировались за пределами её границ. В условиях расширения Евросоюза, НАТО и глобальной сети средств массовой информации, поддерживаемых информационными технологиями и цифровыми коммуникациями, русофобия в постсоветский период приняла новые формы, которые включали в себя не только старые идеи о несоответствии России западным демократическим нормам, но и расширенный набор претензий, связанных с коррупцией, нарушениями прав человека, стремлением к региональному доминированию, кибервлиянием и вмешательством в избирательные процессы других стран, что отражено в современных исследованиях глобальных медийных войн и пропагандистских стратегий [19]. Таким образом, в постсоветскую эпоху русофобия превратилась в динамичный феномен, взаимодействующий с новыми геополитическими контекстами, транснациональными сетями и цифровыми медиа, сохранив при этом исторические корни и многослойную структуру, сложившуюся в предшествующие столетия.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РУСОФОБИИ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ, ОНЛАЙН-ИЗДАНИЯ И БЛОГОСФЕРУ: НОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НЕГАТИВНЫХ ОБРАЗОВ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

В условиях стремительного распространения интернета и социальных сетей, ставших доминирующими посредниками в транснациональном обмене информацией, русофобия получила дополнительный импульс к переосмыслению и укоренению в глобальном медийном поле, поскольку цифровая среда, более фрагментированная и децентрализованная, чем традиционные СМИ, способствует оперативному и широкомасштабному тиражированию упрощённых, стереотипизированных и негативно окрашенных представлений о России. Одновременно низкий порог входа в цифровые коммуникации, равно как и высокая скорость циркуляции контента позволяют отдельным группам – от политических акторов до активистов и анонимных пользователей – формировать и поддерживать специфические «эхо-камеры» антироссийских настроений, производя мемы, видеоролики, аналитические посты и псевдоаналити-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ческие статьи, которые в совокупности конструируют устойчивое поле антирусских нарративов [22]. Эти цифровые образы усиливаются за счёт алгоритмических механизмов платформ, способствующих распространению контента, вызывающего эмоциональный отклик, тем самым упрочивая и закрепляя негативное восприятие России как державы, постоянно вмешивающейся в международные процессы, нарушающей нормы глобального порядка и противостоящей либерально-демократическим ценностям западного мира.

Особое место в процессе формирования цифрового дискурса русофобии занимают напряжённые геополитические события и конфликты на постсоветском пространстве или кризисы в отношениях между Россией и западными государствами, которые немедленно находят своё отражение в социально-сетевых пространствах, онлайн-комментариях к новостным материалам, контенте блогеров и аналитических обзорах, представленных на популярных платформах. Исследователи информационных противостояний [15] указывают на то, что сопутствующие подобным кризисам информационные войны в цифровой среде характеризуются не только взаимными обвинениями и пропагандистскими выпадами, но и более тонкими формами конструирования негативных образов – от мемов, воплощающих устоявшиеся стереотипы о «русской дикости» или «имперских амбициях», до иронично-циничных «шуток», тиражируемых в глобальных сетевых сообществах и трансформирующихся в устойчивые дискурсивные практики. Таким образом, конфликты в международных отношениях запускают цепочку онлайн-интерпретаций, в которых русофобия выступает одним из ключевых элементов производства антагонистического образа «Другого»; в результате устаревшие имперские или советско-центричные клише смешиваются с новыми идеологическими маркерами, усиленными цифровой доступностью и визуальной убедительностью интернет-контента.

Глобализация коммуникаций, охватывающая как трансатлантическое, так и трансазиатское пространство, позволяет отрицательным стереотипам о России циркулировать с беспрецедентной скоростью и широтой охвата, выходя за рамки прежних региональных центров формирования русофобии; интернет-площадки, ориентированные на англоязычную, франкоязычную, немецкоязычную, китайско- или арабоязычную аудиторию, превращаются в своеобразный «рынок» нарративов, где негативные

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

представления о России могут не только воспроизводиться, но и переосмысляться с учётом региональных интересов и локальных исторических контекстов [26, p. 441–458]. Например, в информационном пространстве США и стран Европейского союза антироссийские дискурсы с лёгкостью соединяются с историей холодной войны и современными проблемами кибербезопасности, создавая образ России как «неперевоспитуемого противника», в то время как в некоторых странах Азии восприятие России окрашивается иными контекстами – например, энергетическими зависимостями, историческим опытом советской поддержки или критикой внешнеполитической активности Москвы в Евразийском пространстве. Таким образом, трансконтинентальные связи и глобальные коммуникационные сети усиливают сложность русофобских нарративов, которые благодаря цифровым медиа не просто тиражируются, но и творчески модифицируются, превращаясь в плавающие, гибридные дискурсы, способные адаптироваться к разным аудиторным нишам и идеологическим потребностям, подтверждая тем самым фундаментальную роль новой медиасреды в эволюции феномена русофобии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотрение русофобии сквозь призму её исторической эволюции, начиная от первых стереотипов эпохи раннего Нового времени, когда Россия воспринималась через призму религиозной и культурной отчуждённости, и заканчивая многоуровневым транскультурным феноменом, укоренённым в глобальном медиапространстве XXI в., позволяет увидеть, что данный феномен не сводится к статичному набору предубеждений, а выступает гибкой, подвижной и постоянно трансформирующейся системой негативных представлений.

Опираясь на многочисленные источники различных эпох, методов и дисциплинарных полей, мы можем утверждать, что русофобия формировалась и переопределялась на стыке политической пропаганды, религиозных разногласий, националистических тенденций, колониальных и имперских амбиций, войн и геополитических кризисов, а в новейший период – и под влиянием цифровых коммуникаций, глобализационных процессов и децентрализованных сетевых дискурсов. Эта многоаспектность и историческая глубина свидетельствуют о том, что русофобия, не являясь феноменом исклю-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

чительно европейской или постсоветской истории, должна рассматриваться как трансконтинентальный, многомерный дискурсивный конструкт, проявляющийся во множестве идеологических регистров, национальных контекстов и культурных кодов, которые могут меняться в зависимости от актуальной международной обстановки, технологического облика средств массовой информации и интенсивности экономических, политических и социокультурных контактов между Россией и остальным миром.

Применение междисциплинарного подхода, сочетающего исторические, культурологические, социологические и медиакоммуникационные исследования, демонстрирует, что русофобия не является ни чисто внешним, ни чисто внутренним феноменом, а представляет собой сложную коммуникативно-историческую матрицу, формирующуюся за счёт пересечения коллективных воспоминаний, политических мифов, символических маркеров «чужого» и системной символической конкуренции за представление о легитимных моделях прогресса, цивилизованности и международного порядка. В этом смысле анализ русофобии открывает широкий простор для дальнейших сравнительных, межкультурных и методологически инновационных исследований, способных пролить новый свет на природу международных конфликтов, идеологических антагонизмов и глобальных медиадинамик, а также содействовать выработке более взвешенных стратегий диалога и взаимопонимания в современных условиях полицентричного и быстро меняющегося миропорядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдин В. А., Кургинова Д. Ю., Ширинянц А. А. «Нам жаль русских, …нужно помочь страдальцам» // RussianStudiesHu. 2023. Т. 5. № 2. С. 121–136. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.17
2. Гуторов В. А., Ширинянц А. А. «Русофобия»: слово и смыслы // Тетради по консерватизму. 2023. №1. С. 231–237. DOI: 10.24030/24092517-2023-0-1-231-237
3. Ильин А. Н. Восточноевропейские переосмысление роли Советского Союза во Второй мировой войне как элемент проекта «Русофобия» // Информационные войны. 2024. №3. С. 53–59.
4. Карабущенко П. Л. Русофобия. История одной химеры. М.: ИНФРА-М, 2023. 327 с.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

5. Кургинова Д. Ю., Мырикова А. В., Ширинянц А. А. От любви до ненависти...: к генеалогии американской русофобии // Диалог со временем. 2023. №83. С. 262–277. DOI: 10.21267/AQUILO.2023.83.83.016

6. «Русские – наши природные враги»: из истории германской русофобии XIX – начала XX века / В. К. Белозеров, Д. В. Миронов, А. В. Мырикова, А. А. Ширинянц // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2023. №2. С. 56–64. DOI: 10.52070/2500-347X_2023_2_851_56

7. Таньшина Н. П. Страшные сказки о России. Классики европейской русофобии и не только. СПб.: Питер покет, 2023. 256 с.

8. Шафаревич И. Р. Русофобия. М.: Алгоритм, 2022. 352 с.

9. Ширинянц А. А. Ещё раз о русофобии: к вопросу о концептуализации // История. Историки. Источники (электронный научный журнал). 2024. №2. URL: history2014.esrae.ru/44-421 (дата обращения: 06.02.2026).

10. Ширинянц А. А., Сорокопудова О. Е. «Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2014. №2. DOI: 10.18384/2224-0209-2014-2-891.

11. Ширинянц А. А., Сорокопудова О. Е. «Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке (II) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. №4. DOI: 10.18384/2224-0209-2022-4-1202

12. Adamovsky E. Euro-Orientalism: Liberal Ideology and the Image of Russia in France. Oxford: Peter Lang, 2006. 358 p.

13. Alexander J. C. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. 304 p.

14. Berry L., Crummey R. Rude & Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers. Madison: University of Wisconsin Press, 1968. 314 p.

15. Giles K. Handbook of Russian Information Warfare. Rome: NATO Defense College, 2016. 90 p.

16. Gutorov V. A., Myrikova A. V., Shirinyants A. A. Russophobia concept in modern political discourse // Political expertise: POLITEX. 2023. Vol. 19. No. 2. P. 166–177.

17. Hixson W. L. Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War. New York: St. Martin's Press, 1997. 283 p.

18. Jelavich B. Russia and the Formation of the Romanian National State, 1821–1878. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 356 p.

19. Laruelle M. Is Russia Fascist? Unraveling Propaganda East and West. Ithaca: Cornell University Press, 2021. 264 p.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

20. Malia M. Russia Under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1999. 528 p.

21. Neumann I. B. Uses of the Other: “The East” in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. 304 p.

22. Oates S. Revolution Stalled: The Political Limits of the Internet in the Post-Soviet Sphere. New York: Oxford University Press, 2013. 240 p.

23. Poe M. A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca: Cornell University Press, 2000. 312 p.

24. Riasanovsky N. V. Russian Identities: A Historical Survey. Oxford: Oxford University Press, 2005. 288 p.

25. Robbins R. G. The Tsar’s Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca: Cornell University Press, 1987. 328 p.

26. Rutland P. Anti-Russian Sentiment in the West and Anti-Western Sentiment in Russia: Mirror Images? // European Politics and Society. 2016. №17. P. 441–458.

27. Said E. W. Orientalism: Western Conceptions of the Orient. New York: Vintage books, 1979. 368 p.

28. Sanborn, J. Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire. Oxford: Oxford University Press, 2014. 300 p.

29. Snyder T. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. New Haven: Yale University Press, 2003. 384 p.

30. Wolff L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford: Stanford University Press, 1994. 436 p.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Голубин Р. В., 2026

ARTICLE INFORMATION

Author

Roman V. Golubin

- e-mail: golubin-roman@mail.ru,
  Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Social Security and Humanitarian Technologies, Faculty of Social Sciences,
  National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
  prosp. Gagarina 23, Nizhny Novgorod 603022, Russian Federation

For citation

Golubin, R. V. (2026). Russophobia as a Transnational Dynamic Phenomenon: From Imperial Stereotypes to Digital Discourse Practices. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To explore the phenomenon of Russophobia as a dynamic transnational system evolving from historical stereotypes to modern digital discourse practices.

Methodology. It is proved that modern Russophobia is not a static set of biases, but a flexible communicative construct that adapts to the current geopolitical situation through social networks and new media. The author analyses the mechanisms of forming the image of the "Russian Other" as an instrument of symbolic competition and legitimisation of political decisions.

Results. The results of the study help to rethink Russophobia as a complex communicative and historical matrix formed at the junction of collective memory, political myths and technological capabilities of the digital age.

Research implications. Based on an interdisciplinary approach combining history, political science and media studies, the author traces the genesis of anti-Russian sentiments from the religious and cultural alienation of the early Modern period to the ideological confrontation of the Cold War era. Attention is paid to the transformation of Russia's image in the 21st century under the influence of digitalisation and global information wars.

Keywords

discourse, communication ecosystem, negative image of the "Russian Other," prejudice, Russophobia, stereotypes

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

References

1. Boldin, V. A., Kurginova, D. Yu. & Shirinyants, A. A. (2023). "We Feel Sorry for the Russians, ...We Need to Help the Sufferers." in: *RussianStudiesHu*, 5 (2), 121–136. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2023.5.17 (in Russ.).
2. Gutorov, V. A. & Shirinyants, A. A. (2023). "Russophobia": Word and Meanings. in: *Notebooks on Conservatism*, 1, 231–237. DOI: 10.24030/24092517-2023-0-1-231-237 (in Russ.).
3. Ilyin, A. N. (2024). Eastern European Rethinking of the Role of the Soviet Union in the Second World War as an Element of the "Russophobia" Project. In: *Information Wars*, 3, 53–59 (in Russ.).
4. Karabushchenko, P. L. (2023). *Russophobia. the History of one Chimera*. Moscow: INFRA-M publ. (in Russ.).
5. Kurginova, D. Yu., Myrikova, A. V. & Shirinyants, A. A. (2023). From Love to Hate...: Towards the Genealogy of American Russophobia. In: *Dialogue with Time*, 83, 262–277. DOI: 10.21267/AQUILO.2023.83.83.016 (in Russ.).
6. Belozerov, V. K., Mironov, D. V., Myrikova, A. V. & Shirinyants, A. A. (2023). "Russians are our Natural Enemies": From the History of German Russophobia in the 19th – Early 20th Centuries. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2, 56–64. DOI: 10.52070/2500-347X_2023_2_851_56 (in Russ.).
7. Tanshina, N. P. (2023). *Scary Tales about Russia. Classics of European Russophobia and Beyond*. St. Petersburg: Piter Pocket publ. (in Russ.).
8. Shafarevich, I. R. (2022). *Russophobia*. Moscow: Algoritm publ. (in Russ.).
9. Shirinyants, A. A. (2024). Once Again about Russophobia: On the Issue of Conceptualisation. In: *History. Historians. Sources*, 2. URL: History2014.Esrae.Ru/44-421 (accessed: 06.02.2026) (in Russ.).
10. Shirinyants, A. A. & Sorokopudova, O. E. (2014). The "Russian Question": French Russophobia in the 19th Century. In: *Bulletin of Moscow State Regional University (electronic journal),* 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 06.02.2026) (in Russ.).
11. Shirinyants, A. A. & Sorokopudova, O. E. (2022). The "Russian Question": French Russophobia in the 19th Century (II). in: *Bulletin of Moscow State Regional University (electronic journal),* 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 06.02.2026) (in Russ.).
12. Adamovsky, E. (2006). *Euro-Orientalism: Liberal Ideology and the Image of Russia in France*. Oxford: Peter Lang.
13. Alexander, J. C. (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Голубин Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

14. Berry, L. & Crummey, R. O. (1968). *Rude & Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers*. Madison: University of Wisconsin Press.
15. Giles, K. (2016). *Handbook of Russian information Warfare*. Rome: NATO Defense College.
16. Gutorov, V. A., Myrikova, A. V. & Shirinyants, A. A. (2023). Russophobia Concept in Modern Political Discourse. In: *Political Expertise: POLITEX*, 19 (2), 166–177.
17. Hixson, W. L. (1997). *Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War.* New York: St. Martin's Press.
18. Jelavich, B. (1984). *Russia and the Formation of the Romanian National State, 1821–1878*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Laruelle, M. (2021). *Is Russia Fascist? Unraveling Propaganda East and West*. Ithaca: Cornell University Press.
20. Malia, M. (1999). *Russia Under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
21. Neumann, I. B. (1999). *Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
22. Oates, S. (2013). *Revolution Stalled: The Political Limits of the internet in the Post-Soviet Sphere*. New York: Oxford University Press.
23. Poe, M. (2000). *A People Born to Slavery: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748*. Ithaca: Cornell University Press.
24. Riasanovsky, N. V. (2005). *Russian Identities: A Historical Survey*. Oxford: Oxford University Press.
25. Robbins, R. G. (1987). *the Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire*. Ithaca: Cornell University Press.
26. Rutland, P. (2016). Anti-Russian Sentiment in the West and anti-Western Sentiment in Russia: Mirror Images? In: *European Politics and Society*, 17, 441–458.
27. Said, E. W. (1979). *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*. New York: Vintage Books.
28. Sanborn, J. (2014). *Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire*. Oxford: Oxford University Press.
29. Snyder, T. (2003). *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999.* New Haven: Yale University Press.
30. Wolff, L. (1994). *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford: Stanford University Press.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Голубин Р. В., 2026

УДК 378.4.

«СПАСАТЬ СВОЮ ДУШУ, НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ГОСУДАРСТВА»: ПРОГРАММА СОЦИАЛЬНОГО ХРИСТИАНСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

Прокудин Борис Александрович

- e-mail: probor@bk.ru;
  доктор исторических наук, профессор кафедры
  истории социально-политических учений факультета политологии;
  Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
  119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Кириченко Георгий Андреевич

- e-mail: kirichenkogeorgijs@yandex.ru;
  аспирант кафедры истории социально-политических учений
  факультета политологии;
  Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
  119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Прокудин Б. А., Кириченко Г. А. «Спасать свою душу, не выходя из государства»: программа социального христианства Н. В. Гоголя // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 26.12.2025
- Статья размещена на сайте 22.05.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация
Ключевые слова
Введение
Традиция социального христианства
Программа христианского «служения земле своей»
Заключение
Литература
Article information

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Прокудин Б. А., Кириченко Г. А., 2026

АННОТАЦИЯ

Цель. Реконструировать «программу» социального христианства Н. В. Гоголя, в основе которой лежит идея «спасения в государстве» в соответствии с заповедью «служить земле своей».

Процедура и методы. В статье предпринята попытка рассмотреть работу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) в качестве наиболее последовательной части его проповеднической деятельности. Методологической основой данного исследования является историко-политологический подход к изучению публицистических и эпистолярных текстов.

Результаты. Показано, что Гоголь был основоположником традиции социального христианства в русской литературе, которая потом была подхвачена и Л. Н. Толстым, и Ф. М. Достоевским. Гоголь был убеждён, что никакие внешние реформы и перемены в области государственного устройства не могут улучшить положение народа, и существует только один способ спасения России – «благоустройство душ». В статье реконструирована программа «благоустройства душ», которая предполагает на первом этапе нравственное перерождение читателя Гоголя, который в идеале станет монахом, оставаясь «в самом сердце государства», т. е. не покидая места службы. На втором этапе ему следует заняться изучением людей, которые входят в круг его влияния. На третьем – он должен приступать к непосредственному воздействию на них своим примером и мудрым советом. Служение и преображающее влияние на окружающих, таким образом, становится главным духовным подвигом людей, для которых «монастырь их – Россия».

Теоретическая и / или практическая значимость. Изложенные в статье факты вносят вклад в развитие исторической и политической наук в России. Выводы и результаты анализа могут быть использованы при создании научных статей, монографий по истории общественной и политической мысли России, а также в учебном процессе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«Выбранные места из переписки с друзьями», Н. В. Гоголь, русское хранительство, социальное христианство

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Прокудин Б. А., Кириченко Г. А., 2026

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ВВЕДЕНИЕ

Целью социально-политических трактатов является изменение внешних форм общественной жизни. Целью религиозной проповеди является изменение внутренней жизни человека. Социально-политические трактаты предлагают сценарии общественных изменений. Проповеди – пути индивидуального спасения. А как тогда назвать проповедь, содержащую призыв к преобразованию индивидуальной жизни человека, но с целью преображения общества? А ведь работа «Выбранные места из переписки с друзьями» по жанру является именно такой проповедью. Появление этой книги вызвало бурю в русском читающем обществе, по выражению Гоголя, «рассердились все до единого в России»[1]. Негодование современников было вызвано прежде всего нравоучительным тоном автора, в котором даже идейные соратники находили «сатанинскую гордость, а не христианское смирение»[2]. Изумлённых читателей так поразил стилистический контраст между художественными произведениями Гоголя, к которым они привыкли, и «Выбранными местами…», что многие поспешили заподозрить, что Гоголь сошёл с ума.

Однако «проповедничество» было для Гоголя столь же важным делом, как и искусство. Ещё с юности в письмах к матери и сёстрам он взял наставительный тон, особенно в вопросах веры и нравственности. Некоторые признаки проповеди можно найти в его преподавательской работе. Часть своих лекций по истории, прочитанных в первой половине 1830-х гг., он опубликовал в сборнике «Арабески». В 1836 г. в жизни Гоголя случилось загадочное событие, которое он называл «великий перелом», после которого главным делом своей жизни он назвал служение Господу. «Нынче я чувствую, что не земная воля направляет путь мой»[3], – писал он тогда М. П. Погодину. И потом, в какой-то момент своей напряжённой духовной жизни, Гоголь почувствовал непременную обязанность, долг служить обществу, но не только как писатель, но и как христианин [6, с. 386].

[1] Н. В. Гоголь – В. Г. Белинскому, 20 июня 1847 г. // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 13. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 326.

[2] С. Т. Аксаков – И. С. Аксакову, 11–14 января 1847 г., Москва // О «Выбранных местах из переписки с друзьями». Книга Н. В. Гоголя в отражении русской общественной мысли XIX–XXI веков: антология. М.: АБВ, 2021. С. 90.

[3] Н. В. Гоголь – М. П. Погодину, 15 мая 1836 г. // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 11. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 46.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Прокудин Б. А., Кириченко Г. А., 2026

Так что Гоголь считал проповедническую деятельность своим призванием. «Бог мне помог накопить несколько умного и душевного добра и дал некоторые способности, полезные и нужные другим, писал он, – стало быть, я должен раздать это имущество не имущим его»[4]. И от наставительных писем родным и друзьям Гоголь вполне естественно пришёл к наставлению, рассчитанному на самую широкую публику. Так появилась книга «Выбранные места из переписки с друзьями». «Это, – по словам И. Р. Монаховой, – наиболее выдающаяся и сильнодействующая часть его проповеднической деятельности» [6, с. 386]. Так что нравоучительный тон, которым написана книга, вполне соответствует её жанру, ведь проповедники должны напоминать людям о моральных требованиях, предъявляемых христианством, и «попрекать заблудших и отступивших от Господа». «Попрекать» – одно из любимых слов Гоголя. Другу и поэту Н. М. Языкову он советует «будить» своих читателей от нравственной «дремоты нынешнего века» двумя орудиями: силой «упрекающей» и «подъемлящей». Этими «орудиями», очевидно, Гоголь активно пользовался сам. «Одних нужно поднять, других попрекнуть, – пишет он: – поднять тех, которые смутились от страхов и бесчинств, их окружающих; попрекнуть тех, которые в святые минуты небесного гнева и страданий повсюдных дерзают предаваться буйству всяких скаканий и позорного ликованья»[5].

Итак, перед нами христианская проповедь, но в чём её специфика? Гоголь будто не просто отвергает индивидуальное спасение и ратует о спасении всем миром, со всеми братьями. Он предлагает оригинальную формулу спасения в государстве. В главе «Страхи и ужасы России» он пишет: «Всяк должен подумать теперь о себе, именно о своём собственном спасении. Но настал другой род спасенья. Не бежать на корабле из земли своей, спасая своё презренное земное имущество, но, спасая свою душу, не выходя вон из государства, должен всяк из нас спасать себя самого в самом сердце государства. На корабле своей должности и службы должен теперь всяк из нас выноситься из омута, глядя на Кормщика небесного»[6]. Как это понимать?

[4] Гоголь Н. В. Нужно проездиться по России / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 301.

[5] Гоголь Н. В. Предметы для лирического поэта в нынешнее время / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 279.

[6] Гоголь Н. В. Страхи и ужасы России / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 344.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Прокудин Б. А., Кириченко Г. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ТРАДИЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ХРИСТИАНСТВА

Критик первой волны русской эмиграции К. В. Мочульский писал, что «все черты, характеризующие “великую русскую литературу”, ставшую мировой, были намечены Гоголем: её религиозно-нравственный строй, её гражданственность и общественность, её боевой и практический характер, её пророческий пафос и мессианство» [7, с. 221]. С этим трудно поспорить, но необходимо добавить, что слова о «другом роде спасения» намечают ещё одну традицию русской литературы, которая будет потом подхвачена и Л. Н. Толстым, и Ф. М. Достоевским, – традицию очень специфического социального христианства.

Общественный идеал русских писателей, исповедующих социальное христианство, был напрямую связан с их трактовкой Священного Писания, пониманием Слова Божьего. Каждый из них выделял свою «главную заповедь» Христа, и она становилась фундаментом его социально-политической программы. Толстой увидел «главную» заповедь в непротивлении злу. Из этого вырос непротивленческий анархизм. Толстой будет говорить о «царстве мира», который может быть достигнут при буквальном соблюдении заповедей Нагорной проповеди[7]. Достоевский «главную» заповедь увидел в братстве. Отсюда – его призыв к единению всего мира. Достоевский будет грезить «всечеловечески-братским единением» всех людей «по Христову евангельскому закону»[8]. Т. е. оба классика будут приписывать Спасителю, как справедливо замечал К. Н. Леонтьев, «никогда не высказанные им обещания “всеобщего братства народов”, “повсеместного мира” и “гармонии”» [4, с. 347]. Возвращаясь к Гоголю, мы вправе утверждать, что он, не сформулировавший это напрямую, тоже выделял свою «главную» заповедь Христа: «служить земле своей», – приписывая Спасителю никогда не высказанное им обещание «спасения в государстве».

Гоголь отличается от своих великих наследников тем, что идея всемирной гармонии и мессианские мотивы в его проповеди звучат довольно слабо. Вероятно, Толстому и Достоевскому он мог бы ответить, что размышлять о «царстве мира» или «всечеловеческом братстве» рано. Сначала нужно «благоустро-

[7] См.: Толстой Л. Н. В чем моя вера // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 23. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 370.

[8] Достоевский Ф. М. Пушкин // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. М., 1958. С. 458.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Прокудин Б. А., Кириченко Г. А., 2026

ить» свою душу (термин из «Выбранных мест…»), чтобы благоустроить Россию. Это первоочередная задача. Упоминание о «больных» европейских народах и всём человечестве звучит у Гоголя только в контексте его размышлений о «высшем значении монарха», который «неминуемо должен наконец сделаться весь одна любовь, и таким образом станет видно всем, почему государь есть образ Божий»[9]. По Гоголю, в Европе никому не приходит в голову определить «высшее» значение монарха, они смотрят на своих королей только как на главных «чиновников», поэтому не вполне понимают границ их полномочий, а государь и народ видят друг в друге противников, оспаривающих власть. Поэтому каждый из европейских народов болеет: «мечется, бедный, не зная сам, как и чем себе помочь». У нас, говорит Гоголь, «высшее» значение монарха прозрели поэты, «услышали с трепетом волю Бога создать её в России в её законном виде»[10]. Поэтому – мы можем указать Европе рецепт «выздоровления». Однако эти размышления могут только отвлечь читателя от сути его социальной и духовно-политической «программы», главный призыв которой состоит в служении общественному благу. Гоголь писал: «Все же дары Божьи даются нам затем, чтобы мы служили ими собратьям нашим»[11]. В идее общественного служения заключён весь смысл книги «Выбранные места из переписки с друзьями» и содержание веры Гоголя.

Разумеется, идея служения есть в христианстве. В рамках библейской антропологии человек является носителем Образа Божия и призван достигнуть Подобия Божьего. Для христианина целью человеческого бытия является не счастье, а обожение, т. е. нравственное и духовное совершенствование в соответствии с заветом Христа: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5: 48). Согласно этой установке христианин призван к строительству не «общества потребления», а «общества служения» [см.: 2, с. 140–150]. Однако основной задачей христианина является всё-таки индивидуальное спасение. Оптинские старцы в этом контексте говорили

[9] Гоголь Н. В. О лиризме наших поэтов / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 256.

[10] Гоголь Н. В. О лиризме наших поэтов / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 257.

[11] Гоголь Н. В. Советы / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 282.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Прокудин Б. А., Кириченко Г. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

о «двойной миссии» человеческой жизни, используя метафору «внутреннего сада» и «внешнего сада», где «внутренний сад» – духовное возрастание, «внешний» – ответственное управление творением. При этом уход за «внутренним» садом, с их точки зрения, должен производиться самый тщательный, за «внешним» – по мере насущной потребности.

Нельзя сказать, что Гоголь меняет местами «внутренний» и «внешний» сады, призывая исключительно к «служить своей земле». В «Выбранных местах…» он говорит о необходимости спасать свою душу. Но в данный исторический момент личное спасение невозможно без служения людям. Тревога Гоголя о судьбе России будто заставляет его сказать, что сейчас мы не можем позволить себе роскошь индивидуального спасения в тиши скитов и удалённых монастырей. Наш долг перед Россией – спасать свою душу, «не выходя вон из государства». В «Авторской исповеди» Гоголь писал, что после «долгих трудов и размышлений» он пришёл к мысли, «что назначенье человека – служить и вся жизнь наша есть служба. Не забывать только нужно того, что взято место в земном государстве затем, чтобы служить на нем государю небесному и потому иметь в виду его закон. Только так служа, можно угодить всем: государю, и народу, и земле своей»[12].

В главе «Нужно любить Россию» Гоголь дал удивительную формулу спасения, своеобразный манифест христианства служения. Начинает он с утверждения, что без любви к Богу спастись невозможно. Но как полюбить того, которого никто не видел? На этот вопрос ответил Христос: «в любви к братьям получаем любовь к Богу». Тогда как полюбить братьев? Ведь это тоже звучит очень абстрактно. На это уже отвечает Гоголь: полюбить братьев можно, только полюбив Россию. Причём «все, что ни есть в России». Всех её конкретных людей с их несовершенствами, «болезнями и страданиями». Потому что «сострадание есть уже начало любви». Остаётся вопрос: как полюбить Россию? Ведь любить можно по-разному. Тут Гоголь утверждает, что просто «печалиться да раздражаться», говоря о проблемах России, – это ещё не любовь. Полюбить Россию – это значит служить ей, т. е. на любой должности (даже на самой маленькой) пытаться облегчить и улучшить жизнь простым людям. Потому что любовь – это всегда конкретная

[12] Гоголь Н. В. <Авторская исповедь> // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 462.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Прокудин Б. А., Кириченко Г. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

деятельность. Итак, «не полюбивши России, не полюбить вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам»[13]. Хотите спасть душу – служите России.

По поводу гоголевского «силлогизма» спасения М. О. Гершензон писал, что «свято чтя православную церковь и учение её св. отцов, он даже не замечает, как сильно разошёлся в своих взглядах с этим учением» [1, с. 473]. Это, безусловно, так. В связи со смещением акцента с индивидуального спасения на спасение «в государстве» работа «Выбранные места…» оказывается последовательной попыткой рационалистического объяснения христианства. Из религиозного откровения оно становится программой жизнеустройства. Духовное «учение» Гоголя имеет своей целью не столько спасение человека для жизни вечной, сколько спасение России. «Он был одержим мечтою о прекрасной, светлой, гармонической жизни на земле, – продолжает Гершензон, – это лучезарное видение жгло его душу, и жгли её тьма и неустроенность русской действительности, и весь он отдался делу земного благоустройства. Он практик от головы до ног … и если объектом своей и всякой деятельности он избирает не материальные условия жизни, не формы общего быта, а душу человеческую, то единственно из практических соображений, потому что убедился на опыте, что “в душе ключ всего”» [1, с. 478].

В работе «Пути русского богословия» Г. В. Флоровский признавался, что дать какое-то исчерпывающее определение религиозной доктрине «Выбранных мест…» крайне сложно: «В книге Гоголя перекрещиваются и переплетаются очень разнородные нити, и полного единства в ней нет. Однако неизменной остаётся всегда эта социальная обращённость» [9, с. 343]. При этом корни «социального христианства» Флоровский видел не в православной традиции, а в западноевропейской религиозности, подмечая значительное влияние на Гоголя католических и протестантских авторов[14]. Неудивительно, что книга «Выбранные места…» была сочувственно принята сим-

[13] Гоголь Н. В. Нужно любить Россию / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 300.

[14] Флоровский называет только одну фамилию: Ф. Р. де Ламенне, который доказывал, что никакие внешние реформы и перемены в области государственного устройства не могут улучшить положение народа, если народ не будет постоянно стремиться к нравственному совершенствованию. Подробные исследования идейных «увлечений» Гоголя см.: [5, pp. 345–346; 10, с. 746–758; 3, с. 150–158].

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Прокудин Б. А., Кириченко Г. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

патизирующим католицизму П. Я. Чаадаевым и категорически не понравилась представителям православного духовенства – ни святителю Игнатию (Брянчанинову), ни отцу Матвею Константиновскому, бывшему духовным наставником Гоголя в последние годы его жизни. Причём под «гордостью», в которой они упрекали Гоголя, они понимали не столько наставительный тон книги, раздражавший мирян, сколько проповедь коллективного «спасения в государстве». Симптоматично, что наиболее резкий упрёк в пристрастии к Западу Гоголь получил от идеолога славянофильства К. С. Аксакова [см.: 8, с. 36–49]. «Книгу вашу считаю я полным выражением всего зла, охватившего вас на Западе»[15], – писал он. И Аксаков, и отец Матвей Константиновский были убеждены, что «спасением» для Гоголя могло бы стать отречение от его «социальной утопии», т. е. чтобы он наконец отказался от чересчур самонадеянной мысли о спасении России и «поворотился во внутреннюю жизнь»[16].

Распутывая «разнородные нити» религиозного мировоззрения Гоголя, Флоровский замечает, что «есть в “Переписке” и другая струя, струя подлинного “социального христианства”», которая более всего слышна в главе «Светлое воскресение», когда Гоголь сетует на оскудение братства: «Позабыл бедный человек девятнадцатого века, что в этот день нет ни подлых, ни презренных людей, но все люди – братья той же семьи, и всякому человеку имя брат, а не какое-либо другое»[17]. Т. е., по Флоровскому, «ложным» социальным христианством Гоголя является проповедь коллективного спасения, а «истинным» – проповедь братства всех людей во Христе.

ПРОГРАММА ХРИСТИАНСКОГО «СЛУЖЕНИЯ ЗЕМЛЕ СВОЕЙ»

Ещё одним важным следствием смещения акцента с индивидуального спасения на спасение «в государстве» стал «религиозный детерминизм» Гоголя [см.: 1, с. 479–480]. Место идеи духовной свободы человека заняла идея человеческого пред-

[15] Аксаков К. С. – Н. В. Гоголю, май 1848 // О «Выбранных местах из переписки с друзьями». Книга Н. В. Гоголя в отражении русской общественной мысли XIX–XXI веков: антология. М.: АБВ, 2021. С. 123.

[16] См.: Гоголь Н. В. – А. П. Толстому, <Около 14 августа (н. ст.) 1847. Остенде> // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 13. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 43.

[17] Гоголь Н. В. Светлое воскресенье / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 413.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Прокудин Б. А., Кириченко Г. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

назначения. В работе «Выбранные места…» Гоголь многократно предостерегает своих читателей от большой ошибки – покинуть место, на которое их поставил Бог. Крестьянин должен оставаться крестьянином, помещик – помещиком, потому что «взыщет с тебя Бог, если б ты променял это званье на другое, потому что всяк должен служить Богу на своём месте, а не на чужом, равно как и они (крестьяне. – *авт.*) также, родясь под властью, должны покоряться той самой власти, под которою родились, потому что нет власти, которая бы не была от Бога»[18].

Признание закономерности существующих общественных форм приводит Гоголя к утверждению, что в России нет необходимости каким-либо образом менять систему управления или как-то реформировать действующие институты. «Чем больше всматриваешься в организм управления губерний, – пишет Гоголь, – тем более изумляешься мудрости учредителей: слышно, что Сам Бог строил незримо руками государей»[19]. Гоголь почти с восторгом говорит о системе должностей в России, восхищается, как она хороша в своей задумке. При этом он без стеснения многократно пишет о взяточничестве, бесчисленных злоупотреблениях, пишет, что «внутри Руси» «завелись такие лихоимства, которых истребить нет никаких средств человеческих», что часто «законы остаются только для вида». И в целом ситуация настолько плоха, что Россия гибнет, «уже крики на бесчинства, неправды и взятки – не просто негодованье благородных на бесчестных, но вопль всей земли». Так в чём же проблема? Получается – только в людях.

Похожая ситуация – в русской церкви. Гоголь пишет, что европейцы, «нападая» на Русскую православную церковь, называют её «безжизненной». «Мы трупы, а не Церковь наша, – отвечает Гоголь, – и по нас они назвали и Церковь нашу трупом». И далее: «Эта Церковь … как бы снесена прямо с Неба для русского народа, … и эта Церковь нами незнаема!»[20]. Получается, что церковь тоже не нуждается в реформировании, она нужда-

[18] Гоголь Н. В. Русский помещик / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 323.

[19] Гоголь Н. В. Занимающему важное место / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 357.

[20] Гоголь Н. В. Несколько слов о нашей церкви и духовенстве / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 245.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Прокудин Б. А., Кириченко Г. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ется только в одном, чтобы русские люди наконец «ввели Церковь в свою жизнь».

В работе «Выбранные места…» Гоголь говорит о двух наиболее тяжёлых болезнях русского общества, порождённых «духовной немощью соотечественников». Если христианским идеалом взаимоотношения людей является братство во Христе, исключающее «ссоры, ненависти, вражды», то главной болезнью русского общества оказывается тотальное небратство. «Всё перессорилось, – пишет Гоголь: – дворяне у нас между собой, как кошки с собаками; купцы между собой, как кошки с собаками; мещане между собой, как кошки с собаками; крестьяне, если только не устремлены побуждающей силою на дружескую работу, между собой, как кошки с собаками. Даже честные и добрые люди между собой в разладе»[21]. Помимо ссор бытового характера, Россию захлестнули споры идеологические, о «наших европейских и славянских началах»[22]. Вторую болезнь можно определить как утрату человеком духовной дисциплины. Она ощущается Гоголем и в повседневной бытовой жизни, и «в должностях». «Дрянь и тряпка стал всяк человек, – пишет он, – обратил сам себя в подлое подножье всего и в раба самых пустейших и мелких обстоятельств, и нет теперь нигде свободы в её истинном смысле … “Свобода не в том, чтобы говорить произволу своих желаний: да, но в том, чтобы уметь сказать им: нет”»[23]. Этот недуг глубоко поразил государственную службу, и все стали «нерадиво исполнять свои должности». Гоголь повторяет, что «все наши должности в их первообразе прекрасны и прямо созданы для земли нашей»[24], только «чиновники сбились в своих понятиях» и «в последнее время все почти губернские должности нечувствительным образом выступили из пределов и границ, указанных законом.

[21] Гоголь Н. В. Занимающему важное место / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 304–305.

[22] См.: Гоголь Н. В. Споры / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 262–263.

[23] Гоголь Н. В. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 341.

[24] Гоголь Н. В. Занимающему важное место / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 354.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Прокудин Б. А., Кириченко Г. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Одни слишком стали обрезаны и стеснены, другие раздвинулись в действиях в ущерб прочим», да и «законы собственно гражданские выступили из пределов и ворвались в области, им не принадлежащие»[25]. В результате, выражаясь простым языком, чиновники на «стеснённых» должностях просто не имеют возможности корректно выполнять свои обязанности, а крупные чиновники на «раздвинутых» – беззаконно злоупотребляют полномочиями и творят страшные «лихоимства». Получается, важнейшая задача спасения государства – «возвратить всякую должность в её законный круг».

Итак, если люди – единственная реальная движущая сила истории, и общественный быт определяется исключительно нравственным уровнем его членов, значит, существует только один способ спасения России – «благоустройство душ». В работе «Выбранные места…» Гоголь предлагает, может быть, самую радикальную и в то же время самую тихую программу преобразований, которая не предполагает изменений никаких внешних форм, но только коренное нравственное изменение человека, т. е. исправление российского общества путём преображения каждой конкретной души. Но как это сделать? Если мы не надеемся на институты, ответ один – личным примером. Значит, особая ответственность ложится на тех, кто в силу своего положения имеет подчинённых или обладает возможностью влияния на людей. Это царь в государстве, генерал-губернатор – в регионе, губернатор – в губернии, чиновник – на должности, помещик – в имении, жена – в семье, женщина – в свете, художник, актёр или писатель – перед публикой и т. д. Но для того, чтобы влияние было преображающим, необходимо, чтобы каждый из них на своём месте «отдался своему делу, как монах монастырю». Гоголь убеждён, что, если на каждом уровне будет достаточно людей, которые «могут быть примером всем окружающим своей истинно примерною жизнью», дела в России поправятся, должности «вернутся в свой законный круг», ссоры и споры закончатся, и люди станут друг другу братьями.

Продолжая идею «спасения в государстве», Гоголь писал своему другу и бывшему губернатору А. П. Толстому, вероятно, желавшему уйти в монастырь: «Нет, для вас так же, как и для меня, заперты двери желанной обители. Монастырь ваш –

[25] Гоголь Н. В. Занимающему важное место / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 363.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Прокудин Б. А., Кириченко Г. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Россия! Облеките же себя умственно ризой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для неё, ступайте подвизаться в ней. Она зовёт теперь сынов своих ещё крепче, нежели когда-либо прежде»[26].

По сути, практическая программа «благоустройства душ» всей России, представленная в «Выбранных местах…» предполагает на первом этапе нравственное перерождение читателя, который в идеале станет монахом на своём месте (которого не переменит). На втором этапе он должен заняться изучением «с головы до ног во всех подробностях» каждого из людей, которые входят в круг его влияния. Причём второй этап невозможен без первого: «узнавать душу может один только тот, кто начал уже работать над собственной душой своей»[27]. На третьем этапе, после аудита «вверенных душ», можно приступать к непосредственному воздействию на них своим примером и мудрым советом с целью преображения. Разумеется, этот пункт предполагает постоянную прямую коммуникацию со своими подданными (подчинёнными, крестьянами и т. д.) без каких-либо посредников. Служение и преображающее влияние на окружающих, таким образом, становится главным духовным подвигом людей, для которых «монастырь их – Россия».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исторически сложилось так, что при рассмотрении книги «Выбранные места из переписки с друзьями» исследователи не могут не упомянуть письма В. Г. Белинского Гоголю, получившего название «зальцбруннского», в котором последний был назван «проповедником кнута, апостолом невежества, поборником обскурантизма и мракобесия»[28]. Негодование прогрессиста Белинского по поводу содержания «Выбранных мест…» было настолько искренним, а слова осуждения в адрес автора, осмелившегося выступить в защиту крепостного права, прозвучали так громко, что долгие десятилетия социально-политические идеи Гоголя в

[26] Гоголь Н. В. Нужно проездиться по России / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 301.

[27] Гоголь Н. В. Занимающему важное место / Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 351.

[28] Белинский В. Г. – Гоголю Н. В., 15 июля 1847 г., Зальцбрунн // О «Выбранных местах из переписки с друзьями». Книга Н. В. Гоголя в отражении русской общественной мысли XIX–XXI веков: антология. М.: АБВ, 2021. С. 158.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Прокудин Б. А., Кириченко Г. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

нашей стране воспринимались исключительно как реакционные. Однако реконструкция программы социального христианства Гоголя показывает, что она была одной из самых радикальных программ переустройства России, предложенных отечественными мыслителями. Эта программа предполагала нравственное преображение большинства населения Российской империи с целью коренного изменения жизни в стране. Но путь к этим изменениям, по Гоголю, лежал не через перестройку институтов, как предлагал Белинский, а через «благоустройство душ».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гершензон М. О. Исторические записки // Гершензон М. О. Избранное. Т. 3. Образы прошлого. М.; Иерусалим: Университетская книга: Gesharim, 2000. С. 427–533.
2. Каллиник, монах (Дмитриев В. Н.). Кризис идентичности // Военный академический журнал. 2025. №3. С. 140–150.
3. Кибальник С. А. Гоголь, Достоевский и «социальное христианство» // Вопросы философии. 2017. №4. С. 150–158.
4. Леонтьев К. Н. О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на пушкинском празднике // Возвращённая критика XIX века: антология. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. С. 317–355.
5. Михед П. В. Гоголь и западноевропейская христианская мысль (проблемы изучения) // Nel mondo di Gogol' (В мире Гоголя). Рим: Lithos, 2012. P. 345–346.
6. Монахова И. Р. Духовный путь и проповедь Гоголя, «Выбранные места из переписки с друзьями» как один из её этапов // О «Выбранных местах из переписки с друзьями». Книга Н. В. Гоголя в отражении русской общественной мысли XIX–XXI веков: антология. М.: АБВ, 2021. С. 381–406.
7. Мочульский К. В. Из книги «Духовный путь Гоголя» // О «Выбранных местах из переписки с друзьями». Книга Н. В. Гоголя в отражении русской общественной мысли XIX–XXI веков: антология. М.: АБВ, 2021. С. 221–236.
8. Мырикова А. В., Ширинянц А. А. Социально-политические воззрения К. С. Аксакова (Биоблиографический очерк). Статья вторая // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. №2. С. 36–49.
9. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
10. Чижевский Д. И. Неизвестный Гоголь // Н. В. Гоголь: pro et contra. СПб.: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2009. С. 746–758.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Прокудин Б. А., Кириченко Г. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ARTICLE INFORMATION

Authors

Boris A. Prokudin

- e-mail: probor@bk.ru,
  Dr. Sci. (History), Prof., Department of History of Socio-Political Doctrines, Faculty of Political Science,
  Lomonosov Moscow State University
  Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Georgy A. Kirichenko

- e-mail: kirichenkogeorgijs@yandex.ru,
  Postgraduate Student, Department of History of Socio-Political Doctrines, Faculty of Political Science,
  Lomonosov Moscow State University
  Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Prokudin, B. A., Kirichenko, G. A. (2026). "Saving Your Soul, without Leaving the State": N. V. Gogol's Program of Social Christianity. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To reconstruct the "program" of Nikolai Gogol's social Christianity based on the idea of "salvation in the state" in accordance with the commandment to "serve one's land."

Methodology. This article attempts to examine Gogol's work "Selected Passages from Correspondence with His Friends" (1847) as the most consistent part of his preaching. A historical and political science approach to the study of journalistic and epistolary texts serves as a methodological basis for this study.

Results. It is shown that Gogol was the founder of the tradition of social Christianity in Russian literature, which was later taken up by both Leo Tolstoy and Fyodor Dostoevsky. Gogol was convinced that no external reforms or changes in the state structure could improve people's situation, and that there was only one way to save Russia that was the "improvement of souls." The article reconstructs a program for the "improvement of souls," which envisions, in the first stage, the moral rebirth of Gogol's

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Прокудин Б. А., Кириченко Г. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

reader, who, ideally, should become a monk while remaining "in the very heart of the state," i.e., without leaving his place of service. In the second stage, he should study the people within his circle of influence. In the third, he should begin to directly influence them through his example and wise advice. Service and the transformative influence on others thus become the primary spiritual achievement of people for whom "Russia is their monastery."

Research implications. The facts presented in the article contribute to the development of historical and political science in Russia. The conclusions and results of the analysis can be used in the creation of scholarly articles and monographs on the history of Russian social and political thought, as well as in the educational process.

Keywords

"Selected Passages from Correspondence with His Friends," Nikolai Gogol, Russian guardianship, social Christianity

References

1. Gershenzon, M. O. (2000). Historical Notes. In: Gershenzon, M. O. *Selected Works. Vol. 3. Images of the Past.* Moscow, Jerusalem: University Book publ., Gesharim publ., pp. 427–533 (in Russ.).
2. Kallinik, monk (Dmitriev, V. N.). (2025). Identity Crisis. In: *Military Academic Journal*, 3, 140–150 (in Russ.).
3. Kibalnik, S. A. (2017). Gogol, Dostoevsky, and "Social Christianity". In: *Voprosy Filosofii*, 4, 150–158 (in Russ.).
4. Leontiev, K. N. (2009). On Universal Love. Dostoevsky's Speech at the Pushkin Festival. In: *Returned Criticism of the 19th Century*. Izhevsk: Udmurt University publ., pp. 317–355 (in Russ.).
5. Mikhed, P. V. (2012). Gogol and Western European Christian Thought (Study Issues). In: *Nel mondo di Gogol.* Rome: Lithos publ., pp. 345–346 (in Russ.).
6. Monakhova, I. R. (2021). Gogol's Spiritual Path and Sermon, "Selected Passages from Correspondence with His Friends" as One of Its Stages. In: *On "Selected Passages from Correspondence with His Friends." N. V. Gogol's Book as Reflected in Russian Social Thought of the 19th–21st Centuries.* Moscow: ABV publ., pp. 381–406 (in Russ.).
7. Mochulsky, K. V. (2021). From the Book "Gogol's Spiritual Path." In: *On "Selected Passages from Correspondence with His Friends." The Book of N. V. Gogol as a Reflection of Russian Social Thought of the 19th–21st Centuries.* Moscow: ABV publ., pp. 221–236 (in Russ.).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Прокудин Б. А., Кириченко Г. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

8. Myrikova, A. V. & Shirinyants, A. A. (2010). Socio-Political Views of K. S. Aksakov (Bibliographic Essay). Article Two. In: *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 2, 36–49 (in Russ.).

9. Florovsky, G. V. (2009). *Paths of Russian Theology*. Moscow: Institute of Russian Civilization publ. (in Russ.).

10. Chizhevsky, D. I. (2009). Unknown Gogol. In: *N. V. Gogol: pro et contra.* St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy publ., pp. 746–758 (in Russ.).

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Прокудин Б. А., Кириченко Г. А., 2026

УДК 323.1(470)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Шакурова Наталья Евгеньевна

- e-mail: natalyapretty@mail.ru;
  кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права; Государственный университет просвещения
  105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Для цитирования

Шакурова Н. Е. Государственная политика России в сфере межэтнических отношений: актуальные вопросы // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 07.05.2026
- Статья размещена на сайте 29.06.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация
Ключевые слова
Введение
Методы
Результаты
Обсуждение результатов
Заключение
Литература
Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить особенности современной государственной политики Российской Федерации в сфере регулирования межэтнических отношений.

© CC BY Шакурова Н. Е., 2026

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Процедура и методы. В основу работы положен системный анализ, позволивший рассмотреть российскую политику в сфере межэтнических отношений как сложносоставной феномен, взаимосвязанный с другими социально-политическими подсистемами. Использовались также институциональный анализ, дискурс-анализ и сравнительно-исторический метод. Совокупность использованных приёмов позволила рассмотреть изучаемый феномен в целостности и развитии.

Результаты. Выявлены ключевые этапы эволюции государственной политики, от децентрализации 1990-х гг. к централизации и последующей формальной институционализации, кульминацией которой стало создание Федерального агентства по делам национальностей. Установлено, что доминирующим концептом в официальном дискурсе стал конструкт «российская гражданская нация».

Теоретическая и / или практическая значимость. Теоретическая значимость работы заключается в систематизации и углублении понимания механизмов функционирования политических институтов в многокультурном обществе. Практическая значимость состоит в выявлении узких мест и противоречий, что может быть использовано для корректировки национальной политики и механизмов её реализации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственная национальная политика, межэтнические отношения, политические институты, российская нация, этнополитика

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования государственной политики в сфере межэтнических отношений в современной России обусловлена комплексом факторов. В условиях глобализации и интенсивных миграционных процессов вопросы интеграции, профилактики ксенофобии и этнического экстремизма становятся ключевыми для обеспечения национальной безопасности и общественно-политической стабильности [12, с. 235].

Степень научной разработанности проблемы характеризуется наличием значительного пласта исследований. Фундаментальные теоретические основы понимания нации и этничности в российском контексте заложены в трудах В. А. Тишкова, разработавшего концепцию «российской гражданской нации» [16, с. 18]. Значительный вклад в анализ институционального оформления и исторической динамики государствен-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шакурова Н. Е., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ной национальной политики внёс В. Ю. Зорин, в чьих работах реконструируется эволюция профильных органов власти и раскрываются механизмы политико-правового регулирования межэтнических отношений [7; 8]. Эволюция государственной национальной политики, её институциональное оформление и нормативно-правовая база детально проанализированы в работах Р. Г. Абдулатипова [1] и Л. М. Дробижевой [5]. Социологический аспект, включая проблемы идентичности и межэтнических установок, раскрыт в исследовании С. В. Рыжовой [15]. Важный пласт литературы посвящён анализу взаимосвязи миграционных процессов и межэтнических отношений, где выделяется работа В. И. Мукомеля [12], а также критическому осмыслению рисков и противоречий реализуемого курса, представленному в работе Э. А. Паина [13]. Несмотря на наличие значительного числа серьёзных научных работ, остаются недостаточно изученными вопросы операциональной эффективности конкретных политических технологий, применяемых в рамках государственной национальной политики, в их региональном разрезе.

Целью данного исследования выступает выявление особенностей современной государственной политики Российской Федерации в сфере регулирования межэтнических отношений.

МЕТОДЫ

Методологическая основа данного исследования базируется на качественной парадигме, что обусловлено необходимостью анализа содержания политики, её концептуальных оснований и институционального контекста. Для достижения поставленной цели был применён комплекс взаимодополняющих методов.

Процедура исследования представляет собой системный анализ государственной политики Российской Федерации в сфере межэтнических отношений. Данный подход позволяет осуществить целостное и детализированное рассмотрение конкретного феномена в его реальном контексте, учитывая сложное взаимодействие политических, институциональных и социальных подсистем [15].

Институциональный анализ был направлен на изучение структуры, полномочий, функций и ресурсного обеспечения ключевых политических институтов, в первую очередь Феде-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шакурова Н. Е., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ального агентства по делам национальностей. Этот метод позволил оценить его реальный потенциал как координатора государственной политики в условиях сложного взаимодействия с другими ведомствами и региональными властями [1].

Дискурс-анализ был применён для системного изучения языка и ключевых концептов, используемых в научной литературе и публичном пространстве. Основное внимание уделялось таким конструктам, как «российская гражданская нация», «межнациональное согласие» и «единство в многообразии». Целью было выявление не только явных, но и латентных смыслов, а также идеологических установок, закладываемых в основу политики [16].

Сравнительно-исторический метод использовался для реконструкции и периодизации эволюции государственной национальной политики с 1990-х по 2020-е гг. Сравнение различных этапов позволило выявить преемственность, разрывы и основные векторы трансформации политического курса [6, с. 482].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведённое исследование позволило выявить ключевые характеристики, тенденции и противоречия в государственной политике России в сфере межэтнических отношений.

Анализ российской политической практики позволил выделить три основных этапа в развитии государственной политики.

Этап 1 (1990-е – начало 2000-х гг.) характеризовался отсутствием единой стратегии и децентрализацией управления. Реакцией на «парад суверенитетов» стала политика «договорного федерализма», которая, по мнению экспертов, закрепляла асимметрию и этнизацию регионов [9; 3; 13; 18]. Институциональное поле было фрагментированным, а координация осуществлялась Министерством по делам федерации и национальностей.

Этап 2 (середина 2000-х гг.) ознаменовался курсом на жёсткую централизацию и построение «вертикали власти». Это привело к унификации законодательства и усилению роли федерального центра в урегулировании этнополитических вопросов. Ключевым институтом на этом этапе стали совещательные структуры при Администрации Президента, что сви-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Шакурова Н. Е., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

детельствовало о переводе вопроса в сугубо управленческую и отчасти контролирующую плоскость [18, с. 64].

Этап 3 (2012 г. – настоящее время) связан с формальной институционализацией политики. Стимулом к этому послужили межэтнические конфликты в начале 2010-х гг., показавшие недостаточную эффективность прежних подходов [12]. Ответом стали принятие Стратегии государственной национальной политики в 2012 г. и создание в 2015 г. профильного Федерального агентства по делам национальностей. Однако, как показал институциональный анализ, ФАДН с момента создания обладает ограниченными полномочиями и бюджетом, не позволяющими ему эффективно координировать деятельность отраслевых министерств (МВД, Минобрнауки, Минкультуры), что существенно снижает его реальный координирующий потенциал [2; 6].

Дискурс-анализ выявил доминирование в официальном нарративе концепта «российская гражданская нация» (политическая нация) [3; 16; 17]. Однако на практике он вступает в концептуальное противоречие с конституционной формулой «многонациональный народ России», что создаёт смысловую напряжённость и неоднозначное восприятие на уровне обыденного сознания [10; 19].

Среди основных политических технологий реализации государственной национальной политики можно выделить следующие:

1. Грантовая поддержка «традиционных» НКО, организующих фестивали, круглые столы и иные мероприятия, направленные на демонстрацию межэтнического согласия. Анализ показал, что зачастую эта деятельность приобретает ритуальный характер и слабо влияет на реальное снижение предубеждений.

2. Образовательные и культурно-просветительские проекты, нацеленные на формирование общероссийской исторической памяти и популяризацию русского языка как основы гражданской идентичности.

3. Практики коммеморации, такие как масштабное празднование Дня народного единства, которые используются для символического сплочения общества вокруг идеи преодоления Смуты.

Оценка эффективности проводимой политики, основанная на анализе статистики и данных социологических опросов, демонстрирует наличие устойчивых системных проблем. Ди-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шакурова Н. Е., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

намика ключевых индикаторов межэтнических отношений в России приведена в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Динамика ключевых индикаторов межэтнических отношений в России / Dynamics of key indicators of interethnic relations in Russia

Индикатор	Период 2010–2015 гг.	Период 2016–2023 гг.	Тренд и интерпретация
Уровень ксенофобных настроений в крупных городах	Высокий, всплески после конфликтов	Постепенное снижение, но стабилизация на среднем уровне	Снижение связано с общим ужесточением законодательства и административного контроля, а не с ростом толерантности
Доверие между представителями разных этнических групп	Низкое, высокая степень социальной дистанции	Незначительный рост, сохраняется высокая дистанция в ряде регионов	Рост общероссийской идентичности не автоматически ведёт к росту межличностного доверия между этническими группами
Восприятие миграции как угрозы	Стабильно высокий уровень	Остаётся одним из главных источников напряжённости	Миграционная политика остаётся рассогласованной с национальной, что подпитывает бытовой национализм

Источник: составлено автором на основе анализа данных [6, с. 483–490; 11, с. 47–53; 14, с. 155–193; 15, с. 18–25].

Как видно из таблицы 1, несмотря на предпринимаемые усилия, ключевые проблемы сохраняются. Основными системными противоречиями являются: «ритуализация политики», так как многие мероприятия носят формальный характер, не проникая вглубь социальной ткани; бюрократизация управления, так как создание ФАДН не решило проблемы межведомственной разобщённости, а лишь добавило новый уровень координации; «этнизация» социальных проблем, так как социальное неравенство и конкуренция на рынке труда продолжают интер-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шакурова Н. Е., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

претироваться в этническом ключе, особенно в монопромышленных городах и депрессивных регионах [4; 9; 11].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведённый анализ позволяет выявить системные противоречия и глубинные вызовы, определяющие характер и эффективность государственной политики России в сфере межэтнических отношений. Полученные результаты требуют комплексной интерпретации в контексте существующих теоретических подходов и эмпирических данных.

Концептуальное напряжение между гражданской и этнической идентичностью сохраняется, несмотря на активное продвижение в официальном дискурсе концепта «российская гражданская нация» [13], его практическая реализация наталкивается на ряд непреодолённых барьеров. Как показал анализ, данный конструкт существует в состоянии перманентной конкуренции с устойчивыми этническими идентичностями, а также с конституционной формулой «многонациональный народ». Это порождает семантическую неопределённость, которая затрудняет его усвоение на уровне массового сознания [14, с. 142].

Институциональная слабость как фактор ограниченной эффективности связана с тем, что создание Федерального агентства по делам национальностей, безусловно, стало символическим жестом, демонстрирующим повышенное внимание государства к данной проблематике. Однако, как показал институциональный анализ, ФАДН с момента своего основания выполняет скорее совещательно-координационные и аналитические функции, не обладая ни значительными бюджетными ресурсами, ни реальными властными полномочиями для влияния на деятельность силовых или социально-экономических ведомств [1; 16]. Эта институциональная «слабость в центре» приводит к тому, что ключевые рычаги воздействия на межэтнический климат, такие как миграционный контроль, образовательные программы и социальная политика, остаются в ведении других структур, ведомственные интересы которых далеко не всегда согласованы с целями национальной политики. В результате, как отмечает Э. А. Паин, происходит «рутинизация и бюрократизация» управления этничностью, при которых отчётность о проведённых мероприятиях подменяет собой достижение реальных результатов [11, с. 15].

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шакурова Н. Е., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Государственная политика в этой сфере долгое время была ориентирована преимущественно на краткосрочный административный и силовой контроль (квоты, патенты, депортации) в ущерб комплексным программам социальной и культурной адаптации мигрантов [9, с. 48]. Это порождает порочный круг: отсутствие эффективных интеграционных механизмов способствует маргинализации мигрантов и росту негативных стереотипов, что, в свою очередь, усиливает протестные настроения среди местного населения и провоцирует ужесточение контролирующих мер со стороны государства. Результаты сводного анализа системных противоречий государственной политики в сфере межэтнических отношений приведены в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Результаты сводного анализа системных противоречий государственной политики в сфере межэтнических отношений / Results of a consolidated analysis of systemic contradictions in state policy in the sphere of interethnic relations

Выявленное противоречие	Сущность проблемы	Последствия для эффективности политики
Гражданская нация или многонациональный народ	Смысловая неопределённость и конкуренция между консолидирующим и дифференцирующим подходами к идентичности	Затруднено формирование единого ценностного поля Политика воспринимается фрагментарно и избирательно различными группами
Координационная роль ФАДН или реальные рычаги у других ведомств	Отсутствие у профильного агентства властных и ресурсных полномочий для влияния на ключевые смежные сферы	Политика носит фрагментарный характер Отсутствует целостное межведомственное воздействие на проблему
Риторика интеграции или практика администрирования	Преобладание силового и бюрократического контроля над миграцией и этничностью и над диалоговыми и социокультурными интеграционными механизмами	Сохраняется и воспроизводится почва для бытовой ксенофобии и этнической маргинализации Не решаются коренные причины напряжённости

Источник: составлено автором на основе анализа данных [1, с. 210–230; 8, с. 14–20; 12, с. 236–239; 13, с. 15–19; 16, с. 15–25, 298–315; 19, с. 176–183].

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шакурова Н. Е., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Таким образом, современная государственная политика России в сфере межэтнических отношений демонстрирует симптомы «имитационного управления». Её относительная успешность в части стабилизации и предотвращения открытых крупномасштабных конфликтов достигается за счёт централизации, жёсткого администрирования и символической политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволило осуществить комплексный анализ государственной политики Российской Федерации в сфере межэтнических отношений, выявив ключевые тенденции, институциональные особенности и системные ограничения. Результаты подтверждают центральный тезис о наличии устойчивого противоречия между декларируемыми целями укрепления межнационального согласия и общероссийской гражданской идентичности, с одной стороны, и практическими результатами, демонстрирующими сохранение рисков ксенофобии, этнической маргинализации и региональной напряжённости, с другой.

Оценка эффективности политики свидетельствует, что, несмотря на некоторое снижение уровня ксенофобных настроений, ключевые проблемы сохраняются. Наиболее острым системным противоречием является рассогласование между риторикой интеграции и реальной миграционной политикой, ориентированной преимущественно на краткосрочный административный контроль в ущерб долгосрочным социокультурным программам. Это приводит к воспроизводству бытовой ксенофобии и маргинализации мигрантских сообществ.

Таким образом, можно констатировать, что современная российская политика в сфере межэтнических отношений демонстрирует модель «имитационного управления». Её относительная успешность в задачах стабилизации и предотвращения открытых конфликтов достигается за счёт централизации, жёсткого администрирования и символических практик. Однако эта модель оказывается неспособной решить глубинные задачи по формированию устойчивой гражданской солидарности, основанной на взаимном доверии, и построению действенной системы интеграции.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шакурова Н. Е., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулатипов Р. Г. Российская нация: этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. М.: Научная книга, 2005. 470 с.
2. Гоголева Е. Н., Юрков С. Е. Политика идентичности в современной России: концептуализация в политическом дискурсе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. №2. С. 76–85. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-2-76-85
3. Гражданская и этническая идентичность населения приграничных регионов России: особенности современного состояния, факторы и актуальные проблемы формирования / С. Г. Максимова, Г. В. Авдеева, О. Е. Ноянзина, Д. А. Омельченко, Н. В. Атясова // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №3-1. С. 201–207. DOI: 10.14258/izvasu(2015)3.1-34
4. Грин Н. В., Донская А. Г. Гражданская идентичность в России и за рубежом // Вестник Ангарского государственного технического университета. 2024. №1. С. 368–370. DOI: 10.36629/2686-777X-2024-1-18-368-370
5. Дробижева Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. №5. С. 100–115. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.09
6. Дробижева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №4. С. 480–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261
7. Зорин В. Ю., Каменских М. С. Приоритеты и мегатренды нового десятилетия в национальной политике России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. №2. DOI: 10.18384/2224-0209-2023-2-1263
8. Зорин В. Ю., Полунов А. Ю. «Большой ноябрь» 2025 г.: новации государственной национальной политики России // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №1. DOI: 10.18384/2224-0209-2026-1-1736
9. Кожанов И. В. Гражданская и этническая идентичности личности: проблема взаимосвязи и взаимозависимости // Современные проблемы науки и образования. 2013. №3. С. 1–7.
10. Музафарова Н. И., Мухтасаров Ф. Ш. Национальная политика государства и ее влияние на формировании этнической и общероссийской гражданской идентичности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2022. №4. С. 131–144.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шакурова Н. Е., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

11. Мукомель В. И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда во время и после пандемии // Социологические исследования. 2024. №12. С. 44–59.
12. Мукомель В. И. Трудовая миграция в России: адаптация к трансформациям рынка труда // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. №2. С. 233–240.
13. Паин Э. А. Нация и этнос: нелинейная эволюция этнологических концепций в России // Мир России. 2024. Т. 33. №1. С. 6–28. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-1-6-28
14. Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022. 284 с.
15. Рыжова С. В. Российская идентичность в региональном разнообразии: роль доверия // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. №3. С. 13–31. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828
16. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.
17. Федотова В. А. Гражданская и этническая идентичность россиян: роль ценностей в их формировании // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2024. №1. С. 131–149. DOI: 10.11621/LPJ-24-06
18. Шкель С. Н. Асимметричная централизация: логика выборочных реформ на местном уровне в современной России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2025. №3. С. 58–79. DOI: 10.30570/2078-5089-2025-118-3-58-79
19. Яхшиян О. Ю. Согласованность положений об общероссийской гражданской идентичности, содержащихся в доктринальных документах по государственной национальной политике России и республик – субъектов Федерации // Вестник университета. 2020. №12. С. 176–183.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Шакурова Н. Е., 2026

ARTICLE INFORMATION

Author

Natalia E. Shakurova

- e-mail: natalyapretty@mail.ru,
  Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Political Science and Law,
  Federal State University of Education
  ul. Radio, 10A/2, Moscow 105005, Russian Federation

For citation

Shakurova, N. E. (2026). Russia's State Policy in Interethnic Relations: Current Issues. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify the features of the modern state policy of the Russian Federation in the sphere of regulation of interethnic relations.

Methodology. The study is based on a qualitative analysis, which is carried out through institutional analysis to study the structure of relevant political institutions, and a comparative historical method to identify stages and trends in policy evolution.

Results. The key stages in the evolution of state policy are identified, from the decentralisation of the 1990s to centralisation and subsequent formal institutionalisation, culminating in the creation of the Federal Agency for Nationalities Affairs. It is established that the construct of the "Russian civic nation" has become the dominant concept in official discourse.

Research implications. The theoretical significance of the study lies in its systematisation and deepening understanding of the mechanisms by which political institutions function in a multicultural society. The practical significance lies in identifying specific bottlenecks and contradictions, which can be used to adjust national policy and its implementation mechanisms.

Keywords

state national policy, interethnic relations, political institutions, Russian nation, ethnopolitics

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шакурова Н. Е., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

References

1. Abdulatipov, R. G. (2005). *Russian Nation: Ethnonational and Civic Identity of Russians in Modern Conditions.* Moscow: Nauchnaya kniga publ. (in Russ.).
2. Gogoleva, E. N. & Yurkov, S. E. (2023). Identity Politics in Contemporary Russia: Conceptualisation in Political Discourse. In: *Izvestiya Tula State University. Humanities*, 2, 76–85. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-2-76-85 (in Russ.).
3. Maksimova, S. G., Avdeeva, G. V., Noyanzina, O. E., Omelchenko, D. A. & Atyasova, N. V. (2015). Civic and Ethnic Identity of the Population of Russia's Border Regions: Features of the Current State, Factors, and Current Problems of Formation. In: *Izvestiya of Altai State University*, 3 (1), 201–207. DOI: 10.14258/izvasu(2015)3.1-34 (in Russ.).
4. Green, N. V. & Donskaya, A. G. (2024). Civic Identity in Russia and Abroad. In: *Bulletin of the Angarsk State Technical University*, 1, 368–370. DOI: 10.36629/2686-777X-2024-1-18-368-370 (in Russ.).
5. Drobizheva, L. M. (2018). Russian Identity: Discussions in the Political Space and the Dynamics of Mass Consciousness. In: *Polis. Political Studies*, 5, 100–115. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.09 (in Russ.).
6. Drobizheva, L. M. (2020). The Meanings of All-Russian Civic Identity in the Mass Consciousness of Russians. In: *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4, 480–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261 (in Russ.).
7. Zorin, V. Yu. & Kamenskikh, M. S. (2023). Priorities and Megatrends of the New Decade in Russia's National Policy. In: *Bulletin of Moscow State Region University*, 2. DOI: 10.18384/2224-0209-2023-2-1263 (in Russ.).
8. Zorin, V. Yu. & Polunov, A. Yu. (2026). "Big November" of 2025: Innovations in the State National Policy of Russia. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 1. DOI: 10.18384/2224-0209-2026-1-1736 (in Russ.).
9. Kozhanov, I. V. (2013). Civil and Ethnic Identities of the Individual: The Problem of Interrelation and Interdependence. In: *Modern Problems of Science and Education*, 3, 1–7 (in Russ.).
10. Muzafarova, N. I. & Mukhtasarov, F. Sh. (2022). National Policy of the State and Its Influence on the Formation of Ethnic and All-Russian Civil Identity. In: *MCU Journal of Historical Studies*, 4, 131–144 (in Russ.).
11. Mukomel, V. I. (2024). Central Asian Migrants in the Russian Labor Market During and After the Pandemic. In: *Sociological Studies*, 12, 44–59 (in Russ.).
12. Mukomel, V. I. (2024). Labor Migration in Russia: Adaptation to Labor Market Transformations. In: *Journal of the New Economic Association*, 2, 233–240 (in Russ.).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шакурова Н. Е., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

13. Pain, E. A. (2024). Nation and Ethnos: Nonlinear Evolution of Ethnological Concepts in Russia. In: *Mir Rossii*, 33 (1), 6–28. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-1-6-28 (in Russ.).

14. Gorshkova, M. K. & Tikhonova, N. E., eds. (2022). *Russian Society and the Challenges of the Time. Bk. Six*. Moscow: Ves Mir publ. (in Russ.).

15. Ryzhova, S. V. (2022). Russian Identity in Regional Diversity: The Role of Trust. In: *Bulletin of the Institute of Sociology*, 13 (3), 13–31. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828 (in Russ.).

16. Tishkov, V. A. (2013). *Russian People: History and Meaning of National Self-Awareness.* Moscow: Nauka publ. (in Russ.).

17. Fedotova, V. A. (2024). Civic and Ethnic Identity of Russians: The Role of Values in Their Formation. In: *Lomonosov Psychology Journal*, 1, 131–149. DOI: 10.11621/LPJ-24-06 (in Russ.).

18. Shkel, S. N. (2025). Asymmetric Centralisation: The Logic of Selective Reforms at the Local Level in Contemporary Russia. In: *Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 3, 58–79. DOI: 10.30570/2078-5089-2025-118-3-58-79 (in Russ.).

19. Yakhshiyan, O. Yu. (2020). Coherence of the Provisions on the All-Russian Civic Identity Contained in the Doctrinal Documents on the State Nationalities Policy of Russia and the Republics – Subjects of the Federation. In: *Vestnik Universiteta*, 12, 176–183 (in Russ.).

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Шакурова Н. Е., 2026

УДК 314.15

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ КАМЧАТСКОГО КРАЯ: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА

Шуликов Алексей Олегович

- e-mail: Aoshulikov@yandex.ru;
  кандидат политических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента;
  Камчатский государственный технический университет
  683003, Камчатский край, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Ключевская, д. 35, Российская Федерация

Гадецкий Олег Юрьевич

- e-mail: GTS_work@bk.ru;
  ассистент кафедры экономики, менеджмента и туризма;
  Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга;
  683032, Камчатский край, г. Петропавловск-Камчатский, Пограничная ул., д. 4, Российская Федерация

Для цитирования

Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю. Эффективность демографической политики на территории Камчатского края: экспертная оценка // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 25.11.2025
- Статья размещена на сайте 06.05.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация
Ключевые слова
Введение
Оценки демографической ситуации в России со стороны научного сообщества

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

Общее описание выборки привлечённых экспертов
Количественный анализ ответов экспертов
Качественный анализ ответов экспертов
Заключение
Литература
Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. На основе экспертного опроса оценить реализацию государственной демографической политики в Камчатском крае и выявить её региональные особенности.

Процедура и методы. В статье анализируются мнения экспертов, полученные с помощью анонимной формализированной анкеты. Ответы респондентов были обработаны с применением статистических методов: критерия Краскела-Уоллиса, коэффициента ранговой корреляции Спирмена и коэффициента ранговой корреляции Кендалла.

Результаты. Анализ предпочтений в области демографической политики выявил чёткую структурированность экспертных позиций. Наиболее реалистичными и поддерживаемыми мерами являются инструменты прямой финансовой поддержки семей, такие как увеличение выплат по материнскому капиталу и введение значительных пособий при рождении первого ребёнка. Статистический анализ выявил внутреннюю согласованность экспертных оценок. Обнаружена сильная положительная корреляция между пессимистичной оценкой текущей ситуации, негативным восприятием трендов её развития и низкой оценкой эффективности государственной политики.

Теоретическая и практическая значимость заключается в том, что проведённое исследование формирует прочную эмпирическую основу для дальнейших научных изысканий. Перспективными направлениями представляются углублённый анализ региональной специфики демографической политики, а также изучение факторов, определяющих эффективность конкретных мер поддержки семьи в условиях российских регионов. Выявленная структура экспертного мнения задаёт чёткие ориентиры для формирования как научной, так и практической повестки в области демографического развития.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

демографическое развитие, демографическая политика, демографический кризис, Камчатский край, миграция, экспертные интервью

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность научных исследований в области демографии для России, и в частности для Дальневосточного федерального округа (ДФО), сегодня исключительно высока. Это связано с комплексом острых демографических вызовов, которые требуют глубокого анализа для формирования эффективной государственной социальной политики.

К наиболее сложным демографическим проблемам России в настоящее время можно отнести снижение рождаемости (ниже уровня естественного воспроизводства), старение населения, низкую продолжительность жизни и, как следствие перечисленных проблем, депопуляцию населения.

Демографическая ситуация в ДФО имеет свою специфику, которая характеризуется крайне низкой плотностью населения, суровыми климатическими условиями, значительной удалённостью от центральных регионов страны, высоким уровнем оттока населения (особенно молодёжи), что делает её отдельным важным объектом для научного анализа.

Современные исследования в области демографии используют не только статистическую информацию с последующим её математическим анализом, но и социологические методы. Использование количественных и качественных социологических исследований предоставляет возможность комплексно изучить факторы, тенденции демографических проблем.

В рамках регулярных научно-практических конференций, проводимых на площадке Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, – в 2024 г. был проведён экспертный опрос на базе анкеты, разработанной специалистами института, направленный на выявление особенностей демографической ситуации в Камчатском крае [3]. Результаты аналогичных исследований в других регионах России также неоднократно публиковались другими авторами [6; 9].

Цель нашего исследования – оценить реализацию государственной демографической политики в Камчатском крае и выявить её региональные особенности.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ОЦЕНКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ СО СТОРОНЫ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

При анализе динамики демографического развития России в отечественном научном сообществе сложилось два подхода [12].

Первый подход объединяет демографических скептиков, которые утверждают, что демографические процессы подчинены объективным законам, а следовательно, негативная динамика демографических процессов является закономерной. И в этом случае любые попытки оказать влияние на демографические процессы малопродуктивны, но при этом требуют существенных материальных и финансовых ресурсов – более того, могут привести к ещё более негативным последствиям.

Демографические изменения с точки зрения сторонников второго подхода определяются в том числе и субъективными факторами – в частности, социальным конструированием. Демографы-прагматики чаще ориентированы на стимулирование рождаемости с использованием разнообразных мер поддержки семьи.

Анализ литературных источников показывает, что в отечественной научной среде преобладает второй подход.

В частности, Н. М. Жилина указывает, что «промежуточные итоги национального проекта “Демография” позитивны по динамике *численности населения моложе и старше трудоспособного возраста*. Также благоприятная тенденция наблюдается по *показателям младенческой смертности*». Но по другим не менее важным демографическим показателям автор делает вывод, что они продолжают иметь негативную динамику. Определённый вклад в формирование негативной динамики оказала пандемия COVID-19. Далее автор указывает, что «одним из перспективных направлений улучшения демографической ситуации является принятие действенных социальных мер для роста рождаемости в группах женщин молодого возраста, для увеличения суммарного коэффициента рождаемости» [7].

Эту же мысль высказывают А. В. Сапунов, Т. А. Сапунова и Г. А. Багян: «Демографическая ситуация в России приобрела особый характер и требует незамедлительного принятия мер по её разрешению. Решение данной проблемы невозможно лишь на основе одного национального проекта, необходимы дополнительные усилия по обеспечению увеличения доходов

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

населения и повышения эффективности системы здравоохранения в стране» [11].

Ю. А. Авдеев и В. Л. Ушакова, указывая на ухудшение демографической ситуации на Дальнем Востоке РФ и на неэффективность экономического стимулирования рождаемости, считают, что необходимо пересмотреть региональные приоритеты демографической политики: «При сложившейся демографической структуре населения вряд ли можно ожидать позитивных изменений в следующих двух-трёх поколениях, и поэтому в качестве приоритета, по меньшей мере, на ближайшие 10–15 лет должна стать активная миграционная политика с ориентацией на значительный приток мигрантов, преимущественно – соотечественников» [1].

Кроме того, Ю. А. Авдеев указывает, что основными направлениями новой демографической политики должны стать: «признание государства основным выгодоприобретателем от роста численности населения; закрепление законодательно положения, признающего труд женщины по воспитанию своих детей общественно полезным; понимание жилья как эффективного рычага демографической политики; переход на новый уровень индустриального развития страны с высоким уровнем доходов занятых; изменения в пространственной организации жизнедеятельности населения, ориентированного на создание условий для воспроизводства населения; понимание миграции не только как способа преодоления дефицита трудовых ресурсов, но источника роста демографического потенциала, условия для расширенного воспроизводства» [2].

По итогам экспертного опроса, Л. Л. Рыбаковский, С. И. Кузина и А. В. Понеделков определяют демографическую ситуацию в стране как «скорее кризисную». Основными причинами отрицательного естественного прироста в России эксперты считают социально-экономические трудности, политическую нестабильность, затруднённую работу социальных лифтов, девальвацию семейных ценностей. В качестве наиболее эффективных мер, направленных на решение задач демографического развития России, эксперты большинства регионов на 1-е место поставили «развитие национальных проектов и иных мер, повышающих материальное обеспечение семей», и на 2-е – «воспитание семейных ценностей и соответствующую государственную информационную политику» как устраняющие те причины демографического кризиса в России [10].

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

В. А. Ионцев и Ю. А. Узкая утверждают, что «выход из этой негативной ситуации мы видим в переходе России и её регионов на Евразийский путь демографического развития. Что касается роли миграции в демографическом развитии, при сохранении современной миграционной политики мы будем иметь больше минусов, чем плюсов. Более того, назрела необходимость в создании Министерства по вопросам миграции, которое в комплексе рассматривало бы это очень многообразное явление, эффективно им управляя» [8].

Ссылаясь также на экспертный опрос, авторы А. А. Шабунова и Т. К. Ростовская указывают, что «приведённые данные подтверждают востребованность политики регулирования демографических процессов. Меры поддержки семей с детьми, принимаемые на федеральном уровне, населением и экспертами оцениваются как нужные и действенные» [12].

И. В. Васильев прямо указывает, что «для преодоления сложившейся кризисной демографической ситуации требуется комплекс мер. И главная из них – укрепление социальной ответственности государства перед обществом» [5].

Особняком стоит мнение Е. М. Андреева, Е. В. Чуриловой, О. А. Родины и К. О. Чертенковой: «Мы полагаем, что омоложение рождаемости не приведёт к увеличению итоговой рождаемости, но может привести к росту бедности семей с детьми и их зависимости от выплат денежных пособий» [4].

Но и в этом случае авторами указывается, что «создание условий для рождения ожидаемого или желаемого числа детей, повышение возможностей женщины по сочетанию материнства и карьеры, а также поощрение рождений в возрастах с минимальными рисками для здоровья матери и ребёнка более перспективны с точки зрения поддержания уровня рождаемости, чем попытки стимулирования рождений в более ранних возрастах» [4].

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ВЫБОРКИ ПРИВЛЕЧЁННЫХ ЭКСПЕРТОВ

Выборка исследования представляет собой целевую группу из 43 экспертов, компетентных в вопросах демографического развития Камчатского края. Возрастная структура респондентов свидетельствует о доминировании специалистов зрелого возраста, обладающих значительным профессиональным

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

опытом. Наиболее репрезентативными группами являются лица 40–49 лет (35%) и 30–39 лет (28%), совокупно формируя 63% выборки. Меньшую долю составляют эксперты возрастных категорий 50–59 лет (14%) и до 25 лет (12%).

Профессиональный состав респондентов детерминирован фокусом исследования на управленческом и аналитическом аспектах демографической политики. Ключевые сегменты представлены сотрудниками органов исполнительной власти (30%) и научно-образовательного сообщества (30%). Дополняют выборку представители законодательной власти и правоохранительных органов (13%), бизнес-структур (13%) и органов местного самоуправления (12%). Высокий уровень квалификации подтверждается данными о профессиональном стаже: 49% экспертов работают в своей должности свыше 10 лет, в том числе 21% – от 20 до 30 лет.

Социокультурный профиль выборки характеризуется преобладанием светской идентичности с выраженным уважением к религиозным традициям. Большинство респондентов (65%) идентифицируют себя как верующие, не следующие строго религиозным практикам; 18% определяются как неверующие, но с уважением относящиеся к конфессиональным взглядам. Среди исповедующих религию абсолютно доминирует православие (79% от общего числа ответивших). Подобный мировоззренческий контекст позволяет предполагать, что оценки экспертов формировались в рамках рационально-прагматического подхода, минимально подверженного влиянию религиозных догм.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ОТВЕТОВ ЭКСПЕРТОВ

Распределение ответов на вопрос «*Как бы Вы оценили демографическую ситуацию, сложившуюся в стране в настоящее время?*» указано на рисунке 1. Анализируя представленные данные, нельзя не отметить выраженный пессимизм в оценках экспертов: подавляющее их большинство, а именно 70%, характеризуют демографическую ситуацию в стране как кризисную. При этом никто из опрошенных специалистов не счёл её абсолютно благополучной, что является весьма красноречивым показателем и подтверждает наличие серьёзных системных проблем, признаваемых единодушно всей профессиональной средой.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

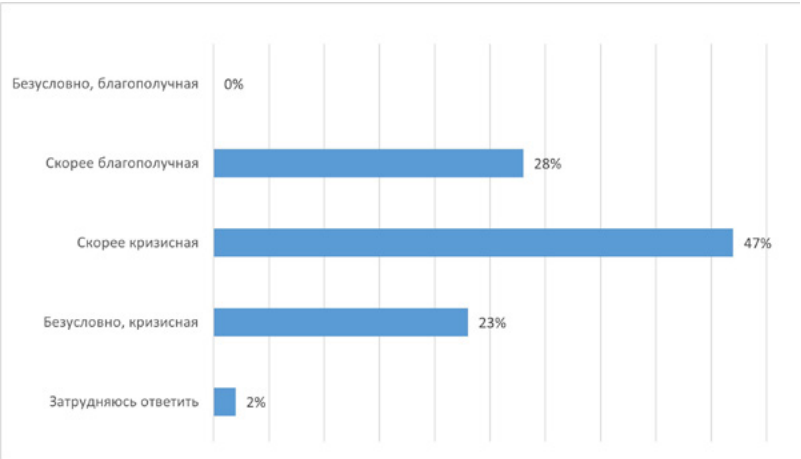

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили демографическую ситуацию, сложившуюся в стране в настоящее время?» / The distribution of answers to the question «How would you assess the demographic situation in the country at the present time?"

Анализ ответов на уточняющий вопрос «*Как Вы считаете, можно ли вообще говорить о благоприятном демографическом развитии России?*» показывает, что абсолютное большинство экспертов (49% + 26% + 7% = 82%) признаёт наличие серьёзных проблем или полное отсутствие благоприятных тенденций в демографическом развитии России. При этом почти половина респондентов (49%) всё же видит определённое развитие, однако указывает на значительные проблемы, требующие немедленного вмешательства. Лишь 2% опрошенных настроены абсолютно оптимистично.

Распределение ответов на второй вопрос анкеты отражено на рисунке 2.

Анализ мнений экспертов о причинах неблагоприятной демографической ситуации выявляет три ключевых фактора, которые специалисты считают наиболее значимыми. На первом месте находится распространение «западной» модели семьи с низкой рождаемостью (19%), что указывает на глубокие социокультурные изменения в обществе. С одинаковой частотой (по 15%) эксперты связывают проблемы со снижением уровня жизни, препятствующим рождению детей, и с падением значи-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

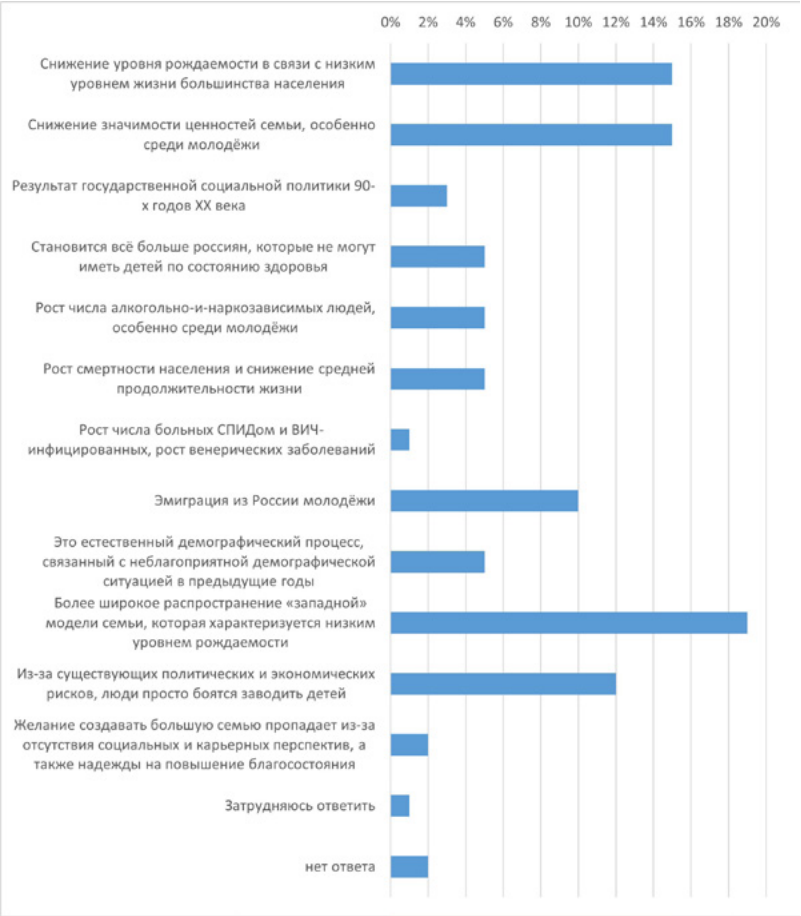

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение ответов на вопрос «Если Вы считаете, что современная демографическая ситуация в стране в целом неблагоприятная, то с чем это связано, на Ваш взгляд, в первую очередь?» / The distribution of answers to the question "If you think that the current demographic situation in the country is generally unfavorable, suggest reasons for this which in your opinion are the main"

мости семейных ценностей среди молодёжи. При этом такие факторы, как эмиграция (10%) и страхи населения перед политико-экономическими рисками (12%), формируют дополнительный комплекс барьеров для демографического роста.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

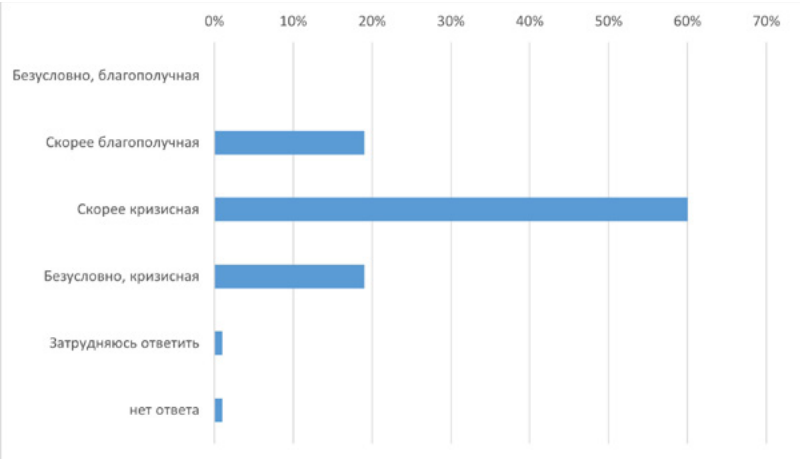

Рис. 3 / Fig. 3. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили демографическую ситуацию, сложившуюся в регионе Вашего проживания в настоящее время?» / The distribution of answers to the question "How would you assess the current demographic situation in your region of residence?"

Оценка экспертами демографической ситуации в Камчатском крае указана на рисунке 3.

Подавляющее большинство экспертов оценивают демографическую ситуацию в регионе своего проживания как кризисную: 60% респондентов выбрали вариант «скорее кризисная», а ещё 19% – «безусловно, кризисная». Таким образом, суммарная доля негативных оценок достигает 79%. При этом ни один из опрошенных не охарактеризовал ситуацию как «безусловно, благополучная», а доля позитивных оценок («скорее благополучная») составляет лишь 19%.

Анализ ответов экспертов на вопрос «*На Ваш взгляд, изменилась ли демографическая ситуация в стране (рождаемость, смертность, продолжительность жизни) за последние 5 лет?*» показывает, что более половины респондентов (54%) констатируют ухудшение демографической ситуации в стране за последние пять лет. Каждый четвёртый опрошенный (23%), напротив, отмечает положительную динамику, в то время как 14% не наблюдают существенных изменений. Незначительная доля затруднившихся с ответом (7%) дополнительно подчёркивает

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

выраженность негативной тенденции в оценках большинства специалистов.

Более негативно экспертами воспринимаются тенденции в демографии Камчатского края при ответе на вопрос «*На Ваш взгляд, изменилась ли демографическая ситуация в Вашем регионе (рождаемость, смертность, продолжительность жизни) за последние 5 лет?*». Абсолютное большинство экспертов – 62% – отмечают ухудшение демографической ситуации в регионе за последние пять лет. Доли тех, кто видит улучшение или отсутствие изменений, значительно ниже и составляют по 12%. Ещё 12% респондентов затруднились дать определённую оценку, что подчёркивает сложность и неоднозначность происходящих демографических процессов.

Оценка эффективности проводимой в РФ демографической политики указана на рисунке 4.

Рис. 4 / Fig. 4. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, насколько эффективна государственная демографическая политика, проводимая в стране в целом?» / The distribution of answers to the question “In your opinion, how effective the government’s demographic policy is in the country as a whole?”

Большинство экспертов (67%) признают определённую эффективность государственной демографической политики, однако указывают на необходимость её доработки. Каждый четвёртый респондент (26%) оценивает меры как скорее неэффек-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

тивные, а 5% – как полностью неработающие. Лишь 2% опрошенных считают политику абсолютно результативной. Таким образом, в экспертном сообществе преобладает взвешенная позиция, признающая отдельные достижения при одновременном требовании существенной корректировки проводимого курса.

Отвечая на вопрос «*Как Вы считаете, какие направления улучшения демографической ситуации в России являются наиболее реальными и практически реализуемыми?*», таковыми в России эксперты считают меры прямой финансовой поддержки семей. На это указывает высокая доля голосов, отданных за увеличение выплат по материнскому капиталу (19%) и введение значительных денежных выплат уже при рождении первого ребёнка (16%). Второй по значимости блок мер связан с улучшением здоровья населения и жилищными условиями: сокращение смертности (16%) и предоставление бесплатного жилья многодетным семьям (16%). При этом такие направления, как привлечение мигрантов или стимулирование миграции, в целом получили минимальную поддержку (5% и 2% соответственно), что свидетельствует о скептическом отношении экспертного сообщества к миграции как к инструменту решения демографических проблем.

Факторы, обуславливающие демографические тенденции по мнению экспертов, указаны на рисунке 5.

Анализ экспертных оценок определяющих факторов демографических проблем России выявляет три ключевые группы детерминант. Наиболее значимым барьером признаются материально-бытовые условия: проблемы с приобретением и строительством жилья лидируют в рейтинге факторов (29%). Вторую группу образуют социально-психологические факторы – отсутствие веры в возможность обеспечить детям достойное будущее (21%) и трансформация ценностных ориентаций в сторону социального эгоизма (18%). Третью группу составляют макроэкономические и политические риски, где внутренняя экономическая неустойчивость воспринимается как более значимый фактор (17%), чем глобальные экономические кризисы (7%).

Выражая свои оценки эффективности *государственной поддержки семьи посредством выделения материнского капитала*, большинство экспертов (67%) признают определённую эффективность программы материнского капитала, однако указыва-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

Рис. 5 / Fig 5. Распределение ответов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, определяет наличие проблем, связанных с демографическим развитием России?» / The distribution of answers to the question "What, in your opinion, determines the existence of problems related to the demographic development of Russia?"

ют на необходимость её доработки и совершенствования. Каждый пятый респондент (19%) оценивает меру как скорее неэффективную, а 7% – как полностью нерезультативную. Лишь 7% опрошенных считают программу абсолютно успешной. Так, в экспертном сообществе преобладает взвешенная позиция, признающая полезность инструмента материнского капитала при одновременном требовании его существенной корректировки для повышения эффективности.

Анализ экспертных предпочтений в области мер, наиболее эффективных для решения задач демографического развития *России*, выявляет три ключевых направления демографической политики. Наиболее востребованной мерой (33%) является развитие национальных проектов, направленных на материальную поддержку семей. Второй по значимости мерой (27%) эксперты называют воспитание семейных ценностей и соответствующую информационную политику. Замыкает тройку приоритетов (23%) поддержка общественных организаций и волонтёрских движений, оказывающих помощь многодетным и неблагополучным семьям. При этом ограничительные меры,

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

такие как запрет абортов (2%) или расширение влияния религиозных организаций (1%), получают минимальную поддержку экспертного сообщества.

Экспертами также указаны три ключевых препятствия для успешной реализации демографической политики. Наиболее значимым барьером (22%) является психологический фактор – стресс и неуверенность граждан в завтрашнем дне, которые препятствуют созданию многодетных семей. Второй по важности блок проблем (суммарно 30%) связан с институциональными недостатками: несовершенство программ (15%) и нежелание населения менять репродуктивные установки (15%). Третью группу образуют финансово-административные ограничения (19%), включающие нехватку бюджетного финансирования (10%) и недостаточный контроль над исполнением программ (9%). При этом такие факторы, как коррупция (6%) и несовершенство законодательной базы (6%), считаются менее влиятельными.

Абсолютное большинство экспертов (89%) поддерживают необходимость государственной пропаганды семейных ценностей и повышения рождаемости. При этом почти половина респондентов (48%) уверена в значительной эффективности таких мер, тогда как 41% ожидают минимального положительного эффекта. Лишь незначительное меньшинство (7%) выступает против данной политики, аргументируя это неэффективностью затрат и возможной потерей доверия граждан на фоне снижения уровня жизни.

Наличие корреляции между демографическими проблемами и сложной внутренней или внешнеполитической ситуацией – большинство экспертов (62%) убеждены в тесной взаимосвязи демографических проблем с политической обстановкой. При этом 36% респондентов видят основную причину во внутренних факторах, таких как снижение уровня жизни, а 26% – во внешнеполитических рисках и общей нестабильности. Оставшаяся часть экспертов (32%) считает, что демографические процессы определяются в первую очередь социальным самочувствием граждан и семейными традициями, а не политическим контекстом.

Анализ ответов экспертов на вопрос «*В чём выражается угроза национальной безопасности в контексте демографической ситуации?*» показывает, что угрозы демографической ситуации воспринимаются как многогранные и комплексные. Наиболь-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

шие опасения связаны с тремя ключевыми аспектами: риском депопуляции русского народа (20%), сокращением трудовых ресурсов (19%) и изменением этнического состава населения (17%). При этом практически равную значимость эксперты придают угрозе невыполнения государством социальных обязательств (17%) и региональным диспропорциям в развитии (15%). Наименьшую озабоченность вызывает риск территориальных потерь (7%), что свидетельствует о том, что эксперты рассматривают демографические угрозы прежде всего как внутренний вызов, а не как вопрос внешней политики. Равномерное распределение опасений по разным аспектам подчёркивает системный характер демографических проблем.

КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ОТВЕТОВ ЭКСПЕРТОВ

Применим тест Краскела-Уоллиса для проверки того, существуют ли статистически значимые различия между медианами нескольких групп.

Критерий Краскела-Уоллиса проверяет, есть ли статистически значимые различия между группами. Если асимптотическая значимость (p-value) меньше 0,05, мы отвергаем нулевую гипотезу и заключаем, что есть значимые различия между группами. Если p-value больше 0,05, нет оснований отвергать нулевую гипотезу, и мы считаем, что различия несущественны.

В связи с громоздкостью и объёмностью сделанных расчётов в статье авторами предлагаются только окончательные выводы.

Ни по одному из вопросов не обнаружено статистически значимых различий в оценках между возрастными группами. Это означает, что возраст респондентов не оказывает существенного влияния на их мнения о демографической ситуации в стране или регионе, а также на оценку изменений за последние 5 лет.

Поскольку возраст не показал значимой связи, стоит проверить влияние других факторов на оценки демографической ситуации.

Предположение, что ключевой характеристикой при оценке демографической ситуации в регионе является профессиональный стаж, показало, что наиболее критично к демографическому развитию России относятся эксперты со стажем от 10 до 20 лет. Наименее критичны – молодые специалисты со стажем до 5 лет.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Воспользуемся критериями оценки корреляции между параметрами: Ро Спирмена и Tay-b Кендалла – для определения возможной взаимосвязи между ответами респондентов.

Самые сильные и значимые связи логичным образом возникли между ответами на вопросы 2 и 7, что объясняется тем, что чем более благоприятной эксперты считают демографическую динамику, тем более эффективной они считают политику государства. И наоборот, те, кто видит развитие неблагоприятным, склонны критиковать и государственную политику.

Однако больший интерес представляет отсутствие корреляции между ответами на вопросы 7 и 4. Т. е. эксперты не связывают государственную политику с демографической ситуацией в регионе. Эксперты считают, что эффективность федеральной политики слабо влияет на их конкретный регион или на региональную ситуацию сильнее влияют местные факторы.

Очень важный вывод, который характеризует периферийное положение Камчатского края с точки зрения инструментов федеральной (национальной) демографической политики: Камчатскому краю, как и любому региону в ДФО, требуется уникальный подход в формировании благоприятной демографической и миграционной политики.

Первое, на что нужно обратить внимание, – это отрицательные знаки коэффициентов корреляции у ответов на вопросы 5 и 6. Отрицательная корреляция означает следующее: чем лучше (ниже балл) эксперты оценивают текущую ситуацию (вопросы 1, 2, 4) и политику (вопрос 7), тем положительнее (ниже балл) они оценивают динамику изменений за последние 5 лет (вопросы 5, 6). Это абсолютно логичная и ожидаемая связь.

Анализ позволяет выделить несколько чётких и логичных кластеров взаимосвязей.

1. Кластер «Текущее состояние и развитие» (сильные положительные связи):

Ответы на вопрос 1 (ситуация в стране) и ответы на вопрос 2 (оценка развития): tay-b = 0,521;

Ответы на вопрос 2 (оценка развития) и ответы на вопрос 7 (эффективность политики): tay-b = 0,530.

Анализ показывает, что эксперты, негативно оценивающие текущую ситуацию, также пессимистично смотрят на тренды её развития и считают госполитику неэффективной. Это ядро их общего восприятия.

2. Кластер «Восприятие динамики» (сильные положительные связи):

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

Ответы на вопрос 5 (изменения в стране) и ответы на вопрос 6 (изменения в регионе): tay-b = 0,649.

Вывод следующий: восприятие динамики (не политики, как в одном из прошлых выводов) на общенациональном и региональном уровнях тесно связано. Если эксперт видит улучшения / ухудшения в России, он с большой вероятностью аналогично оценит и ситуацию в Камчатском крае.

3. Связи между «Текущим состоянием» и «Динамикой» (отрицательные связи).

Ответы на вопрос 2 (оценка развития) и ответы на вопрос 5 (динамика в стране): tay-b = -0,419;

Ответы на вопрос 2 (оценка развития) и ответы на вопрос 6 (динамика в регионе): tay-b = -0,381;

Ответы на вопрос 7 (эффективность политики) и ответы на вопрос 5 (динамика в стране): tay-b = -0,328.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что чем более благоприятным (ниже балл) эксперт видит развитие демографии и чем более эффективной считает политику, тем с большей вероятностью он считает, что за последние 5 лет ситуация улучшилась (ниже балл). Это признак, который явно указывает на наличие согласованной картины мира у экспертов.

4. Особняком стоит «оценка региона» (вопрос 4).

Ответы на вопрос 4 (ситуация в регионе) НЕ коррелируют с ответами на вопросы 5 и 6: связи с динамикой (-0,082, -0,251) незначимы.

Но ответы на вопрос 4 коррелируют с ответами на вопрос 1 и 2: tay-b = 0,288 и 0,401 соответственно.

Полученный результат можно интерпретировать следующим образом: оценка текущей ситуации в Камчатском крае связана с общей оценкой по стране. Однако восприятие динамики изменений в регионе (за 5 лет) не влияет на общую оценку текущей региональной ситуации. Это может говорить о том, что:

– эксперты оценивают регион по каким-то другим, более глубинным критериям, а не по видимым изменениям;

– динамика есть, но она ещё не привела к смене общей оценки;

– или наоборот: текущая оценка региона настолько устойчива, что не меняется под влиянием недавней динамики.

Общий вывод и рекомендации:

1. Ответы экспертов внутренне непротиворечивы. Их мнение формирует единая установка (пессимистичная или опти-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

мистичная), которая пронизывает оценку и текущего состояния, и трендов, и эффективности политики.

2. Региональная оценка – наиболее самостоятельная и, возможно, наиболее консервативная. Она сильно связана с общей оценкой по стране, но совершенно не зависит от того, видят ли эксперты улучшения или ухудшения за последние 5 лет. Это главный результат расширенного анализа.

Как показывают результаты, массив переменных распадается на два статистически независимых кластера, что свидетельствует о сложной организации экспертных позиций.

Наиболее выраженная взаимосвязь наблюдается между оценкой текущей демографической ситуации (вопрос 1) и общим трендом её развития (вопрос 2): коэффициент корреляции τ-Кендалла составляет 0,521 при $p < 0.001$. Эта устойчивая связь формирует смысловое ядро экспертных суждений, отражая внутреннюю согласованность в восприятии статического и динамического аспектов демографической реальности.

Примечательна система корреляций переменной ответов на вопрос 2 (оценка развития) с блоком установочных показателей. Обнаружены статистически значимые отрицательные связи с переменной ответов на вопрос 14 ($\tau = -0{,}487$, $p < 0{,}001$), отражающей признание влияния политических факторов на демографическую ситуацию, и с переменной ответов на вопрос 15 ($\tau = -0{,}388$, $p = 0{,}005$), характеризующей уровень личной тревожности экспертов.

Таким образом, пессимизм в оценках демографического развития ассоциируется с политизацией восприятия и повышенной личной озабоченностью респондентов.

Особого внимания заслуживает взаимосвязь между отношением к пропаганде семейных ценностей (вопрос 13) и оценкой влияния политического контекста (вопрос 14): $\tau = 0{,}379$ при $p = 0{,}008$. Эксперты, поддерживающие активную информационную политику государства, склонны отрицать определяющую роль политических факторов в демографическом развитии. Этот паттерн указывает на существование координированного комплекса установок, объединяющего веру в эффективность пропагандистских мер со скептическим отношением к значимости внешне- и внутриполитической конъюнктуры.

Любопытно, что оценка эффективности материнского капитала (вопрос 10) демонстрирует статистическую независимость от прочих переменных. Это позволяет предположить,

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

что данная конкретная мера воспринимается экспертами как технический инструмент, вынесенный за рамки идеологических дискуссий и общей оценки демографической динамики.

Полученные эмпирические данные позволяют говорить о биполярной структуре экспертного поля. На одном полюсе локализуются респонденты с критическим восприятием демографического развития, акцентирующие роль политических факторов и проявляющие высокую личную тревожность. На противоположном – эксперты, придерживающиеся оптимистичных оценок, аполитичной позиции и отличающиеся низким уровнем озабоченности.

Проведём анализ ответов респондентов в вопросе 3 и вопросах 1 и 2. Выбранные варианты причин формирования неблагоприятного демографического климата позволят понять ключевые индикаторы качества демографической среды с точки зрения экспертов.

Анализ корреляционных связей между причинами демографических проблем и оценкой текущей ситуации позволяет выявить значимые паттерны в восприятии экспертов.

Ключевые значимые корреляции:

1. Единственная значимая связь с общей оценкой демографического развития (вопрос 2) обнаружена у фактора 3.12 – «Желание создавать большую семью пропадает из-за отсутствия социальных и карьерных перспектив» ($\tau = 0{,}356^*$, $p = 0{,}013$). Это указывает, что эксперты, выделяющие социально-экономические ограничения как ключевую причину демографических проблем, склонны давать более пессимистичную оценку перспективам демографического развития России.

2. Внутренняя структура причинно-следственных связей демонстрирует две значимые корреляции:

– между факторами 3.8 («Эмиграция из России молодёжи») и 3.10 («Более широкое распространение “западной” модели семьи») ($\tau = 0{,}425$, $p = 0{,}006$);

– между факторами 3.9 («Естественный демографический процесс») и 3.12 («Отсутствие социальных и карьерных перспектив») ($\tau = 0{,}310^*$, $p = 0{,}044$).

Интерпретация результатов:

Отсутствие множественных значимых корреляций между конкретными причинами и общей оценкой ситуации свидетельствует о сложном, многомерном характере экспертного восприятия демографических проблем. Эксперты не склонны

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

сводить демографический кризис к единой причине, а рассматривают его как результат взаимодействия множества факторов.

Единственный фактор, демонстрирующий значимую связь с пессимистичной оценкой перспектив развития (вопрос 2), связан с социально-экономическими ограничениями (отсутствие перспектив и карьерных возможностей). Это указывает на то, что именно экономические факторы воспринимаются экспертами как наиболее критичные для долгосрочного демографического развития.

Обнаруженные взаимосвязи внутри причинных факторов (3.8 – 3.10 и 3.9 – 3.12) позволяют предположить существование двух кластеров восприятия:

– связь эмиграции с распространением «западной» модели семьи отражает восприятие культурно-миграционных вызовов;

– связь естественного демографического процесса с социально-экономическими ограничениями указывает на структурно-экономическую интерпретацию проблем.

Примечательным результатом является полное отсутствие выборов варианта 7 в вопросе 3, связанного с ростом числа больных СПИДом, венерическими заболеваниями, ВИЧ-инфицированных. Нулевая частота выбора данной причины указывает на её периферийность в структуре экспертного восприятия демографических угроз. Это позволяет предположить, что в современном экспертном фокусе медицинско-эпидемиологические факторы отходят на второй план перед социально-экономическими и ценностными детерминантами демографического развития. Подобное «вымывание» медицинского аспекта из перечня значимых угроз может отражать как реальные успехи в противодействии распространению указанных заболеваний, так и смещение фокуса общественного внимания в сторону более актуальных, по мнению экспертов, вызовов – экономической нестабильности, миграционных процессов и трансформации семейных ценностей.

Далее проведём анализ ответов на вопрос 8, характеризующих реализуемость направлений улучшения демографической ситуации в России, и экспертных мнений об эффективности реализуемой политики. Рассмотрим также взаимосвязь между возрастом, профессиональным стажем экспертов и ответами на вопрос 8.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

Анализ таблицы корреляций Пирсона выявляет несколько значимых взаимосвязей между социально-демографическими характеристиками респондентов и их предпочтениями в выборе мер демографической политики.

Ключевые значимые корреляции.

Возрастные различия в предпочтениях: респонденты старшего возраста значимо чаще выбирают меру 8.3 – «Сокращение смертности в России» ($r = 0{,}331$, $p = 0{,}030$).

Взаимосвязи между мерами демографической политики: сильнейшая корреляция наблюдается между мерами 8.6 и 8.7 ($r = 0{,}814$, $p < 0{,}01$) – «Увеличение выплат по материнскому капиталу» и «Значительные денежные выплаты на первого ребёнка».

Меры 8.2 и 8.5 демонстрируют положительную связь ($r = 0{,}374$, $p = 0{,}014$) – «Привлечение квалифицированных мигрантов» и «Стимулирование любой миграции».

Меры 8.1 и 8.3 также взаимосвязаны ($r = 0{,}470$, $p = 0{,}001$) – «Повышение рождаемости» и «Сокращение смертности».

Отрицательные корреляции:

Выбор варианта 8.9 – «Затрудняюсь ответить» отрицательно связан с поддержкой мер 8.6 ($r = -0{,}393$, $p = 0{,}009$).

Исследование выявило чёткую структуру взаимосвязей между различными мерами демографической политики. Наиболее сильная корреляция наблюдается между мерами материальной поддержки семей – увеличением выплат по материнскому капиталу и значительными денежными выплатами на первого ребёнка. Эта устойчивая связь свидетельствует о том, что эксперты воспринимают данные инструменты как единый комплекс финансовой поддержки семей, а не как альтернативные подходы. Подобная согласованность в оценках подчёркивает важность экономических факторов в демографической политике.

Миграционная политика формирует второй по значимости кластер предпочтений. Корреляция между привлечением квалифицированных мигрантов и стимулированием любой миграции указывает на существование среди экспертов консенсуса относительно роли миграционных процессов в компенсации демографических потерь. При этом меры, направленные на естественное воспроизводство населения, – повышение рождаемости и сокращение смертности – также демонстрируют взаимосвязь.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Возраст респондентов выступает значимым фактором, влияющим на предпочтения в выборе инструментов демографической политики. Старшие эксперты значимо чаще акцентируют внимание на сокращении смертности, что может объясняться как личным опытом, так и более глубоким пониманием значимости этого параметра для демографического баланса. Интересно, что профессиональная принадлежность и стаж не показывают значимых связей с поддержкой конкретных мер, что свидетельствует о единстве экспертного сообщества в оценке ключевых направлений демографического развития.

Отсутствие корреляций между оценкой эффективности текущей политики и предпочтениями конкретных мер предполагает, что эксперты формируют свои предложения исходя из системного понимания проблемы, а не из реакции на существующие государственные программы. Это указывает на зрелость экспертного подхода и способность к стратегическому видению демографической политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведённого анализа анкетирования экспертов в сфере демографического развития Камчатского края сформирован ряд научно значимых выводов, которые могут лечь в основу дальнейших исследований и публикаций.

Экспертное сообщество демонстрирует высокую степень консенсуса в оценке демографической ситуации как в России в целом, так и в Камчатском крае в частности. Абсолютное большинство респондентов характеризуют её как кризисную, при этом ни один из экспертов не оценил ситуацию как безусловно благополучную. Данный универсальный пессимизм указывает на глубокое признание системного характера демографических проблем, что задаёт общий тон для любого анализа в данной области. Важным результатом является отсутствие статистически значимых различий в оценках между возрастными группами респондентов, что свидетельствует о едином восприятии проблемы вне зависимости от возраста эксперта.

Структура причин демографического кризиса, по мнению экспертов, носит многомерный характер, однако в ней чётко выделяется доминирование социально-экономических детерминант. Ключевыми барьерами признаются проблемы с приобретением жилья, отсутствие веры в возможность обе-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

спечить детям достойное будущее и общая экономическая неустойчивость. При этом такие факторы, как распространение «западной» модели семьи с низкой рождаемостью и эмиграция молодёжи, формируют дополнительный комплекс социокультурных и миграционных вызовов. Значимым является тот факт, что медицинско-эпидемиологические риски (такие как рост ВИЧ-инфекций) практически полностью выпали из поля зрения экспертов, что указывает на смещение фокуса в сторону социально-экономических и ценностных аспектов.

Анализ предпочтений в области демографической политики выявил чёткую структурированность экспертных позиций. Наиболее реалистичными и поддерживаемыми мерами являются инструменты прямой финансовой поддержки семей, такие как увеличение выплат по материнскому капиталу и введение значительных пособий при рождении первого ребёнка. Данные меры образуют единый кластер в восприятии респондентов. Второй по значимости блок связан с улучшением здоровья населения и жилищными условиями. При этом миграционная политика как инструмент решения демографических проблем встречает скептическое отношение, что подчёркивает ориентацию экспертов на стимулирование естественного воспроизводства.

Статистический анализ выявил внутреннюю согласованность экспертных оценок. Обнаружена сильная положительная корреляция между пессимистичной оценкой текущей ситуации, негативным восприятием трендов её развития и низкой оценкой эффективности государственной политики. Это формирует ядро экспертного восприятия. При этом профессиональный стаж оказался значимым фактором, влияющим на оценку благоприятности демографического развития: наиболее критичны эксперты со стажем 10–20 лет, тогда как молодые специалисты демонстрируют меньший пессимизм.

Особого внимания заслуживает региональный аспект. Оценка демографической ситуации в Камчатском крае, будучи тесно связанной с общей оценкой по стране, демонстрирует статистическую независимость от восприятия динамики изменений за последние 5 лет и от оценки эффективности федеральной демографической политики. Этот результат интерпретируется как указание на уникальность региональных условий и необходимость разработки специализированных подходов к демографическому регулированию в регионах Дальневосточ-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ного федерального округа, которые не могут быть полностью охвачены универсальными федеральными мерами.

Проведённое исследование формирует прочную эмпирическую основу для дальнейших научных изысканий. Перспективными направлениями представляются углублённый анализ региональной специфики демографической политики, исследование взаимосвязи профессионального опыта и экспертных оценок, а также изучение факторов, определяющих эффективность конкретных мер поддержки семьи в условиях российских регионов. Выявленная структура экспертного мнения задаёт чёткие ориентиры для формирования как научной, так и практической повестки в области демографического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев Ю. А., Ушакова В. Л. Демографические вызовы, или почему демографическая политика Дальнего Востока не ведёт к желаемому результату // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. №1. С. 9–24.
2. Авдеев Ю. А. Какая демографическая политика нужна России // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Т. 21. №1. С. 12–27.
3. Анализ результатов экспертного опроса по проблемам демографического развития России / А. Н. Аверин, А. В. Понеделков, С. А. Стельмах, И. В. Омельченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №7. С. 15–18.
4. Андреев Е. М., Чурилова Е. В., Родина О. А., и др. Российская рождаемость в XXI веке и перспективы её повышения // Демографическое обозрение. 2025. Т. 12. №2. С. 87–107.
5. Васильев И. В. Трудовые ресурсы России в зеркале демографической ситуации // Власть. 2021. №5. С. 177–186.
6. Голобородько А. Ю., Золочевская Е. Ю., Стеценко В. В. Государственная семейная и демографическая политика на региональном уровне: результаты социологического исследования // Демографическое развитие России: проблемы и пути решения. Ростов-н /Д.: Южно-Российский институт управления, 2021. С. 66–73.
7. Жилина Н. М. Некоторые демографические показатели России в 2000–2021 годы [Электронный ресурс] // Социальные аспекты здоровья населения. 2023. №69. URL: http://vestnik.mednet.ru (дата обращения: 05.11.2025).
8. Ионцев В. А., Узкая Ю. А. Евразийский путь демографического

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

развития в России как вызов глобально либеральной модели демографического перехода // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. №4. С. 597–611.

9. Попов М. Ю., Черкасова Т. П. Региональные аспекты, влияющие на демографическую ситуацию в Краснодарском крае // Демографическое развитие России: проблемы и пути решения. Ростов-н /Д.: Южно-Российский институт управления, 2021. С. 41–46.
10. Рыбаковский Л. Л., Кузина С. И., Понеделков А. В. Экспертное сообщество о демографической ситуации в современной России // Власть. 2021. №5. С. 171–176.
11. Сапунов А. В., Сапунова Т. А., Багян Г. А. Анализ актуальной демографической ситуации в Российской Федерации // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. №1. С. 187–190.
12. Шабунова А. А., Ростовская Т. К. Демографическая политика в современной России: взгляд населения и экспертная оценка // Вестник российской академии наук. 2022. Т. 92. №12. С. 1145–1156.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

ARTICLE INFORMATION

Authors

Alexey O. Shulikov

- e-mail: Aoshulikov@yandex.ru,
  Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Economics and Management,
  Kamchatka State Technical University
  ul. Klyuchevskaya 35, Kamchatka Krai, Petropavlovsk-Kamchatsky 683003, Russian Federation

Oleg Yu. Gadetsky

- e-mail: GTS_work@bk.ru,
  Assistant, Department of Economics, Management, and Tourism,
  Vitus Bering Kamchatka State University,
  ul. Pogranichnaya 4, Kamchatka Krai, Petropavlovsk-Kamchatsky 683032, Russian Federation

For citation

Shulikov, A. O. & Gadetsky, O. Yu. (2026). The Effectiveness of Demographic Policy in Kamchatka Krai: An Expert Assessment. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Abstract

Aim. To evaluate the implementation of state demographic policy in Kamchatka Krai and to identify its regional characteristics using an expert survey.

Methodology. This article analyses expert opinions obtained through an anonymous, formalized questionnaire. Responses were processed using statistical methods such as the Kruskal–Wallis test, Spearman's rank correlation coefficient, and Kendall's rank correlation coefficient.

Results. An analysis of demographic policy preferences revealed a clear structure in expert positions. The most realistic and supported measures are direct financial support for families, such as increasing maternity capital payments and introducing significant benefits for the birth of a first child. Statistical analysis revealed internal consistency among expert assessments. A strong positive correlation was found between a pessimistic assessment of the current situation, a negative perception of its development trends, and a low assessment of the effectiveness of state policy.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Research implications lie in the fact that it provides a solid empirical foundation for further research. Promising areas include an in-depth analysis of the regional specifics of demographic policy, as well as a study of the factors determining the effectiveness of specific family support measures in Russian regions. The identified structure of expert opinion provides clear guidelines for shaping both the scientific and practical agenda in the field of demographic development.

Keywords

demographic development, demographic policy, demographic crisis, Kamchatka Krai, migration, expert interviews

References

1. Avdeev, Yu. A. & Ushakova, V. L. (2023). Demographic Challenges, or Why Does the Demographic Policy of the Far East Not Lead to the Desired Result? In: *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 19 (1), 9–24 (in Russ.).
2. Avdeev, Yu. A. (2025). What Demographic Policy Does Russia Need? In: *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 21 (1), 12–27 (in Russ.).
3. Averin, A. N., Ponedelkov, A. V., Stelmakh, S. A., Omelchenko, I. V. (2021). Analysis of the Results of an Expert Survey on the Problems of Demographic Development in Russia. In: *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 7, 15–18 (in Russ.).
4. Andreev, E. M., Churilova, E. V., Rodina, O. A. & Chertenkov K. O. (2025). Russian Fertility in the 21st Century and Prospects for Its Increase. In: *Demographic Review*, 12 (2), 87–107 (in Russ.).
5. Vasiliev, I. V. (2021). The Labor Resources of Russia in Terms of the Demographic Situation. In: *Authority*, 5, 177–186 (in Russ.).
6. Goloborodko, A. Yu., Zolochevskaya, E. Yu. & Stetsenko, V. V. (2021). State Family and Demographic Policy at the Regional Level: Results of the Sociological Study. In: *Demographic Development of Russia: Problems and Solutions*. Rostov-on-don: South Russian Institute of Management publ., pp. 66–73 (in Russ.).
7. Zhilina, N. M. (2023). Some Demographic Indicators of Russia in 2000–2021. In: *Social Aspects of Population Health*, 69. URL: http://vestnik.mednet.ru (accessed: 05.11.2025) (in Russ.).
8. Iontsev, V. A. & Uzkaya, Yu. A. (2024). The Eurasian Path of Demographic Development in Russia as a Challenge to the Globally Liberal Model of Demographic Transition. In: *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 20 (4), 597–611 (in Russ.).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

9. Popov, M. Yu. & Cherkasova, T. P. (2021). Regional Aspects Affecting the Demographic Situation in the Krasnodar Territory. In: *Demographic Development of Russia: Problems and Solutions*. Rostov-on-don: South Russian Institute of Management publ., pp. 41–46 (in Russ.).

10. Rybakovsky, L. L., Kuzina, S. I. & Ponedelkov, A. V. (2021). Expert Community on the Demographic Situation in Modern Russia. In: *Authority*, 5, pp. 171–176 (in Russ.).

11. Sapunov, A. V., Sapunova, T. A. & Bagyan, G. A. (2021). Analysis of the Current Demographic Situation in the Russian Federation. In: *Natural sciences and humanities research*, 1, 187–190 (in Russ.).

12. Shabunova, A. A., Rostovskaya, T. K. (2022). Demographic Policy in Modern Russia: The View of the Population and Expert Assessment. In: *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 92 (12), 1145–1156 (in Russ.).

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Шуликов А. О., Гадецкий О. Ю., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

УДК 323.2

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ДОМА КАК ЭЛЕМЕНТА СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Филь Мария Сергеевна

- e-mail: m.s.viel@gmail.com;
  кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии;
  Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
  119991, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1, Российская Федерация;
  старший научный сотрудник;
  Севастопольский государственный университет
  299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33, Российская Федерация

Киселёв Семён Александрович

- e-mail: kslv.s@yandex.ru;
  соискатель факультета политологии;
  Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
  119991, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1, Российская Федерация

Лучинин Иван Сергеевич

- e-mail: iv.luchinin@gmail.com;
  аспирант факультета политологии;
  Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
  119991, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1, Российская Федерация

Для цитирования

Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С. Интегративный потенциал концепции традиционного дома как элемента социальной архитектуры // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 09.12.2025
- Статья размещена на сайте 06.05.2026

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация
Ключевые слова
Благодарности
Введение
Региональные проекции традиционного дома
Индивидуальное жилищное строительство как фактор экономического роста
Реинтеграция ветеранов Специальной военной операции
«Национальные слободы»: современное решение в духе исторических традиций
Заключение
Литература
Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить и проанализировать социально-организующие и культурно-коммуникативные функции традиционного жилища, выходящие за рамки его утилитарного назначения.

Процедура и методы. На основе междисциплинарного подхода авторы исследуют, как актуализация в общественном сознании представлений о традиционном доме может повлиять на коллективную идентичность, трансляцию культурных кодов и укрепление единства страны.

Результаты. В статье рассматривается концепция традиционного дома в качестве элемента социальной архитектуры, обладающего значительным интегративным потенциалом. Значимость исследования обусловлена поиском моделей устойчивого развития и социальной сплочённости в условиях глобализации и атомизации общества. По заключению авторов, традиционный дом может выступать как микромодель социокультурного порядка, обеспечивающая как преемственность, так и адаптацию к изменениям.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут быть применены в практике современного градостроительства и разработки социальных проектов, направленных на развитие регионов России.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социальная архитектура, традиционный дом, региональная политика, традиционные ценности, мягкая сила

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках государственного задания Севастопольского государственного университета, проект: «Проектирование социальной архитектуры будущего России: образы и сценарии» (регистрационный номер 1025031000058-9-5.6.1)

ВВЕДЕНИЕ

Реалии современного мира формируют запрос на новое прочтение традиции, что находит отражение в социальных практиках. Общественный запрос на артикуляцию национальной идентичности в России создаёт условия для реализации масштабных проектов, способных позитивно повлиять на развитие страны в будущем.

Социолог Д. В. Иванов определяет неотрадиционализм как «дискурсивный фрейм для практик переизобретения традиций и продвижения этих новых конструктов как “вековых” ценностей с использованием передовых технологий»[1]. Через призму этой логики можно рассмотреть комплекс идей, связанных с обеспечением пропорционального заселения территории России путём развития малых и средних населённых пунктов и популяризации индивидуального жилищного строительства.

Это не только вопрос демографии или экономики, но и важнейший вопрос будущего страны, её устойчивого развития и полноценного присутствия населения на всей её огромной территории. По данным исследователей, в постсоветский период сельское население России систематически сокращается, хотя и не такими мощными темпами, как в 1930-е гг. XX в. Причина этого в первую очередь в отсутствии занятости, инфраструктуры для жизни и отдыха, разрыве в уровне доходов между городом и деревней [1, с. 160]. По мнению директора Центра

[1] Социальная архитектура: профессор СПбГУ Дмитрий Иванов рассказал, на чем строится неотрадиционализм // Санкт-Петербургский государственный университет. Факультет социологии: [сайт]. URL: https://soc.spbu.ru/2301-sotsialnaya-arkhitektura-professor-spbgu-dmitrij-ivanov-rasskazal-na-chem-stroitsya-neotraditsionalizm.html (дата обращения: 08.09.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

геодемографии и пространственного развития МГУ имени М. В. Ломоносова А. Н. Панина, сжимающаяся сеть поселений представляет непосредственную угрозу для будущего России, поскольку если сжимается сеть – сжимается страна[2].

Первым шагом, направленным на борьбу с этой тенденцией, можно считать решение Президента РФ, который поручил представить предложения о поэтапном перемещении государственных корпораций, компаний с государственным участием из г. Москвы в субъекты РФ по месту осуществления их основной производственной или операционной деятельности[3].

У рурализации в России есть большой пока ещё в значительной мере не изученный потенциал. Учёные на основании социологических исследований отмечают, что «из города выезжают представители среднего класса, обладающие опытом жизни в сельской местности и ресурсами – материальными и нематериальными» [3, с. 299].

Один из самых разумных и эффективных путей – развивать территории через создание новых промышленных кластеров и одновременно с ними строить жилые поселения рядом с предприятиями. Причём не скучные «рабочие поселки», как в прошлом, а современные, комфортные малоэтажные населённые пункты, состоящие из частных домов. Такой формат даёт людям гораздо более высокий уровень жизни: свой дом, участок, природа – это то, что особенно ценно сегодня. В качестве примера, иллюстрирующего, как появление современного предприятия возрождает малые города, можно привести открытие Тихвинского вагоностроительного завода в 2012 г., на котором присутствовал В. В. Путин[4].

В рамках этой статьи хотелось бы выделить несколько аспектов данной обширной темы, в которых частный дом выступает инструментом решения ряда важнейших социально-экономических и политических задач. В основе этих рассуж-

[2] Александр Панин: Система расселения – результат прошлого и ключевой фактор будущего // Общественный комитет при Минстрое России: [сайт]. URL: https://osminstroy.ru/news/aleksandr-panin--sistema-rasseleniya---rezultat-proshlogo-i-klyuchevoy-faktor-budushchego (дата обращения: 01.12.2025).

[3] Перечень поручений по итогам Петербургского международного экономического форума (утв. Президентом РФ 22.07.2024 N Пр-1381) // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/74631 (дата обращения 30.09.2025).

[4] В. Путин открыл Тихвинский вагоностроительный завод // РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/30/01/2012/55929b249a794719538c3825 (дата обращения 30.09.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

дений так или иначе лежит представление о «традиционном доме», практическое воплощение которого сейчас возможно только на стыке традиций и инноваций.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ДОМА

Тенденция к оттоку населения в сельскую местность рассматривается рядом исследователей как характерная черта постиндустриального общества, т. е. общества настоящего и будущего [5, с. 35]. Н. Е. Покровский вводит новый теоретический конструкт «горожане в деревне», подразумевающий «раскрытие потенциала сельских просторов и природы для миграции городских слоёв, прежде всего среднего класса, профессионалов» [4, с. 151].

С этой точки зрения в рамках социальной архитектуры целесообразно исследовать имеющиеся тенденции и прогнозировать их развитие, т. е. работать на опережение.

Идея разработки региональных концепций частного дома знаменует собой кардинальный сдвиг в градостроительной и социальной политике России. Долгое время подход к жилью, в том числе и индивидуальному, был в значительной степени унифицированным. Единые строительные нормы (СНиПы), типовые проекты и федеральные программы, безусловно, важны для обеспечения базового уровня безопасности и комфорта, но они не учитывают колоссального климатического и культурного разнообразия страны.

Географический и климатический аспект: расстояние от Калининграда до Камчатки сравнимо с расстоянием от Лиссабона до Нью-Йорка. Климат варьируется от умеренно-морского до резко-континентального и арктического. Технологии и материалы для дома в субтропическом Сочи категорически не подходят для вечной мерзлоты Якутии.

Экономический аспект: экономики регионов основаны на разных отраслях – от аграрного сектора и туризма до тяжёлой промышленности и добычи ресурсов. Покупательная способность, стоимость ресурсов и логистики различаются на порядки. Строительство доступного дома в Подмосковье и в Забайкалье – это две принципиально разные финансовые и инженерные задачи.

Демографический и культурный аспект: в то время как одни регионы (Центральная Россия, Юг) сталкиваются с притоком населения и высокой плотностью, другие (Дальний Восток, Не-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

черноземье) переживают катастрофический отток населения и запустение территорий. Культурные традиции, архитектурные коды и уклад жизни в Татарстане, на Кавказе или в Сибири также требуют разного подхода к планировке и внешнему облику жилья.

Таким образом, унифицированный подход к жилищному строительству становится тормозом развития России. Он приводит к парадоксальным ситуациям:

Во-первых, в депрессивных регионах типовые решения оказываются не по карману и неадекватны местным условиям.

Во-вторых, в развитых регионах возникает проблема уплотнительной застройки без качественной альтернативы.

В-третьих, на особых территориях (Арктика, приграничье) такой подход просто не работает, усугубляя проблемы освоения.

При этом унифицированный подход к жилищному вопросу имеет существенный социально-психологический аспект. Населённые пункты с типовой застройкой, лишённые индивидуальности и развитых общественных пространств, являются косвенным стимулом оттока населения в более развитые центры, которыми, как правило, являются крупные города. В этой связи задача по обеспечению пропорционального заселения территории России лежит не только в плоскости развития инфраструктуры, но и в области социальной архитектуры, которая подразумевает создание привлекательной формы и содержания жизни за пределами больших городов.

Общенациональный контекст заключается в переводе с уровня лозунга в практическую плоскость осознания того, что сила России – в её разнообразии. Создание региональных концепций традиционного дома – это шаг к тому, чтобы управлять этим разнообразием, превращая его из проблемы в главный ресурс для устойчивого и сбалансированного развития всей страны.

Создание региональных концепций традиционного частного дома – это не социальная утопия, а насущная необходимость. Она позволяет:

– учесть уникальность каждого региона;

– превратить частный дом в ресурс развития;

– сбалансировать внутренние миграционные потоки, создав привлекательные условия для жизни вне крупных агломераций;

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

– стимулировать экономику через поддержку малого бизнеса и снижение социальной напряжённости.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Освоение больших пространств России может идти не только через масштабное переселение или точечные мегапроекты, но и через сеть новых живых, привлекательных для жизни и работы поселений. Это шанс перезапустить сам подход к пространственному развитию – с заботой о людях и с опорой на технологии.

Стандартизированное и удешевлённое жилищное строительство обеспечивает быстрое развёртывание жилого фонда, а привязка к транспортным коридорам и социальной инфраструктуре – качество среды обитания.

Благодаря современным строительным технологиям и архитектурным подходам такие посёлки можно делать не только быстро, но и качественно: энергоэффективные дома, экологичные материалы, цифровая инфраструктура, доступ к базовой медицине, образованию, транспорту и онлайн-сервисам – сейчас всё это уже, возможно, и не требует фантастических затрат. Если правильно спроектировать такую модель, она может стать новым стандартом развития территорий – устойчивым, удобным, современным.

Каждый новый дом – это не просто стены и крыша, а полноценное жизненное пространство, которое потребует обустройства. Людям понадобятся мебель, техника, текстиль, посуда, строительные и отделочные материалы, предметы быта – всё то, что делает жильё по-настоящему уютным и функциональным. Это значит, что строительство таких поселений автоматически создаёт устойчивый потребительский спрос. Где есть спрос, там возникает и предложение, появляются новые бизнесы, производственные и логистические цепочки, рабочие места, локальные бренды. Вокруг жилой среды начинает формироваться полноценная экономическая экосистема, которая оживляет регион и даёт толчок к его дальнейшему развитию.

Таким образом, строительство современных посёлков из частных домов – это не только решение задачи освоения территорий, но и мощный импульс для внутренней экономики, особенно малого и среднего бизнеса.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

РЕИНТЕГРАЦИЯ ВЕТЕРАНОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

В контексте темы развития малых поселений важно наметить и будущую проблему, которая возникнет в связи с окончанием Специальной военной операции (СВО), а именно – возвращения ветеранов боевых действий к гражданской жизни. Для демобилизованного участника СВО вопрос выбора места жительства приобретает не только бытовое, но и экзистенциальное значение. В условиях, когда необходимы психологическая и социальная реадаптация, формирование новых жизненных ориентиров и устойчивое вхождение в мирную повседневность, особенно важным становится пространство, которое не просто обеспечивает физический и бытовой комфорт, но и способствует ощущению стабильности, безопасности и принадлежности к местному сообществу.

Оптимальным решением может стать переезд за пределы шумного и перегруженного города в индивидуальный жилой дом, расположенный в пригородной зоне или на удалении, позволяющий сохранить связь с городской инфраструктурой, не теряя при этом преимуществ уединённой и размеренной жизни. Такой выбор обеспечивает не только материально-бытовые условия, но и предпосылки для социальной реадаптации – повышает контроль индивида над средой проживания, укрепляет ощущение предсказуемости и безопасности, а также создаёт условия для выстраивания новых жизненных практик, привычек и идентичности.

Тем более у России уже есть исторический опыт сочетания военной службы и сельского расселения, хотя и не вполне однозначный. В начале XIX в. под руководством А. А. Аракчеева были созданы так называемые военные поселения [6, с. 203] – административно организованные общины, в которых служба и сельскохозяйственный труд объединялись в единую систему с целью подготовки армейского резерва и обеспечения экономической самодостаточности окраин.

Практика показала двойственный характер этого опыта – с одной стороны, модель обеспечивала определённую степень хозяйственной самодостаточности и дисциплину, с другой – жёсткая регламентация быта, административная милитаризация и экономическая изолированность породили социальное недовольство и политические конфликты. Из этого крайне

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

противоречивого исторического примера необходимо сделать вывод, что при проектировании современных поселений для ветеранов необходимо исключать практики, напоминающие исторические формы жёсткого административного контроля, обеспечивать экономическую интеграцию с рынками и защиту частных прав, ввести механизмы участия в местном самоуправлении и запускать программы пилотно, с тщательным мониторингом эффектов.

С психологической точки зрения жизнь на собственной земле обладает терапевтическим потенциалом: возможность физического труда на своём участке, близость к природе, тишина и отсутствие постоянного городского стресса благоприятно воздействуют на психоэмоциональное состояние. На этот счёт есть множество исследований, прежде всего зарубежных. Например, проведённый в 2010 г. эксперимент японских учёных из Университета Тиба показал, что всего 15 минут, проведённые в лесу, уменьшают физиологические маркеры стресса – уровень кортизола в слюне, пульс и артериальное давление [7, p. 19–20].

Таким образом, развитие сети современных сельских поселений может стать эффективным инструментом послевоенной адаптации ветеранов, соединяя потребность в стабильном жилье с возможностями для занятости, семейной жизни и включения в мирную социальную жизнь. Единичные, но успешные примеры такой практики уже существуют. Например, можно выделить опыт ветерана СВО С. Дунаевского из Тюменской области, который после демобилизации стал фермером[5].

Опыт военных поселений XIX в. показывает, что устойчивость таких проектов зависит от добровольности участия и степени экономических свобод. При соблюдении этих условий деревня способна выполнять не только социально-реабилитационную, но и стратегическую функцию укрепления демографической и территориальной устойчивости страны.

Важно отметить, что логика, вытекающая из блока о реадаптации ветеранов СВО, непосредственно сопрягается с повесткой пространственного развития. Адресные жилищные решения для участников СВО (индивидуальные домовладения в малых поселениях с базовой инфраструктурой) целесообраз-

[5] «Те, кто был в самом пекле, особенно ценят спокойный труд» //Телеграм-канал «МУХИН» [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/AlekseyMukhin/10260 (дата обращения: 05.08.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

но встраивать в проекты по размещению в приоритетных зонах освоения. Такая конфигурация одновременно решает задачи социальной интеграции и закрепления кадров, снижает маятниковую мобильность, формирует устойчивый локальный спрос на товары и услуги, а также повышает плотность человеческого капитала вокруг производственных узлов.

Меры, ориентированные на поддержку ветеранов и их семей, в данном контексте могут стать элементом полицентричной модели расселения и инструментом поэтапного освоения малонаселённых территорий, конвертируя социальную политику в экономические и территориальные эффекты.

«НАЦИОНАЛЬНЫЕ СЛОБОДЫ»: СОВРЕМЕННОЕ РЕШЕНИЕ В ДУХЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Использование потенциала малых поселений на основе частного традиционного дома может иметь ещё одно измерение, соотносящееся с вектором актуальной политики Российской Федерации.

Опыт Российской империи показывает, что создание «национальных слобод» – территорий с особым статусом для иностранных специалистов – было действенным инструментом привлечения талантов со всего мира [2, с. 266–267]. Немцы, поляки, французы, армяне, греки, евреи находили в России не только убежище, но и условия для развития ремёсел, науки, медицины, торговли. Это сотрудничество приносило стране значительные плоды, укрепляло её экономику и культурное разнообразие.

Сегодня, когда во многих западных странах уровень радикальной либеральной повестки вызывает растущее раздражение даже среди людей умеренных взглядов, Россия может предложить альтернативу – пространство, свободное от идеологического давления. Создание современных «национальных слобод» – территорий, где иностранные специалисты могли бы жить, работать и развиваться в атмосфере уважения к их цивилизационным кодам, – стало бы не только гуманитарным жестом, но и прагматичным шагом.

Такая политика способна не только привлечь в страну квалифицированных людей, ищущих интеллектуальную и культурную свободу, но и снизить градус международной напряжённости. Диалог, построенный на реальных интересах и уважении,

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

гораздо эффективнее любых санкций и лозунгов. Россия, как и прежде, может стать пространством созидания – такого, где ценят труд, знания и желание внести вклад в общее дело[6].

Комфортно адаптироваться на новом месте можно благодаря наличию единомышленников, единоверцев, выходцев из одной социальной среды. Помимо этого, важно вести качественную разъяснительную информационную кампанию о преимуществах переезда в Россию, которая пока ведётся разрозненно отдельными лидерами мнений и требует систематизации и улучшения. Информационные ресурсы, государственная поддержка и программы интеграции должны быть прозрачными и доступными, чтобы привлечь как можно больше заинтересованных участников. Очевидны плюсы качественной реализации данного проекта для улучшения имиджа России на международной арене, в первую очередь среди населения недружественных стран.

Если будет сформировано достаточное количество носителей позитивного представления о нашей стране из числа граждан этих государств, они смогут стать влиятельной силой воздействия на общественное мнение в своей «материнской» среде, так как всё равно будут делиться мнениями со своими родственниками и знакомыми как в личном общении, так и посредством социальных сетей. Этот процесс будет развиваться небыстро, но даст очень долгосрочный и устойчивый результат в плане формирования представления о России как о развитой, цивилизованной стране, дружелюбно настроенной ко всем народам без исключения. Привлечение новых граждан нашей страны обязательно должно быть комплексно разъяснено местному населению и позиционироваться не в парадигме конкуренции, а через нашу общность на платформе традиционных ценностей, полноценные условия для воплощения которой в реальной жизни существуют именно в Русском мире.

Таким образом, разработка и внедрение концепции «национальных слобод», адаптированной под современные реалии, может стать действенным инструментом развития сельских территорий нашей страны.

Государственная и общественная работа по привлечению граждан западных стран позволит не только оживить россий-

[6]Указ Президента Российской Федерации от 19.08.2024 №702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51035 (дата обращения: 25.09.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

скую глубинку, но и создать прочные международные связи, а также изменить образ миграционной политики в лучшую сторону за счёт демонстрации её многовекторности.

Указ Президента РФ №702 открывает новые перспективы, а исторический опыт показывает, что грамотный подход к интеграции иностранных специалистов способен приносить значительные плоды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, стоит задаться вопросом: что, если «мягкая сила» – это не только балет, Ф. М. Достоевский и выдающиеся спортсмены? что, если «мягкая сила» может пахнуть деревом, быть на 200 м², собираться за две недели и стоять посреди леса в Сербии, Турции или Монголии?

Представим, что Россия выходит на мировой рынок с новой амбициозной идеей – экспорт частных домов. Тут дело не просто в архитектуре или в экспорте русской культуры, а в трансляции готовой модели жизни. Модульные или каркасные дома, собранные по современным технологиям, энергоэффективные, экологичные и при этом со вписанным культурным кодом – идеей *жить в своём доме, на земле, в тишине, рядом с природой*.

Эту концепцию можно рассматривать как полноценный нарратив. Такой дом предлагает не только крышу над головой, но и философию:

– жить автономно;

– быть ближе к корням;

– строить своими руками или с участием небольшой артели, а не огромной корпорации;

– верить в тепло – в прямом и метафорическом смысле.

В мире, уставшем от бетонных муравейников и тревожного города, русский традиционный дом может стать синонимом нового типа комфорта – устойчивого, приватного, недорогого. Это экспорт не просто квадратных метров, а образа жизни. Как скандинавский дизайн стал синонимом упорядоченности и светлого уюта, так и «русский дом» может стать брендом: тепло, дерево, простота, тишина.

Это могут быть и тёплые каркасные, и бетонные минималистичные дома с панорамными окнами, и модули, готовые к установке за считанные дни. Главное – это сочетание доступ-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ности, современного дизайна и высокого качества жизни при умеренных затратах.

Такой проект создаёт возможность разрушить типичные стереотипы о сельской жизни про бедность и выживание и, наоборот, показать, что загородная жизнь – это про выбор и стиль. Это может быть небольшое жильё в живописной местности, дом для удалённой работы или семейной жизни вдали от мегаполиса. Он может быть традиционным или ультрасовременным, с печкой или с умной системой управления климатом, но в любом случае он несёт с собой идею семьи, уюта, связи с землей и людьми.

Экспортируя такие дома, Россия может мягко, но уверенно предлагать не просто строительный продукт, а ценностную модель жизни – вне шума мегаполисов, вне гонки потребления, ближе к природе, семье и традиционному укладу. Это альтернатива урбанистической лихорадке и новый тип современного благополучия.

Именно в этом сила идеи – дом становится точкой притяжения для тех, кто ищет не просто жильё, но способ жить по-другому. А значит, это не просто экспорт технологии – это экспорт культуры и образа будущего.

Подводя итоги, важно отметить, что интегративный потенциал традиционного дома подчёркивает необходимость корректировки пространственной модели развития России в сторону увеличения количества малых и средних поселений. Избыточная концентрация населения и капитала в крупных агломерациях ведёт к перегрузке социальной и транспортной инфраструктуры, росту издержек домохозяйств и непропорциональному освоению территории страны.

Сельская зона при этом сохраняет потенциал демографической устойчивости и социальной взаимопомощи, что подтверждается более благоприятными семейными практиками и опытом адаптации в кризисные периоды. Следовательно, новая траектория пространственного развития должна соединять городские преимущества доступа к рынкам и услугам с качествами сельского образа жизни и малоэтажной среды.

Предлагается также рассматривать заселение сельской местности как один из ключевых инструментов повышения рождаемости и решения многих стратегических задач России. Такой тип расселения повышает предсказуемость быта, укрепляет связи между поколениями, снижает маятниковую мобильность и фор-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

мирует локальный спрос на товары и услуги, что помогает развивать и регионы в целом и сельские территории в частности. Для отдельных социальных групп, включая ветеранов боевых действий, индивидуальный дом выступает фактором контроля над повседневной средой и мягкой реадаптации.

Важно также отметить, что, судя по тенденциям последних лет, в общественном сознании фиксируется сдвиг в сторону индивидуального сценария комфорта, что не только делает ставку на малоэтажное строительство выгодной государству, но и является ответом на зрелый запрос общества.

Практическая реализуемость проекта подтверждается наличием уже существующих технологических решений, масштабируемых в горизонте трёх-пяти лет. При этом транспортная компонента наиболее важна. Развитие высокоскоростных железных дорог с узлами пересадки и сетью местных линий позволит повысить мобильность населения и сочетать доступ к инфраструктуре крупных центров с проживанием в малых населённых пунктах.

Экономическая рациональность проявляется в мультипликативных эффектах. Новые поселения создают устойчивый локальный спрос, удерживают и привлекают кадры, диверсифицируют занятость и налоговую базу, а также снижают нагрузку на коммунальные системы.

Внешний контур дополняется культурной повесткой. Экспорт образа русского традиционного дома и форматы «национальных слобод» могут работать как инструменты «мягкой силы», что укрепит позиции России за рубежом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа // Крестьяноведение. 2024. Т. 9. №2. С. 153–179.
2. Кильдюшов О. В. Немецкая слобода как уникальный локус русской истории: к исторической социологии петровской модернизации // Русский инженер: II Всероссийский конгресс с международным участием (Москва, 30 октября – 1 ноября 2024 г.): сборник тезисов. М.: Издательство Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, 2024. С. 266–267.
3. Овчинцева Л. А. Новые селяне: мотивы и факторы переселения из города в сельскую местность // Вестник Российского уни-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

верситета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. №2. С. 296–310.

4. Покровский Н. Е., Никулин А. М. Происходит и будет происходить территориальное переформатирование сельских пространств // Крестьяноведение. 2023. Т. 8. №2. С. 140–158.
5. Чирич А. В. Рурализация как современный тренд развития сельских территорий //Агропанорама. 2022. №1. С. 34–39.
6. Шатило И. С. Аракчеевские военные поселения в контексте теории разоружения // Власть. 2016. №6. С. 202–209.
7. Bum Jin Park, Yuko Tsunetsugu, Tamami Kasetani, et al. The physiological effects of Shinrin-yoku (taking in the forest atmosphere or forest bathing): evidence from field experiments in 24 forests across Japan // Environmental Health and Preventive Medicine. 2010. №15. P. 18–26.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

ARTICLE INFORMATION

Authors

Maria S. Fil

- e-mail: m.s.viel@gmail.com,
  Assoc. Prof., Department of Russian Politics, Faculty of Political Science,
  Lomonosov Moscow State University
  Leninskie gory GSP-1, Moscow 119991, Russian Federation,
  Senior Researcher,
  Sevastopol State University
  ul. Universitetskaya 33, Republic of Crimea, Sevastopol 299053, Russian Federation

Semyon A. Kiselev

- e-mail: kslv.s@yandex.ru,
  External Postgraduate Student, Faculty of Political Science,
  Lomonosov Moscow State University
  Leninskie gory GSP-1, Moscow 119991, Russian Federation

Ivan S. Luchinin

- e-mail: iv.luchinin@gmail.com,
  Postgraduate Student, Faculty of Political Science,
  Lomonosov Moscow State University
  Leninskie gory GSP-1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Fil, M. S., Kiselev, S. A. & Luchinin, I. S. (2026). The Integrative Potential of the Traditional House Concept as an Element of Social Architecture. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify and analyse the social, organizational, and cultural-communicative functions of traditional housing that extend beyond its utilitarian purpose.

Methodology. The authors explore how the popularisation of traditional home concepts can influence collective identity, the transmission of cultural codes, and the strengthening of national unity using an interdisciplinary approach.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Results. In the research, the concept of the traditional home as an element of social architecture with significant integrative potential is examined. The importance of this study stems from the search for models of sustainable development and social cohesion in the context of globalization and the atomization of society. According to the authors, the traditional home can act as a micromodel of sociocultural order, ensuring both continuity and adaptation to change.

Research implications. The results of this study can be applied in contemporary urban planning and the development of social projects aimed at the development of Russian regions.

Keywords

social architecture, traditional house, regional policy, traditional values, soft power

Acknowledgements

This research was conducted as part of a state assignment supported by Sevastopol State University, project "Designing the Social Architecture of Russia's Future: Images and Scenarios" (registration no. 1025031000058-9-5.6.1).

References

1. Kartseva, M. A., Mkrtchyan, N. V. & Florinskaya, Yu. F. (2024). Rural-Urban Migration in Modern Russia Through the Prism of Quantitative and Qualitative Analysis. In: *Russian Peasant Studies*, 9 (2), 153–179 (in Russ.).
2. Kildyushov, O. V. (2024). The German Settlement as a Unique Locus of Russian History: Towards the Historical Sociology of Peter the Great's Modernization. In: *Russian Engineer: II All-Russian Congress with International Participation (Moscow, October 30 – November 1, 2024)*. Moscow: Bauman Moscow State Technical University publ., pp. 266–267 (in Russ.).
3. Ovchintseva, L. A. (2021). New Villagers: Motives and Factors of Resettlement from the City to the Countryside. In: *RUDN Journal of Sociology*, 21 (2), 296–310 (in Russ.).
4. Pokrovsky, N. E. & Nikulin, A. M. (2023). Territorial Reformatting of Rural Spaces is Going on and Will Continue. In: *Russian Peasant Studies*, 8 (2), 140–158 (in Russ.).
5. Chirich, A. V. (2022). Ruralization as a Modern Trend in the Development of Rural Territories. In: *Agropanorama*, 1, 34–39 (in Russ.).

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

6. Shatilo, I. S. (2016). Arakcheev Military Settlements in the Context of Disarmament Theory. In: *Authority*, 6, 202–209 (in Russ.).

7. Bum Jin Park, Yuko Tsunetsugu, Tamami Kasetani, et al. (2010). The Physiological Effects of Shinrin-Yoku (Taking in the Forest Atmosphere or Forest Bathing): Evidence from Field Experiments in 24 Forests Across Japan. In: *Environmental Health and Preventive Medicine*, 15, 18–26.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Филь М. С., Киселёв С. А., Лучинин И. С., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

УДК 32.019.52

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ТРАГЕДИИ В РОССИЙСКОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ: НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЙ 2018–2024 ГГ.

Чернопятова Софья Александровна

- e-mail: sofya.chernopyatova@yandex.ru;
  аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии
  Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
  119991, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1, Российская Федерация

Для цитирования

Чернопятова С. А. Коллективные трагедии в российском массовом сознании: на примере событий 2018–2024 гг. // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 10.10.2025
- Статья размещена на сайте 06.05.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация
Ключевые слова
Введение
Теоретические основания и модель исследования
Результаты анализа ответов респондентов, полученных с помощью эмпирического исследования
Заключение
Литература
Article information

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Чернопятова С. А., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить особенности восприятия коллективных трагедий, произошедших в России в период с 2018 по 2024 гг., а также определить их роль в формировании коллективной идентичности.

Процедура и методы. В рамках работы над заявленной темой были проведены фокус-группы, респонденты которых были разделены по поколенческому принципу. Были сделаны выводы, что рассматриваемые события (пожар в ТРЦ «Зимняя вишня», пандемия коронавируса и начало Специальной военной операции), которые можно назвать «потенциально травмирующими», оставили отпечаток в сознании разных возрастных групп.

Результаты. Удалось выяснить, что для граждан средней возрастной категории характерна наибольшая рефлексия трёх рассматриваемых событий – им принадлежали наиболее полные и развёрнутые ответы, кроме того, большую роль в формировании представлений опрошенных играет политический лидер. Респондентам из молодёжных фокус-групп принадлежали самые амбивалентные ответы – несмотря на то, что названные события они, судя по ответам, помнят достаточно чётко, единой оценки не присутствует. Ответы группы пенсионеров могут свидетельствовать о размытых представлениях о событиях 2018–2024 гг. В то же время можно отметить, что в своих комментариях опрошенные опирались на исторические параллели, что может означать, что социально важные для них события остаются в прошлом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сформулировано предположение, что травма является одним из значимых феноменов, влияющих на формирование представлений о стране, о власти, о лидерах, а также одним из элементов конструирования национально-государственной идентичности. Это означает, что процесс травматизации памяти заслуживает отдельного внимания в рамках политических исследований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

идентичность, образ, политическое восприятие, трагедия, травма, травматизация памяти, триумф

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чернопятова С. А., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие Россия столкнулась с целым рядом вызовов и угроз, которые повлияли на представления её граждан о разных политических процессах, происходящих в стране и в мире. Отдельная категория среди таковых – коллективные трагедии. Полученные в результате трагедий травмы обладают потенциалом укрепления национально-государственной идентичности, а также консолидации общества вокруг определённого события. Стоит также отметить, что именно события прошлого закладываются в оценки событий настоящего или даже будущего. В последние годы в России преобладают механизмы «ренессансного» конструирования образа будущего [8, с. 254]. Это означает, что жители страны на вопрос «Что ждёт наше государство?» склонны искать ответы в прошлом, сопоставляя происходящее с яркими (подчас шокирующими) эпизодами из истории.

Травму можно определить как «коллективный феномен, состояние, переживаемое группой, общностью, обществом в результате разрушительных событий» [11, с. 6–16]. Сегодня в условиях постоянно меняющегося мира коллективная травма становится одним из атрибутов, определяющих социальную группу. Речь может идти как об относительно давних событиях (например, о Холокосте в западном научном дискурсе или о Великой Отечественной войне – в российском), так и о современных. Поэтому изучение феномена постоянно продолжается и не теряет своей актуальности.

Целью настоящего исследования выступает выявление особенностей восприятия коллективных трагедий, произошедших в России в период с 2018 по 2024 гг., а также определение их роли в формировании коллективной идентичности.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

За основу модели представленного далее исследования было взято утверждение, согласно которому: 1) коллективные трагедии являются важной частью конструирования образов прошлого; 2) как следствие – они оказывают значительное влияние на формирование идентичности, в том числе – национально-государственной. Анализируя, каким образом опыт пережитой травмы влияет на ценностные ориентации, на понимание дихотомии «свой – чужой», на представления о без-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Чернопятова С. А., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

опасности, можно сделать вывод, как меняется «условный коллектив».

Коллективные травмы на сегодняшний момент активно исследуются в отечественном научном поле, в первую очередь – как часть проблематики исторической политики. Среди российских авторов можно упомянуть Д. А. Аникина [2]. Он также отмечает наличие другого социально-психологического явления – политически триумфального события: трагедия может трансформироваться в триумф или лежать в его основе. Так, например, большинство россиян считают самым «чёрным» эпизодом в истории России Великую Отечественную войну. И в то же время абсолютно уверены, что главный наш триумф – это Победа над нацисткой Германией.

Травмирующее событие очень часто становится таковым при наличии условных «рассказчиков» – коллектива, который не просто пережил шокирующий опыт, но и готов транслировать то, что с ним произошло [6, с. 169–176]. Например, известно, что Холокост стал величайшей трагедией мирового масштаба во многом благодаря сообщению об этом еврейских общин в США [1, с. 5–40]. Во многом именно наличие «пересказанного опыта» влияет на формирование идентичности «мемориального» характера [9, с. 7–12], когда представления об условных «мы» формируются на основании событий прошлого. Долгие годы основным событием прошлого оставалась Великая Отечественная война и, в частности, Победа над нацисткой Германией (основа конструирования идентичности – гордость за поколение победителей). Однако нельзя отрицать, что таким потенциалом обладают и иные эпизоды из истории России. Несмотря на то, что многие исследователи отмечают, что трагедия-травма может привести к слому социальных ориентиров и идеалов [10, с. 5–45], нельзя отрицать, что она же может стать мощнейшим инструментом консолидации общества на основании пережитого опыта [10, с. 5–45].

Достаточно большой процент авторов, работающих с темой политики памяти, акцентируют внимание на том, что оценка одних и тех же явлений может отличаться в разных возрастных группах [4]. Помимо этого, трансформируется и понимание каких-либо социально-психологических категорий (оценки материальных благ, ощущения принадлежности к определённым группам и т. д. [5]). Как следствие – при анализе критических ситуаций, катастроф также необходимо обращать внимание на

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Чернопятова С. А., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

то, кто из граждан, какая именно возрастная категория наиболее сильно рефлексирует по поводу произошедшего.

Наконец, необходимо отметить роль исторических параллелей в контексте изучения травматизации памяти. Можно сказать, что оно носит две принципиально важные функции. Первая (уже была упомянута) – это формирование национально-государственной идентичности. Сравнивая текущие события с прошлыми, люди могут почувствовать себя частью более крупной исторической общности, разделяющей общие ценности и судьбу. Например, во время конфликтов и политических кризисов представители больших социальных групп часто вспоминают важные исторические события, объединяющие её представителей и мобилизующие её на борьбу, на действия и т. п. Вторая функция – прогностическая. Анализируя причины и последствия прошлых событий, люди пытаются предвидеть развитие текущей ситуации и подготовиться к возможным будущим угрозам. В то же время прошлые события могут давать и позитивный исход.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическая работа, проведённая в первой половине 2024 г., представляла собой исследование восьми фокус-групп, дифференцированных по принадлежности респондентов к возрастным категориям 18–35, 36–55 и старше 56 лет. Исследование проводилось в столице и Московской области, выборка была сбалансирована по полу и возрасту. В качестве кейсов для исследования было принято решение выбрать события последних шести лет, 2018–2024 гг. Во-первых, была предпринята попытка рассмотреть, каким образом россияне восприняли более поздние трагические происшествия, не описанные в трудах других авторов. Во-вторых, исследование должно было включать события принципиально разных уровней. Таковые удалось также найти в упомянутом временном периоде – пожар в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня», начало российско-украинского конфликта и пандемия коронавируса. Эти события так или иначе затрагивают культурный слой травмы, поскольку являются экстраординарными событиями, приведшими к пересмотру жизненных ориентиров. Основным

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чернопятова С. А., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

содержанием данного этапа стала попытка проанализировать поколенческий фактор в оценке травмирующих событий.

Результаты фокус-группового исследования, участие в котором приняли *лица от 18 до 35 лет*, представляют интерес с той точки зрения, что многие из участников исследования, попадающие в конкретную выборку, не застали трагических событий «нулевых» годов[1]. С одной стороны, безусловно, молодые люди знают о катастрофах прошлого со слов своих близких, преподавателей и иных лиц, участвовавших в их социализации. Более того, некоторые из респондентов в конце беседы упоминали, что считают главными трагедиями России захват школы в Беслане, теракты в московском метро, конфликт в Южной Осетии[2]. В то же время таких ответов было немного.

Большинство участников фокус-групп говорили о том, что современные события вызывают у них смешанные чувства[3]. Наиболее неоднозначные оценки у опрашиваемых вызывало всё, что было связано с 24 февраля 2022 г. При этом в рамках исследования выяснилось, что молодёжь испытывает сожаление по отношению к жителям Донбасса на личностном уровне. Один из участников отметил: «*Испытываю сожаление на уровне семей, людей, но не в региональном аспекте*» (муж., 18 лет).

Когда в рамках беседы заходила речь о начале Спецоперации, оценки участников становились амбивалентными. «*Было очень страшно… Сейчас я думаю, что у России есть план, который должен привести к успешному разрушению конфликта, об этом говорят уверенные высказывания Президента*» (жен., 18 лет), – заявила одна из респондентов. Причём другой участник этой же беседы отметил, что «*сейчас я get used to it. Но это не умаляет трагичности*» (жен., 24 года).

Всё это может свидетельствовать о том, что начало Спецоперации в сознании молодёжи оставило весомый отпечаток, однако пока рано судить, насколько глубинно его влияние. В подтверждение данного суждения говорит хотя бы тот факт,

[1] Например, в одной из фокус-групп было как минимум два респондента, не знавших, что такое «Норд-Ост», в другой – один.

[2] Последние два события, очевидно, уже относятся к первичной социализации респондентов и могли являться «закрепившимися» политическими воспоминаниями из детства.

[3] Одним из самых поразительных ответов на вопрос из завершающего блока стало заявление респондента о том, что он считает трагическим событием вагнеровский мятеж. Комментировать причину такого решения респондент отказался, а ещё – назвал только дату, без упоминания Е. Пригожина и иных действующих лиц.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чернопятова С. А., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

что некоторые из респондентов замечали, что теперь «*понимают, зачем это всё нужно было*». Вполне возможно, что со временем число таких оценок в сознании российской молодёжи будет ещё больше.

Что же касается пандемии COVID-19, она практически не закрепилась в сознании рассматриваемой возрастной группы. В блоке вопросов про пандемию ответы были односложными, а когда участников просили назвать хотя бы ключевые фигуры тех событий, то звучало имя Президента, иногда – премьера М. В. Мишустина. Некоторые респонденты упоминали «врача из Коммунарки» Д. Н. Проценко, но при этом не могли вспомнить его имени.

Работа с кейсом «Зимней вишни» показала, что акцент в восприятии событий у молодёжи смещён в сторону гнева, обличения и поиска виноватых. Но в то же время нельзя сказать, что возрастная группа воспринимает это событие как трагедию. В ответах респондентов встречается очень много констатации фактов. Когда же речь заходила о том, как политик, лидер должен проявить себя в подобных ситуациях, молодёжь упоминала, что руководитель должен как соблюсти некие «социальные ритуалы» (выразить соболезнования близким, прибыть на место трагедии), так и принять крайне решительные действия.

События, связанные с «Зимней вишней», респонденты *средней возрастной группы* помнят достаточно подробно и отчётливо. Люди, участвовавшие в проведении фокус-групп, вспоминали, как видели новостные репортажи, транслируемые на телеканалах, а также смотрели короткие и срочные сводки в социальных сетях и на поисковых платформах[4]. Один из респондентов также заявил, что отчётливо помнит, что пожар произошёл в выходной день (что действительно правда – трагедия 25 марта выпала на воскресенье[5]).

В словах опрашиваемых часто звучали сожаление или скорбь по поводу гибели посетителей торгового центра («*Весь интернет и телеканалы освещали данную трагедию. Очень страшно и жалко людей, особенно детей*»). Женщины чаще акцентиро-

[4] Случай с «Зимней вишней» любопытен ещё в том плане, что респонденты чаще упоминали телевидение как основной источник информации. В случае с другими примерами в ответах чаще фигурировали социальные сети и интернет.

[5] Хроника трагедии в Кемерово // Коммерсант: [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3592662 (дата обращения: 19.04.2024).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чернопятова С. А., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

вали внимание именно на жертвах среди последних: в обеих группах участницы смогли вспомнить об эпизодах, связанных с кинозалом[6] (что не удалось никому из респондентов более молодой возрастной категории).

Пандемия снова отпечаталась в сознании респондентов весьма размыто. Принадлежащие к группе 36–55 лет отмечали, что COVID-19 унёс много жизней, что само по себе является трагедией. Вспоминали о вакцинации и «ковидных паспортах». Рассказывали личные истории о дистанционном обучении (пример приводила женщина – педагог по профессии) и т. д. Таким образом, несмотря на все слова о «кошмаре», который пришлось пережить во время распространения заболевания, нельзя сказать, что понимание того периода как коллективной трагедии[7] у этой части населения сложилось как таковое.

Самое важное – это то, что никто из участников фокус-групп не отрицал того факта, что государство принимало активное участие в борьбе с COVID-19. Правда, оценки результатов этой работы у респондентов были смешанные. В то время как одни отмечали, что «*власти активно работали с этой проблемой. Разрабатывалось несколько видов вакцин одновременно*», другие утверждали, что государство устроило над своим населением чуть ли не «*медицинский эксперимент*». Отсутствие консолидации и единого мнения по вопросу восприятия одних и тех же эпизодов может указывать на отсутствие процесса травматизации памяти в этом направлении.

Любопытно, но именно средняя возрастная группа назвала наибольшее количество «действующих лиц» карантинного периода. Среди людей, принимающих наиболее важные решения во время пандемии, по мнению опрошенных, находятся М. В. Мишустин, Д. Н. Проценко, М. А. Мурашко. Стоит также отметить, что респонденты в этом случае практически не говорили о роли Президента в решении накопившихся проблем «пандемийного характера», но, когда респондентам был задан уточняющий вопрос «А как в этой ситуации повёл себя Президент?», многие отметили, что он постоянно был в курсе ситуации, являлся, по сути, координатором *«всех действий Правительства и региональных чиновников»* (жен., 42 года) – следователь-

[6] См., например: При пожаре в кинотеатре в ТЦ в Кемерово погибли четыре ребёнка. Их тела найдены прямо в кинозале // MASH: [сайт]. URL: https://t.me/mash/4671 (дата обращения: 19.04.2024).

[7] Речь идёт о тех же результатах исследования, перенесённых на генеральную совокупность.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чернопятова С. А., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

но, образ лидера в данном контексте у респондентов формировался позитивный, но сам собой разумеющийся.

В блоке, связанном с событиями Специальной военной операции, респонденты данной возрастной группы чаще акцентировали внимание именно на том, что они разделяют скорбь жителей Донбасса, ждавших освобождения на протяжении 8 лет. Среди реплик, которые в наибольшей степени отразили суть восприятия этого момента, можно выделить следующую: «*Трагедия всегда плохо, вне зависимости от местожительства. Нужно быть милосердным ко всем*» (муж., 51 год). Что же касается восприятия событий 24 февраля 2022 г., участники исследования заявляли как о том, что испытывали чувство смятения в момент начала СВО[8], так и о том, что они сразу подумали о победе России.

Упомянутые события в сознании респондентов данной возрастной группы тесно связаны с образом лидера. Упоминания Президента встречались в практически 30% случаев, даже в первых, вводных вопросах блока, где речь про политиков не шла. Небольшое количество участников рассматриваемых групп заявили о крайне личностном отношении к главе государства и современному политическому курсу страны («*Помню обращения Президента, чувствовала и страх, и гордость за Президента за такое решение*» (жен, 54 года – о событиях 24 февраля 2022 г.). Это может означать, что образ лидера применительно к данному кейсу в сознании упомянутых участников групп сложился наиболее чётко и многопланово.

Относительно конкретного вопроса «Как лидер должен вести себя в подобной ситуации?» большинство респондентов 36–55 лет отмечали, что понимают, почему Президент принял такое решение и что далось оно ему нелегко. Кроме того, во время анализа результатов было замечено, что участники исследования называют те требования и качества, о которых речь идёт и в исследованиях идеального образа российского лидера [7, с. 24–37]. Респонденты говорили о том, что Президент должен принимать обдуманные, смелые решения и при этом не ориентироваться на то, что говорят другие международные игроки. Таким образом, в сознании россиян среднего

[8] Часть респондентов при этом добавляла, что сегодня понимает цели и задачи, которые пытается достигнуть государство: *«Сейчас более-менее понятна политика Президента, Правительства... Пришло понимание, для чего всё это и что нужно обязательно довести начатое до логического конца»*.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чернопятова С. А., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

возраста СВО укрепило веру в сильного лидера с конкретными паттернами поведения[9].

Специфику восприятия травмирующих событий у *пожилых людей* оказалось выяснить весьма проблематично: ответы участников этих групп были куда проще, в некоторых случаях – вопрос вообще мог остаться без комментария от некоторых респондентов, потому что те «*не знали, что сказать*». Тем не менее представить общую картину после анализа результатов всё же возможно.

Стоит отметить, что у респондентов из данной возрастной группы сильно отличалось понимание коллектива. Участники фокус-групп подразумевали под этим словом в первую очередь группу лиц, объединённых по принципу работы. В двух предыдущих возрастных категориях это понимание чаще всего было связано с большими общностями. Это может свидетельствовать о том, что в группе пожилых на восприятии сказывается социальный опыт прошлого.

Оценка трагических событий в Кемерово в целом схожа с теми, что дали представители средней возрастной группы. Однако в этом случае не все респонденты в принципе смогли вспомнить, о каком пожаре идёт речь. Подробности про погибших детей, кинозал и последующее расследование также были опущены.

Просьба поделиться воспоминаниями о периоде пандемии у лиц старше 56 лет вызывала наибольший эмоциональный отклик. В частности, респонденты рассказывали о своём опыте, о том, как они переживали изоляцию, о том, какая обстановка была в «красной зоне». Однако основных лиц, внёсших свой вклад в борьбу с COVID-19, назвать не смогли. Единственное, некоторые участники беседы отмечали, что считают героями тех лет простых врачей и медсестёр[10]. Ещё одно яркое воспоминание (его озвучила одна из респонденток, и группа её поддержала) связано с постоянной публикацией статистики заболеваемости и смертности: «*Я в телефон боялась даже захо-*

[9] Один из респондентов заявил, что полностью поддерживает действия нашего Президента, добавив, что тот сделал то, что должен был. На вопрос «А что конкретно?» он ответил следующим образом: *«Конечно, встать на защиту российских граждан. Несмотря на то, на какой территории они проживают».*

[10] Однако были и иные ситуации. Респондент – женщина 65 лет – оказалась в больнице из-за заражения коронавирусной инфекцией. Отмечала полное безразличие к людям: *«Только приходили каждые два часа: я – врач такой-то, я врач – такой-то. Только и менялись. Выживали сами».*

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чернопятова С. А., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

дить, смотреть, сколько человек заразилось ещё» (жен., 67 лет). Рассказы о собственном опыте, без упоминаний каких-то глобальных процессов, по типу карантина или усиления роли онлайн-коммуникации могут свидетельствовать о том, что для пожилых людей пандемия стала трагедией, но не приобрела статуса «коллективного» – каждый из участников фокус-групп переживал этот опыт по-своему.

Блок ответов на вопросы, связанные со Спецоперацией, содержал в себе два принципиально важных момента. Во-первых, частично респонденты выстраивали параллели с Великой Отечественной войной, во-вторых, в их ответах часто упоминалась фигура Президента В. В. Путина. Отношение к образу последнего было скорее позитивным: несмотря на то, что несколько респондентов говорили, что не понимают, зачем «*было всё это начинать*», остальные отмечали, что «*Президент не хотел того же, что в Сирии, и не нам судить, что там решалось»* (муж., 69 лет). Следовательно, образ лидера, формируемый в сознании респондентов из данной социальной группы, строится на стереотипах, на параллелях, на архетипичном представлении [3, с. 38–47] о том, как и что должен делать представитель власти в таких ситуациях. Следовательно, у пожилой группы респондентов восприятие как политиков, так и трагедий последних шести лет наиболее размытое.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная Россия ввиду происходящих мировых изменений очевидно столкнулась с трансформацией представлений о власти, о стране, о ценностях. Но нельзя отрицать, что травмирующие события 2018–2024 гг. сыграли свою роль в этих процессах. Это означает, что в обществе сохраняется запрос на «сильные и решительные» действия со стороны властей, о которых упоминали респонденты различных возрастных категорий. Кроме того, нельзя отрицать, что рассмотренные события могут стать основой для формирования национально-государственной идентичности.

В заключении можно отметить, что получившаяся картина результатов достаточно сильно различается в зависимости от возраста участников фокус-групповых интервью. Три эпизода: пожар в ТРЦ «Зимняя вишня», пандемия коронавируса и события, связанные с украинским конфликтом, – оказали наиболь-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чернопятова С. А., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

шее влияние на восприятие молодёжной категории респондентов. В то же время именно у этих респондентов ответы вышли наиболее амбивалентными. В случае со второй возрастной категорией можно отметить особую оптику по отношению к страданиям определённых категорий людей (будь то гибель детей в Кемерово или солидарность с жителями новых территорий). В сознании участников исследования из диапазона в 36–55 лет присутствуют другие трагические события, оказавшие большее влияние на их восприятие. Однако три названных эпизода из новейшей истории России также закрепились на рациональном уровне. Наконец, эти же события практически не повлияли на опрошенных из последней, пожилой возрастной группы. Это может означать то, что на протяжении их жизни происходили более знаковые травмирующие события, которые и закрепились в их сознании. Всё это может свидетельствовать о том, что для каждой возрастной группы может существовать своё понимание трагических событий, которое определяет их восприятие на многие годы вперёд.

Очевидно, что процесс травматизации памяти заслуживает отдельного внимания в рамках политических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александер Д., Куракин Д. Ю. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. №3. С. 5–40.
2. Аникин Д. А. Травматизация исторической памяти: Европейский проект vs национальный дискурс [Электронный ресурс] // Studia Humanitatis. 2019. №4. URL: https://st-hum.ru/content/anikin-da-travmatizaciya-istoricheskoy-pamyati-evropeyskiy-proekt-vs-nacionalnyy-diskurs (дата обращения: 29.03.2026).
3. Веселов Ю. А. Архетипы власти // Социум и власть. 2023. №2. С. 38–47.
4. Зубко Д. В., Клюев Ю. В. Теория поколений в фокусе ценностей: к вопросу целесообразности применения поколенческой концепции при стратегическом планировании [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. №3. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/02SCSK322.pdf (дата обращения: 29.01.2026).
5. Касьянов В. В., Самыгина Л. В., Чупрынников С. А. Историческая память современной российской молодежи: особенности формирования и роль в системе патриотического воспитания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чернопятова С. А., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2022. №3. С. 26–31.

6. Разумовская Т. А. Диалоги с болью: теория и практика катастрофы (рецензия на книгу: Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 936 с.) // Социологический журнал. 2010. №3. С. 169–176.
7. Рогач Н. Н. Образ идеального президента в современной России: социально-демографическое измерение // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. №4. С. 24–37.
8. Смулькина Н. В., Усманова З. Р. Актуализация образов прошлого в представлениях граждан о будущем России // Политическая наука. 2023. №2. С. 254–272.
9. Титов В. В. Конструирование национально-государственной идентичности в XX веке: анализ советского опыта // Информационные войны. 2016. №2. С. 7–12.
10. Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 936 с.
11. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социс. 2001. №1. С. 6–11.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Чернопятова С. А., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

ARTICLE INFORMATION

Author

Sofia A. Chernopyatova

- e-mail: sofya.chernopyatova@yandex.ru,
  Postgraduate student, Department of History and Theory of Politics,
  Faculty of Political Sciences,
  Lomonosov Moscow State University
  Leninskie gory GSP-1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Chernopyatova, S. A. (2026). Collective Trauma in Russian Mass Consciousness: Case Study of Events From 2018 to 2024. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. *To analyse the peculiarities of the perception of collective trauma that occurred in Russia in the period from 2018 to 2024, as well as to determine its role in the formation of collective identity.*

Methodology. *As part of the work on the stated topic, focus groups were conducted, the respondents of which were divided according to the generational principle – it was concluded that the events under consideration (the fire in the "Zimnyaya vishnya" shopping center, the coronavirus pandemic, and the beginning of a special military operation), which can be called "potentially traumatic," left an imprint in the minds of different age groups.*

Results. *It was found out that the citizens of the middle age category are characterized by the greatest reflection of the three events under consideration - they had the most complete and detailed answers, in addition, the role of a political leader plays an important role in shaping the perceptions of the respondents. The respondents from the youth focus groups had the most ambivalent answers; despite the fact that, judging by the answers, they remember these events quite clearly, there is no single assessment; the answers of the group of pensioners may indicate vague ideas about the events of 2018-2024. At the same time, it can be noted that in their comments, the respondents relied on historical parallels, which may mean that socially important events for them remain in the past.*

Research implications. *The assumption is formulated that trauma is one of the significant phenomena influencing the formation of ideas about the country, about*

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чернопятова С. А., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

power, about leaders, as well as one of the elements of the construction of national and state identity. This means that the process of memory traumatization deserves special attention in the framework of political research.

Keywords

identity, image, political perception, tragedy, trauma, traumatization of memory, triumph

References

1. Alexander, D. & Kurakin, D. Yu. (2012). Cultural Trauma and Collective Identity. In: *Sociological Journal*, 3, 5–40 (in Russ.).
2. Anikin, D. A. (2019). Traumatization of Historical Memory: The European Project vs. National Discourse. In: *Studia Humanitatis*, 4. URL: https://st-hum.ru/content/anikin-da-travmatizaciya-istoricheskoy-pamyati-evropeyskiy-proekt-vs-nacionalnyy-diskurs (accessed: 29.03.2026) (in Russ.).
3. Veselov, Yu. A. (2023). Archetypes of Power. In: *Society and Power*, 2, 38–47 (in Russ.).
4. Zubko, D. V. & Klyuev, Yu. V. (2022). Theory of Generations in Focus on Values: On the Expediency of Applying the Generational Concept in Strategic Planning. In: *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 13 (3). URL: https://sfk-mn.ru/PDF/02SCSK322.pdf (accessed: 29.01.2026) (in Russ.).
5. Kasyanov, V. V., Samygina, L. V. & Chuprynnikov, S. A. (2022). Historical Memory of Modern Russian Youth: Features of Formation and Role in the System of Patriotic Education. In: *Humanities, Social-Economic and Social Sciences. Series: Historical Sciences. Cultural Studies. Political Sciences*, 3, 26–31 (in Russ.).
6. Razumovskaya, T. A. (2010). Dialogues with Pain: Theory and Practice of Disaster (Book Review: Trauma: Points: A Collection of Articles / comp. by S. Ushakin, E. Trubina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2009. 936 p.). In: *Sociological Journal*, 3, 169–176 (in Russ.).
7. Rogach, N. N. (2020). The Image of the Ideal President in Modern Russia: A Socio-Demographic Dimension. In: *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science,* 4, 24–37 (in Russ.).
8. Smulkina, N. V. & Usmanova, Z. R. (2023). Actualization of Images of the Past in Citizens' Views of Russia's Future. In: *Political Science*, 2, 254–272 (in Russ.).
9. Titov, V. V. (2016). Construction of National-State Identity in the Twentieth Century: An Analysis of Soviet Experience. In: *Information Wars*, 2, 7–12 (in Russ.).

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Чернопятова С. А., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

10. Ushakin, S. & Trubina, E., comps. (2009). *Trauma: Basic Provisions: A Collection of Articles.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ. (in Russ.).

11. Shtompka, P. (2001). Social Change as Trauma (Article One). In: *Socis. Sociological Studies*, 1, 6–11 (in Russ.).

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Чернопятова С. А., Российский социально-гуманитарный журнал. 2026

УДК 324

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МИРОВЫХ ПРАКТИК НАБЛЮДЕНИЯ И КОНТРОЛЯ ЗА ВЫБОРАМИ

Парамонова Ольга Владимировна

- e-mail: o.paramonova2025@yandex.ru;
  независимый исследователь,
  г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования

Парамонова О. В. Сравнительный анализ мировых практик наблюдения и контроля за выборами // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 26.12.2025
- Статья размещена на сайте 23.06.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация
Ключевые слова
Введение
Теоретический обзор
Результаты сравнительного анализа
Заключение
Литература
Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Исследование направлено на выявление актуальных тенденций и ключевых моделей организации систем наблюдения и контроля над выборами в различных странах мира на основе сравнительного анализа актуальных страновых кейсов, электорального законодательства и практики.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Парамонова О. В., 2026

Процедура и методы. Работа базируется на сравнительном анализе и кейс-стади. Сравнительный анализ основывается на материалах последних избирательных кампаний, состоявшихся в 2023–2025 гг. в группе стран (Австрия, Германия, Казахстан, Молдавия, Хорватия, Франция, ЮАР). Эмпирическую базу составили нормативно-правовые акты, официальные документы избирательных органов, аналитические доклады и материалы средств массовой информации.

Результаты. В ходе исследования выделены три модели организации наблюдения за выборами в мире: модель «институционального отсутствия», модель «функционального замещения» и модель «институционального присутствия». Установлено, что активное развитие получают крайне результативные комплексные формы наблюдения, сочетающие национальные и международные механизмы, а также цифровые технологии электорального контроля.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты углубляют понимание текущих мировых трендов в сфере электорального контроля, а также определяют систему наблюдения за выборами как элемента политического управления и позволяют систематизировать страновые практики. Выводы исследования могут быть использованы в дальнейших сравнительных исследованиях, а также при разработке рекомендаций для национальных избирательных органов и вовлечённых институтов гражданского общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

выборы, наблюдение за выборами, электоральный контроль, избирательный процесс, сравнительный анализ, наблюдатели, общественное наблюдение, международное наблюдение, гражданское общество

ВВЕДЕНИЕ

Электоральные процессы остаются ключевым элементом политической динамики современных государств, который определяет как формальные параметры легитимации власти, так и устойчивость политических систем и характер организации внутриполитического пространства. В последние десятилетия интерес исследователей и практиков к системе наблюдения за выборами в различных странах мира, исследованию и всестороннему анализу существующих механизмов и технологий электорального контроля значительно возрос. Это связано с сохраняющейся ведущей ролью избирательных процессов в

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Парамонова О. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

политическом развитии, а также с институционализацией процедур выборного контроля, ставших частью полноценного политического инструментария внутри государств и на международной арене.

Наблюдение и контроль над выборами формируют сегодня отдельную сферу политического управления, где сочетаются административные, экспертные и коммуникативные механизмы. Их внедрение и развитие отражает стремление к совершенствованию избирательных процедур и потребность в решении текущих задач. В разных странах данные механизмы выстраиваются различным образом, что является прямым следствием отличий избирательных и политических систем, особенностей складывания выборных институтов, устоявшегося характера взаимодействия основных участников избирательного процесса, а также специфики избирательного законодательства и конкретной электоральной практики. Нельзя недооценивать значение политической и правовой культуры избирателей, гражданские настроения и общие направления развития общественных настроений. Таким образом, формированию устойчивой модели наблюдения за выборами на национальном уровне способствуют множество политических, правовых и социокультурных факторов, а также актуальная общественно-политическая обстановка.

Анализ систем наблюдения за выборами демонстрирует разнообразие подходов в части организационно-правовых форм и механизмов наблюдения. Важным аспектом остаётся вопрос эффективности наблюдательных институтов, отражающий степень их автономности, порядок взаимодействия с органами власти и избирательными структурами, механизмы доступа к информации и данным, уровень общей активности и охвата избирательного процесса, поскольку именно от этих факторов зависит точность и результативность деятельности наблюдателей, а также позитивные эффекты системы наблюдения для избирательной и политической систем. Наблюдение за выборами в данном случае понимается с инструментальной позиции, в качестве средства обеспечения законности и прозрачности процесса волеизъявления, а также соблюдения избирательных прав граждан.

Настоящее исследование направлено на анализ мировых практик наблюдения и контроля над выборами через призму сравнительного подхода. Его цель – выявить, каким образом

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Парамонова О. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

в различных государствах используются существующие механизмы наблюдения за выборами, как организуются институты электорального контроля и как устроена реальная практика наблюдения на примере последних избирательных кампаний. Рассмотрение страновых кейсов позволяет проследить логику институционального развития, выявить сильные и слабые стороны национальных систем наблюдения за выборами, а также сгруппировать кейсы по нескольким группам – укрупнённым моделям на основе общих характеристик.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Вопросы развития национальных систем наблюдения и контроля над выборами в современной политической науке поднимаются на пересечении нормативно-процессуального и институционального подходов. Если первый тяготеет к формальной трактовке наблюдения, то второй заостряет внимание на его политическом значении. Исследователи и практики зачастую трактуют наблюдение как часть системы организации выборов, а также как механизм политического участия. В отечественной научной традиции данный феномен нередко рассматривается через призму трансформации политического управления, где институты контроля интерпретируются как элемент адаптации избирательной системы к изменяющимся условиям внутренней и внешней среды. Среди ключевых направлений исследований можно выделить несколько линий.

Первая связана с изучением процесса складывания электорального контроля в России и других странах. В работах современных авторов анализируется процесс институционализации наблюдения от первоначального этапа его правового закрепления до формирования устойчивых организационных моделей, проводятся сравнения с процессами развития наблюдательных институтов в других странах [10]. В отдельных работах отмечается значимость формирования профессионального сообщества, включения институтов гражданского общества в данный процесс, а также применения наиболее современных технологий в ходе наблюдения за выборами [12].

Вторая линия исследований касается общественно-политических эффектов наблюдения. В ней внимание сосредоточено на том, как практики контроля влияют на общественное восприятие выборов, степень доверия к результатам и уровень

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Парамонова О. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

конфликтности электорального процесса в конкретных странах и регионах мира [1]. Подчёркивается, что наблюдение выполняет не только диагностическую, но и значимую символическую функцию, т. е. задаёт рамки интерпретации выборов в публичном пространстве. В этой логике электоральный контроль рассматривается как инструмент конструирования политической реальности [7]. Актуальная теоретическая дискуссия разворачивается также вокруг понимания наблюдения за выборами как формы политической коммуникации, исследователи рассматривают его в том числе и как канал обратной связи между властными институтами и гражданским обществом.

Третья линия связана с анализом технологий наблюдения. Например, развитие и внедрение цифровых технологий в политический и избирательный процесс трансформирует устоявшиеся модели электорального контроля [8]. Внедряются электронные системы голосования и технические средства подсчёта голосов, видеонаблюдение, электронная регистрация и учёт избирателей. Социальные медиа и алгоритмы значительным образом влияют на поведение избирателей, открывая, с одной стороны, возможности информирования и повышая открытость и прозрачность процедур, с другой стороны – усиливая риски внешнего вмешательства, манипулирования и информационного воздействия на избирателей [5]. Указанные обстоятельства становятся в наши дни непосредственным объектом электорального контроля и экспертизы. При этом цифровизация перестраивает традиционные каналы взаимодействия наблюдателей, способствуя появлению новых моделей взаимодействия власти, экспертного сообщества и гражданских структур [13].

Особое место в научных работах и исследованиях занимает вопрос о соотношении национальных и международных форм наблюдения [1; 4]. Российские исследователи особенно часто обращают внимание на то, что международные оценки выборов нередко являются фактором политического давления [11]. В последние годы усилилось внимание отечественных авторов к существующим международным методологиям и методикам оценки выборов, текущих стандартов международного наблюдения, объективной оценки роли и практики крупных мировых организаций и ассоциаций, выполняющих функции наблюдателей [9]. В условиях агрессивной политики западных стран, применения двойных стандартов по отношению к суверенным

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Парамонова О. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

государствам поднимается вопрос о прямом и косвенном вмешательстве или воздействии на электоральные процедуры посредством международного наблюдения [2; 6]. Обращается особое внимание на формирование и укрепление в описанных условиях электорального суверенитета государства, центральным элементом которого является эффективная система национального наблюдения за выборами [3].

РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Проведённый теоретический обзор позволяет выделить следующие обобщённые модели организации наблюдения и контроля над выборами в различных странах мира, а также их базовые характеристики:

1) *модель «институционального отсутствия»*, характерная для государств, в которых на формально-правовом уровне не предусмотрена возможность наблюдения за выборами и не предоставлены соответствующие политико-правовые гарантии электорального наблюдения; отсутствие правового закрепления наблюдения приводит на практике к следующей дихотомии: либо наблюдение отсутствует как таковое, т. е. никаким лицам и организациям осуществлять подобную деятельность невозможно, либо формального запрета наблюдения нет, но не созданы механизмы реализации данного права, наблюдать за избирательным процессом формально может кто угодно и как угодно; при отсутствии нормативно закреплённого правового статуса это может порождать публичность, но не институциональность процесса наблюдения, а на практике приводит к его отсутствию;

2) *модель «функционального замещения»*, характерная для государств, в которых электоральный контроль замещается деятельностью различных акторов, в том числе членов избирательных комиссий, правоохранительных и судебных органов, представителей средств массовой информации и экспертов; вопросы правовой институционализации в данной группе стран могут разниться от частичного закрепления в законе до ситуативного наделения конкретных органов наблюдательными функциями;

3) *модель «институционального присутствия»,* характерная для государств, где наблюдение и контроль над выборами является институционализированным и обеспечивается правовое за-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Парамонова О. В., 2026

крепление статуса наблюдателя; выделяются следующие формы: международное и национальное наблюдение (последнее может принимать формы партийного и общественного); в ряде государств возможны различные варианты электорального наблюдения, сочетающие в том или ином виде рассмотренные организационные формы.

Для проведения сравнительного анализа отобрана группа стран: Австрия, Германия, Казахстан, Молдавия, Хорватия, Франция, ЮАР. Обязательным условием отбора государств стало проведение в 2023–2025 гг. национальных выборов (парламентских, президентских, всеобщих), которые выступают кейсами сравнительного анализа. Кейс-стади реализуется по общему набору сравнительных критериев, которые включают: а) политико-правовой статус наблюдателей и реализуемые форматы наблюдения за выборами; б) характер и охват сложившейся системы наблюдения, особенности взаимодействия наблюдателей между собой, с избирательными органами, государственными структурами и институтами гражданского общества; в) продолжительность, технологии и конкретные инструменты электорального наблюдения и контроля в ходе конкретной избирательной кампании; г) роль средств массовой информации и электоральных экспертов в процедурах наблюдения и контроля над выборами. Каждый из выбранных кейсов был проанализирован по данному перечню критериев на основе открытых данных, в том числе нормативно-правовых и иных официальных документов, аналитических отчётов и докладов, материалов средств массовой информации.

В соответствии с *австрийским* избирательным законодательством назначение наблюдателей на выборах отнесено к правомочиям только оппозиционных непарламентских политических партий, парламентские политические партии не вправе назначать наблюдателей и назначают только членов избирательных советов и их заместителей. При этом законодательство не содержит положений об общественных наблюдателях и не предоставляет институтам гражданского общества соответствующих возможностей, что в значительной степени ограничивает наблюдение за ходом голосования и подсчётом голосов избирателей на участках в силу неравномерного покрытия и охвата участков партийными наблюдателями. Законодательство не содержит положений о международных наблюдателях, но на практике международные наблюдатели приглашаются,

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Парамонова О. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

но не всегда участвуют в процедурах наблюдения. Например, в ходе последних парламентских выборов, состоявшихся в сентябре 2024 г., Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ (далее – БДИПЧ ОБСЕ) не направило миссию международных наблюдателей на указанные выборы. Одной из особенностей правового регулирования австрийских выборов является и то, что в соответствии с решением Федерального конституционного суда представители средств массовой информации не могут в день голосования находиться в помещениях для голосования. Экспертная работа и информационное освещение выборов тем не менее реализуются в течение избирательной кампании, фактически подменяя собой полноценный электоральный контроль.

В *Германии* избирательное законодательство не предусматривает наличия института национальных наблюдателей и соответствующего правового статуса наблюдателя. При проведении досрочных парламентских выборов в феврале 2025 г. некоторые общественные организации выразили намерение осуществлять общественное наблюдение на выборах, в том числе для обеспечения законности основных процедур и прозрачности финансирования предвыборной агитации. В подобных нормативных условиях очевидно, что масштаб инициативной работы остался крайне ограниченным и не охватывал работу наблюдателей на значимом числе избирательных участков непосредственно в день голосования. Законодательство также не предусматривает института международных наблюдателей. При подготовке к проведению парламентских выборов в ФРГ находилась миссия по оценке потребностей БДИПЧ ОБСЕ, которая по итогам своего пребывания в декабре 2024 г. рекомендовала организации направить на указанные выборы миссию международных наблюдателей. В результате в день голосования в стране работала незначительная по своему составу миссия в составе шести человек. Таким образом, наблюдение за выборами в республике носит стихийный и неупорядоченный характер, реализуется на практике в эпизодической форме и не имеет достаточной правовой основы, которая позволила бы реализовать миссии как национальных, так и международных наблюдателей. Зачастую вопросы наблюдения за выборами подменяются экспертным сопровождением избирательной кампании, ключевую роль в котором играют средства массо-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Парамонова О. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

вой информации и разнообразные общественно-политические и экспертные медиаресурсы.

В *Казахстане* закон предусматривает возможность как национального, так и международного наблюдения за выборами. Значимая роль в организации системы наблюдения за выборами принадлежит как политическим партиям – участникам избирательного процесса, так и общественным объединениям и структурам. При этом законом предусматривается также реализация международного наблюдения за выборами. Например, в ходе парламентских выборов в марте 2023 г. в общей сложности были аккредитованы 793 наблюдателя из 12 международных организаций и 41 государства. В Казахстан накануне дня голосования прибыли представители 16 национальных избирательных комиссий, в том числе – пять глав Центризбиркомов. Свои миссии для наблюдения за выборами отправили такие крупные международные профильные структуры, как БДИПЧ ОБСЕ, ШОС, Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (далее – МПА СНГ).

Избирательными органами аккредитованы для реализации общественного наблюдения 14 организаций, подавших заявки на республиканском уровне, а на уровне регионов аккредитованы 238 организаций. Местные наблюдатели присутствовали на 1020 из 1276 избирательных участков по всей стране, в отношении которых проведено наблюдение непосредственно во время открытия, голосования и подсчёта голосов избирателей.

Аналогичная модель применяется в *Молдавии*, где в ходе президентских выборов 2024 г. и парламентских выборов 2025 г. осуществлялась комплексная деятельность национальных и международных наблюдателей.

Закон о выборах президента *Хорватии* прямо не закрепляет специальные положения о наблюдении на выборах, а лишь предусматривает возможность Государственной избирательной комиссии определять в своих инструкциях права и обязанности, а также порядок реализации наблюдения. Обращает на себя внимание факт выведения сферы наблюдения за выборами на уровень подзаконных актов. Фактически принятие решения о самом наличии наблюдателей на выборах отнесено к компетенции избирательной комиссии. Это не постоянная норма, поскольку наблюдение может осуществляться по усмотрению комиссии, чёткая правовая институционализация в избирательном законодательстве отсутствует. Подобные

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Парамонова О. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

усложнённые правовые нормы, а также существующие правовые лакуны способствуют появлению двойного толкования и ограничивают процедуры электорального контроля.

В ходе президентских выборов в Хорватии в декабре 2024 г. избирательным законодательством не была предусмотрена возможность назначения в участковые избирательные комитеты наблюдателей непосредственно зарегистрированными кандидатами, а также общественными организациями и объединениями.

До 2015 г. конституцией республики и избирательным законодательством прямо не было предусмотрено участие международных наблюдателей в наблюдении на выборах, а также не был закреплён их правовой статус, в том числе права и обязанности международных наблюдателей. На практике международные наблюдатели, прежде всего от БДИПЧ ОБСЕ, всё же приглашались. В феврале 2015 г. в законодательство были внесены изменения, предусматривавшие, в частности, участие международных наблюдателей в наблюдении за выборами. При этом было законодательно закреплено положение о том, что международные организации вправе осуществлять наблюдение за выборами при условии, если они осуществляют деятельность на территории Хорватии, т. е. только при соблюдении данного условия их представители могут быть аккредитованы в качестве международных наблюдателей. При проведении президентских выборов в 2024 г. БДИПЧ ОБСЕ не направило миссию международных наблюдателей на выборы. Отдельные международные наблюдатели приняли участие в процедурах наблюдения за выборами в ограниченном масштабе.

Избирательное законодательство *Франции* не содержит положений об национальных и международных наблюдателях, но кандидаты и партии могут назначить члена участкового избирательного бюро, а также своих представителей для наблюдения за ходом голосования в одном или нескольких участковых избирательных бюро. Независимые наблюдатели и представители общественных объединений не имеют возможности лично присутствовать при реализации значимых электоральных процедур, в том числе подсчёта голосов избирателей. Фактически речь идёт о крайне фрагментированном и неинституционализированном в какой-либо форме электоральном контроле, ключевую функцию в котором выполняют политические партии и избирательные органы, которые в республике сращива-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Парамонова О. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ются с исполнительной властью, что, в свою очередь, ставит под сомнение их автономность. Имеет место замещение функций наблюдателей на выборах другими акторами, в том числе комиссиями, политическими партиями и их представителями. В рамках досрочных парламентских выборов, состоявшихся в июне-июле 2024 г., БДИПЧ ОБСЕ не направляло миссии международных наблюдателей, формально – в связи с досрочным характером и рекордно короткой продолжительностью избирательного процесса.

В *Южно-Африканской Республике* на законодательном уровне предусмотрены как институт национальных, так и международных наблюдателей. При этом система наблюдения ориентирована как на международные наблюдательные структуры, так и на местные общественные профильные организации и политические партии. К участию в наблюдении допускаются аккредитованные наблюдатели от политических партий, общественных организаций и международных миссий. В ходе всеобщих выборов, состоявшихся в мае 2024 г., был достигнут равномерный охват избирательных участков наблюдателями. Избирательная комиссия ЮАР утвердила более 5000 местных и международных наблюдателей, а также 160 организаций для наблюдения за всеобщими выборами. Наблюдатели присутствуют на всех этапах реализации волеизъявления граждан с момента подготовки и открытия участков до окончания подсчёта голосов и утверждения результатов голосования, обладая возможностью контроля над соблюдением требований законодательства и общепринятых стандартов. Широкий охват системы электорального контроля в республике подтверждается взаимодействием наблюдателей как внутри страны, так и между различными организациями, в том числе континентальными и международными.

Таким образом, в ходе анализа выделенных электоральных кейсов доказана применимость разработанных моделей организации наблюдения за выборами. Рассмотренные кейсы распределяются следующим образом: для *модели «институционального отсутствия»* – Германия, Хорватия; для *модели «функционального замещения»* – Франция; для модели *«институционального присутствия»* – Австрия (партийное наблюдение), Казахстан, Молдавия и Южная Африка (национальное и международное наблюдение). Перспективы проведённого исследования связаны с продолжением сравнительного анализа

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Парамонова О. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

электоральных кейсов – последних избирательных кампаний в различных странах – с целью соотнесения их с выделенными организационными моделями, а также с расширением разработанной типологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведённого сравнительного анализа выделенных страновых кейсов в части реализуемых практик наблюдения за выборами можно сформулировать общие тенденции в развитии системы электорального контроля в различных странах.

Во-первых, определяется факт изначального отказа от реализации профессионального наблюдения за выборами на нормативно-правовом уровне. В законодательстве отдельных государств отсутствуют соответствующие положения, регулирующие деятельность национальных и / или международных наблюдателей. Даже в том случае, если фактически подобное наблюдение на выборах реализуется, его нельзя считать полноценным в силу отсутствия правовых оснований и гарантий. Примечательным является и перечень государств, в которых на законодательном уровне отсутствуют положения о наблюдении за выборами, состоящий из западноевропейских стран, которые открыто отрицают необходимость в наблюдении и контроле над выборами, ссылаясь на собственный политический опыт и существующие гарантии законности избирательного процесса априори. В действительности реальная электоральная практика в этих странах далека от идеальной, содержит в себе множество ограничений и нарушений, противоречащих базовым международным стандартам и требованиям.

Во-вторых, имеет место субъективная оценка профильных международных институтов, в первую очередь БДИПЧ ОБСЕ, определяемая сознательным игнорированием контроля выборных процессов в ряде государств, которые считаются «образцовыми». В результате международные структуры либо не направляют в эти страны своих наблюдательных миссий, ссылаясь на отсутствие необходимости в их работе по результатам предварительной оценки, либо отправляют ограниченную миссию, деятельность которой носит, скорее, формальный характер. Подобная политика не обоснована и является типичным примером двойных стандартов международных институтов. В

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Парамонова О. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ряде государств на законодательном уровне принято опираться именно на международных наблюдателей и игнорировать необходимость более объективного внутреннего национального наблюдения, представители которого зачастую сталкиваются с правовыми, а иногда – с политико-административными барьерами.

В-третьих, фиксируются случаи замещения наблюдения за выборами экспертным или медийным сопровождением избирательных кампаний. В свою очередь, подобная деятельность не соответствует принципам современного электорального контроля и не охватывает основных избирательных процедур, в том числе голосования на участках и подсчёта голосов. Кроме того, в ряде стран применяются архаичные формы голосования, которые технически не подлежат какому-либо контролю (например, почтовое голосование, которое в ряде западных стран всё еще принимает значительные масштабы без обеспечения должного электорального контроля).

В-четвёртых, прослеживается тенденция перехода ряда государств, в первую очередь стран «глобального Юга», к всеохватному контролю над избирательными процессами на пути к достижению их наибольшей эффективности. Свидетельством этого процесса является объединение усилий избирательных органов, политических партий и непосредственных участников избирательного процесса, общественных организаций и объединений в целях формирования национальных систем наблюдения за выборами. При этом данный процесс не означает отказ от международного наблюдения, напротив, повышается открытость стран для внешних наблюдателей, международных организаций и структур при условии соблюдения их представителями местного законодательства и уважения к обычаям и традициям страны.

В-пятых, в обозначенных выше государствах развивается сетевая организация наблюдателей, появляются новые общественные структуры, реализуются первые программы по обучению наблюдателей, направленные на повышение их профессионального статуса. Отмечается усиление общественной роли наблюдателей и увеличение их общего количества. Не менее важным направлением является приобщение наблюдателей к современным цифровым технологиям, что является следствием активного внедрения цифровых сервисов в электоральную практику. Многие из этих направлений в настоящее

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Парамонова О. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

время являются перспективными и будут активно развиваться в ближайшие годы.

В целом проведённое исследование подтверждает, что институт наблюдения за выборами становится одним из индикаторов эффективности избирательных систем, а также зрелости политической системы и залогом обеспечения её устойчивости. Мировой опыт является крайне неоднородным, но демонстрирует, что результативность электорального контроля определяется степенью институциональной упорядоченности, правовыми гарантиями и качеством подготовки и взаимодействия наблюдателей. Совершенствование национальных практик наблюдения за выборами, развитие наблюдательского сообщества, его открытость и профессионализация выступают ключевыми условиями повышения доверия граждан к избирательным процессам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антюшин Н. А. К вопросу о методике международного наблюдения за выборами // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4. №4. С. 100–109.
2. Борисов И. Б. Обеспечение и защита государственного суверенитета в электоральной сфере // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. №4. С. 39–56.
3. Борисов И. Б. Обеспечение и защита электорального суверенитета // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2024. №1-2. С. 31–39.
4. Борисов И. Б., Игнатов А. В. Международное наблюдение на выборах: проблемы институализации // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2021. №4. С. 12–16.
5. Бродовская Е. В., Парма Р. В., Лукушин В. А. Практика манипулятивного эффекта поисковых систем в ходе избирательной кампании 2021 г. в России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2022. №4. С. 73–86.
6. Байханов И. Б. Электоральный суверенитет и международное наблюдение за выборами // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2012. №4. С. 28–32.
7. Гришин Н. В. Политика государств в отношении международного наблюдения за выборами // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17. №2. С. 150–162.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Парамонова О. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

8. Гришин Н. В., Попова О. В. Распространение онлайн-наблюдения за выборами в период пандемии COVID-19 // Государство и граждане в электронной среде. 2024. №7. С. 95–103.

9. Заславский С. Е., Лукушин В. А. К вопросу оценки эффективности современных избирательных систем: правовые рамки и политические практики // Вопросы политологии. 2025. Т. 15. №4. С. 1201–1210.

10. Заславский С. Е., Тюков В. А., Лукушин В. А. Система общественного контроля на российских выборах: развитие инфраструктуры и механизмы институционализации // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. №2. С. 97–116.

11. Игнатов А. В. Международное наблюдение за выборами: проблемы обеспечения электорального суверенитета // Диалог: политика, право, экономика. 2025. №2. С. 9–18.

12. Караваев С. Г., Мушкет И. И. Международное наблюдение за внеочередными выборами Президента Республики Казахстан: подходы миссий СНГ и БДИПЧ ОБСЕ // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. №1. С. 167–178.

13. Морозова О. С. Наблюдение за выборами в условиях пандемии: новая реальность // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. №67. С. 149–158.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Парамонова О. В., 2026

ARTICLE INFORMATION

Author

Olga V. Paramonova

- e-mail: o.paramonova2025@yandex.ru;
  An Independent Researcher,
  Moscow, Russian Federation

For citation

Paramonova, O. V. (2026). Comparative Analysis of World Practices in Election Observation and Control. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To identify actual trends and key models for organising election observation and monitoring systems in various countries around the world based on a comparative analysis of relevant country cases, electoral legislation and practices.

Methodology. The study is based on comparative analysis and case studies. The comparative analysis draws on materials from recent election campaigns held in 2023–2025 in a group of countries (Austria, Germany, Kazakhstan, Moldova, Croatia, France, and South Africa). The empirical base consists of regulatory acts, official documents of electoral bodies, analytical reports, and media materials.

Results. The study identified three models for organising election observation worldwide: the institutional absence model, the functional substitution model, and the institutional presence model. It was found that highly effective integrated forms of observation, combining national and international mechanisms, as well as digital electoral monitoring technologies, are actively developing.

Research implications. The results obtained deepen our understanding of current global trends in electoral monitoring, define election observation as an element of political governance, and help systematise national practices. The study's findings can be used in further comparative studies, as well as in developing recommendations for national electoral bodies and involved civil society institutions.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Парамонова О. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Keywords

elections, election observation, electoral control, electoral process, comparative analysis, observers, citizen observation, international observation, civil society

References

1. Antyushin, N. A. (2018). On the Methodology of International Election Observation. In: *Proceedings of V. I. Vernadsky Crimean Federal University Philosophy. Political science. Cultural Studies*, 4 (4), 100–109 (in Russ.).
2. Borisov, I. B. (2023). Ensuring and Protecting State Sovereignty in the Electoral Sphere. In: *Citizen. Elections. Authority*, 4, 39–56 (in Russ.).
3. Borisov, I. B. (2024). Ensuring and Protecting Electoral Sovereignty. In: *Representative Power – 21st century: Legislation, Commentary, Problems*, 1 (2), 31–39 (in Russ.).
4. Borisov, I. B. & Ignatov, A. V. (2021). International Election Observation: Problems of Institutionalization. In: *Representative Power – 21st century: Legislation, Commentary, Problems*, 4, 12–16 (in Russ.).
5. Brodovskaya, E. V., Parma, R. V. & Lukushin, V. A. (2022). The Practice of the Manipulative Effect of Search Engines during the 2021 Election Campaign in Russia. In: *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 4, 73–86 (in Russ.).
6. Baykhanov, I. B. (2012). Electoral Sovereignty and International Election Observation. In: *Representative Power – 21st Century: Legislation, Comments, Problems*, 4, 28–32 (in Russ.).
7. Grishin, N. V. (2021). State Policies Regarding International Election Observation. In: *Political Expertise: POLITEX*, 17 (2), 150–162 (in Russ.).
8. Grishin, N. V. & Popova, O. V. (2024). The Spread of Online Election Observation During the COVID-19 Pandemic. In: *State and Citizens in the Electronic Environment*, 7, 95–103 (in Russ.).
9. Zaslavsky, S. E. & Lukushin, V. A. (2025). On Assessing the Effectiveness of Modern Electoral Systems: Legal Framework and Political Practices. In: *Political Science Issues*, 15 (4), 1201–1210 (in Russ.).
10. Zaslavsky, S. E., Tyukov, V. A. & Lukushin, V. A. (2025). The System of Public Control in Russian Elections: Infrastructure Development and Institutionalisation Mechanisms. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2, 97–116 (in Russ.).
11. Ignatov, A. V. (2025). International Election Observation: Problems of Ensuring Electoral Sovereignty. In: *Dialogue: Politics, Law, Economics*, 2, 9–18 (in Russ.).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Парамонова О. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

12. Karavaev, S. G. & Mushket, I. I. (2023). International Observation of the Early Elections of the President of the Republic of Kazakhstan: Approaches of the CIS and OSCE ODIHR Missions. In: *Citizen. Elections. Authority*, 1, 167–178 (in Russ.).

13. Morozova, O. S. (2022). Election Observation During a Pandemic: A New Reality. In: *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 67, 149–158 (in Russ.).

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Парамонова О. В., 2026

УДК 323.27

ТЕМА ПСЕВДОРЕВОЛЮЦИИ В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Головлев Руслан Владимирович

- e-mail: rgolovlyov@inbox.ru;
  аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии;
  Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
  119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Головлев Р. В. Тема псевдореволюции в работах современных исследователей // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 08.07.2025
- Статья размещена на сайте 22.05.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация
Ключевые слова
Введение
Причины кризиса классической революционности
Основные характеристики псевдореволюции
Заключение
Литература
Article information

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Головлев Р. В., 2026

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ взглядов современных исследователей на феномен псевдореволюции.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал анализ текстов. Проведён анализ работ, связанных с описанием революционных процессов и эволюцией; проанализировано содержание исследований в соотнесении с современными процессами имитации общественных изменений в контексте постмодернизма как культурной логики позднего капитализма.

Результаты. В результате проведённого анализа современной литературы выявлено качественное отличие феномена псевдореволюций от классических революций, даны основные характеристики и определены предпосылки появления псевдореволюций, связанные с особенностями социально-экономического устройства общества постмодерна.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в классификации отношения современных исследователей к псевдореволюции, намечены основные возможности для дальнейшей концептуализации данного феномена в рамках социальных наук.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

постмодернизм, посткапитализм, псевдореволюция, революционные имитации, цветные революции

ВВЕДЕНИЕ

В качестве отдельного феномена псевдореволюции не рассматривались в научной литературе. Причиной такого положения дел является то, что не существует общепринятого определения термина «революция». Представители различных научных направлений отождествляют данную категорию с такими явлениями, как восстания, мятежи, государственные перевороты, крестьянские и гражданские войны и т. д. Таким образом, анализ псевдореволюции в работах современных исследователей зависит прежде всего от того содержания, которое вкладывается в термин «революция». С одной стороны, на этом основании исследователи проводят разделительную линию между революциями и феноменами,

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Головлев Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

их имитирующими. С другой стороны, революция обретает характер историчности, что позволяет идентифицировать подобный процесс в различных временных эпохах. Например, на основе данной классификации события «арабской весны», а также «цветных революций» относятся учёными либо к современным формам революции, либо к социальному бунту [13].

Вследствие этого исследование феномена псевдореволюции сводится к ответу на вопрос о том, возможна ли революция в современном обществе. Исследователи, дающие отрицательный ответ, считают, что данное явление либо остаётся в прошлом из-за изменившейся структуры общества, либо характерно в настоящем только для тех государств, которые на сегодняшний день не произвели перехода к современному обществу. Данные авторы преимущественно являются представителями либеральной, постмодернистской традиции, а также сторонниками теории модернизации [12]. В отдельных случаях революция определяется учёными как инструмент прорыночных сил, позволяющий бороться с разрастающимися полномочиями государства и бюрократии [4].

Вследствие вышеперечисленного псевдореволюционность выступает в качестве результата достижения социумом высокого уровня развития политической и экономической систем. Альтернативная точка зрения состоит в том, что революции характерны для всех этапов общественного развития, поскольку их причиной является общественная структура, не способная удовлетворить интересы различных социальных групп. Последний подход получил своё развитие в марксизме, мир-системной и критической теории.

Целью настоящего исследования является анализ взглядов современных исследователей на феномен псевдореволюции.

Ключевым исследовательским методом стал анализ текстов. В статье осуществлён анализ работ, связанных с описанием революционных процессов и эволюцией; проанализировано содержание исследований в соотнесении с современными процессами имитации общественных изменений в контексте постмодернизма как культурной логики позднего капитализма.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Головлев Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ПРИЧИНЫ КРИЗИСА КЛАССИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОСТИ

Результатом размывания прежней социальной структуры, по мнению французского философа Ж. Бодрийяра, является смерть политического и социального. Трудящиеся теряют классовую идентичность, тем самым превращаясь в массы, и не могут быть репрезентированы, поскольку их взгляды сводятся к радикальной неопределённости. Революция, которая представляется возрождением и развитием политического, не может апеллировать к массам, поскольку они неспособны проявлять интерес к различным социальным проектам, которые не являются зрелищами. На место революционному взрыву приходит имплозия – активность, направленная не на реализацию лучших устремлений человечества, а против реальности как таковой. Такая псевдореволюционность возникает из-за отсутствия инаковости. Потеря субъектности оборачивается превращением большинства населения в «молчаливое большинство».

Подобное положение дел становится проблемой не только для оппозиции, но и для самой власти, которая пытается увеличить активность, вовлечённость и подконтрольность масс. Если ранее системе не хватало смысла при устойчивом спросе на него со стороны населения и его частичном удовлетворении – в том числе и за счёт утопических проектов, –то теперь важнейшим социальным механизмом является производство спроса на смысл, который намного меньше его предложения. Однако и полноценным объектом воздействия массы быть не могут, поскольку являются специально созданной искусственной категорией для получения данных по метрикам, с помощью которых можно обосновывать легитимность власти. В такой ситуации интеллектуалы стремятся «активизировать микрожелания, мелкие различия, слепые практики, анонимную маргинальность». Предпринимается «попытка интеллектуалов усилить незначительное, продвинуть бессмыслие в порядок смысла» [3].

Одним из компонентов подобного мировосприятия является формирование в ряде стран антиреволюционного консенсуса, суть которого заключается в отторжении революции как эффективного инструмента общественных изменений. Р. Инглхард и его последователи связывают данную особенность с

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Головлев Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

изменением ценностей [7]. По мнению учёных, молодое поколение россиян, выросшее в условиях относительной безопасности и материального изобилия, придерживается постматериалистических ценностей, отторгающих революцию. Старшее поколение, имеющее негативный опыт и в силу этого более приверженное материалистической доминанте, также настроено антиреволюционно. Однако здесь возможен и откат к домодернистским ценностям. Для большинства людей наиболее ценным является то, чего не хватает в период их активного существования. С течением времени меняется и опыт поколений, в результате чего появляются новые социальные установки.

Огромную роль сыграло и воздействие на общество культуры постмодерна. Деконструкция таких понятий, как «истина», «субъект», «прогресс», привела к глубокому разочарованию и общественному пессимизму. Революция, являясь одним из «больших нарративов», который также должен был стать достоянием прошлого, изменила своё содержание. Вследствие резко возросшего значения культурной сферы концепт революции стал политическим пастишем, отрицающим существование оригинала. Утрата чувства истории, проживание в «вечном настоящем» уничтожает социальное прошлое и будущее. В таком случае революционная позиция становится либо частью личной идентичности (субкультурализация), либо товарным знаком, призванным повысить социальный статус или повысить доход (коммодификация). Субкультурные организации выполняют задачу сохранения протестных традиций, но фактически они не могут развиваться в практические революционные движения. Организации, коммодифицирующие образ революции, способствуют укреплению либеральной демократии и рыночного общества, расширяя их рынки до аудитории, которая на ценностном уровне негативно относится к «обществу потребления» [10].

В такой ситуации становится невозможным коллективное действие, направленное на радикальное переустройство общественной жизни. По этой причине движение, стремящееся к трансформации социума, использует символы и знаки прошлого, но на реальные изменения остаётся неспособным. По этой причине становится популярным тезис о «конце революций», поскольку их осуществлению препятствует ряд факторов – превосходство правительства над оппозицией в потенциальном насильственном противостоянии, демократизация,

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Головлев Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

глобализация и повышение материального благосостояния большинства общества [8].

Вместе с тем, как отмечал российский исследователь Б. Г. Капустин, негативность, понимаемая как постоянное самоотрицание и стремление к качественному изменению, имманентно присуща современным обществам. Однако правящими классами вырабатывается множество способов для сдерживания утопического потенциала негативности. Наиболее актуальным из них остаётся доминирование либеральной идеологии в публичном поле. Многими именитыми учёными и интеллектуалами разделяется позиция, согласно которой представительная демократия и рыночная экономика рассматриваются как совершенные механизмы управления социумом, а другие, более радикальные, альтернативы считаются опровергнутыми эмпирическим путём. При сохранении импульса негативности в рамках капиталистического общества происходит непрерывная революция, в ходе которой общественный порядок не подвергается структурным изменениям, но постоянно обновляется. Именно в постоянном выхолащивании при одновременной абсорбции радикальной альтернативы состоит стратегия выживания и трансформации капиталистического общества.

Даже при возникновении революционной ситуации радикальные изменения в социуме не происходят автоматически. Для этого необходим политический субъект, появление которого также не является априорным. В результате намерения участников современных бунтов не содержат никакой позитивной программы, а только «абстрактную критику», что констатирует отсутствие в обществе реальной оппозиции неолиберализму [9].

Однако альтернативы, в том числе и революционные, не всегда связаны с реализацией более прогрессивной модели общественных отношений. Ряд исследователей отмечают, что в недрах постиндустриальной экономики формируется новая, посткапиталистическая элита, в качестве ключевого ресурса располагающая вниманием, а линия раскола будет пролегать между персоналиатом и имперсоналиатом [5].

Несмотря на рост роли медиаиндустрии в обществе, деятельность большинства известных личностей не выходит за рамки капитализма и присущих ему отношений собственности. Таким образом, перед нами может развернуться псевдореволюционный процесс, в качестве идеологической базы

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Головлев Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

использующий квазисоциалистические ценности, в рамках которых предполагается переход большинства людей к творческому труду, где преодолевается противоречие между личным и общественным.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСЕВДОРЕВОЛЮЦИЙ

По нашему заключению, революционным имитациям присущ ряд характеристик. Как отмечала Т. Скочпол, основными эффектами классических революций в среднесрочной перспективе становятся создание сильного бюрократического аппарата государства и укрепление положения страны на международной арене. Условиями же для этого становятся распад прежней центральной администрации и резкое ухудшение внешнеполитической ситуации, нередко связанное с поражением в войне [11].

Псевдореволюционные процессы имеют схожие предпосылки, но совершенно иные социальные результаты. Причиной для этого является отсутствие такой важной переменной, как низовое движение, имеющее альтернативную программу преобразования общества. В классических революциях промышленные рабочие и крестьяне расширяли рамки возможного, в некоторых случаях не имея прямых связей с революционными организациями. Вместе с тем в псевдореволюционных процессах представителей трудящихся мобилизуют вокруг общих либеральных ценностей, которые не постулируют сущностных альтернатив прежнему порядку.

Здесь имеет место именно «западный» тип революции, поскольку протестное движение чаще всего растёт и развивается в рамках столиц и крупных городов, в то время как в менее развитых регионах поддержка протестующих намного меньше. «Восточный» тип революции должен быть связан с непосредственно низовой активностью, что в случае с псевдореволюционными движениями произойти не может из-за отсутствия достаточной радикальной программы преобразования, интересующей «низы» [13]. В соответствии с вышеизложенным элиты продолжают управлять по-старому, используя политические технологии.

Другой характеристикой псевдореволюций выступает устранение дилеммы свободы и необходимости. По мнению Х. Арендт, именно то, что революции прошлого в этой паре от-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Головлев Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

давали приоритет последнему, они терпели поражение. Единственной революцией, которая выбивалась из общего правила, была Американская революция, в ходе которой её лидерам удалось нейтрализовать эффект бедности с помощью огромного количества земель, пригодных для ведения сельского хозяйства, а статус свободы гарантировался многими институтами, в том числе системой сдержек и противовесов [1].

Современные псевдореволюционные режимы предпочитают свободу необходимости решать насущные проблемы масс, проводя неолиберальные реформы из-за нарастающего иностранного влияния. Однако фактически и свобода не находит своего воплощения, поскольку по-прежнему в обществе существуют отношения господства и подчинения. Если революционные режимы отказывались от свобод с целью преодоления нищеты большинства трудящихся масс и в конечном счёте в большинстве случаев решали эту проблему, то псевдореволюционные режимы могут реализовать свободу только через развал государства и деградацию общественных институтов. В итоге в обществе уменьшается свобода, а необходимость становится ещё более острой. Лидеры псевдореволюций не способны найти выход из подобной ситуации, поскольку они не имеют собственного оригинального набора идеологических позиций, позволяющих преодолеть данный общественный кризис.

Псевдореволюции характеризуются низким уровнем насилия. Вследствие того, что им не требуется «ритуальное преступление» для того, чтобы решительно отделить свой режим от прошлого, им достаточно только жертв, пострадавших от предыдущего. Несмотря на то, что существует антагонистических дискурс, который подчас не оставляет общего символического пространства для противоборствующих сторон, противоречие не является непреодолимым [2]. Однако в случае, если псевдореволюционный процесс затрагивает интересы нескольких держав, имеющих возможность влиять на внутренние процессы такого государства, может произойти эскалация насилия вплоть до гражданской войны.

Перед псевдореволюциями уязвимы преимущественно так называемые «гибридные режимы», имеющие признаки как авторитаризма, так и демократии. Именно такие режимы чаще всего зависят от международной поддержки, вследствие чего склонны идти на уступки псевдореволюционным движениям.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Головлев Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

Уязвимыми перед псевдореволюциями оказываются не только восточные, но и западные страны. Это происходит в результате перехода данных обществ к постматериалистическим ценностям, подробно рассмотренным Р. Инглхартом [7]. Парадоксальность данного феномена заключается в том, что именно те организации, которые декларируют необходимость защищать интересы трудящихся, фактически действуют против них [6]. Радикальные разработчики проектов реализации перехода к «зелёной» энергетике, равенства полов и защиты прав сексуальных и этнических меньшинств, используя давление на государственные институты посредством общественных движений, приводят к снижению уровня материального благосостояния населения и способствуют возвышению новых посткапиталистических элит [5].

Однако в целом для революционных имитаций характерно то, что её активные представители не получают доступа к государственной власти, а имеют маргинальный статус в социуме. Переход в «большую политику» остаётся невозможным, поскольку данные движения не имеют никаких ресурсов для наращивания поддержки в обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение псевдореволюций началось фактически с возникновением классических революций. Актуальность данного феномена для современного общества связана с тем, что в связи с социально-экономической трансформацией политический процесс лишился прежних субъектов радикальных перемен, при этом адекватная замена им так и не возникла. Снижение уровня напряжённости в псевдореволюции по сравнению с классическими революциями вызвано тем, что в первом случае фактически отсутствует оппозиция вследствие частичного удовлетворения требований социальных низов. Исчезновение альтернативы современному порядку вызвано не фактом удовлетворения запросов большинства граждан, а тем, что капиталистическое общество постоянно трансформируется, не выходя при этом за собственные рамки.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Головлев Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.
2. Байша О. Дискурсивный разлом социального поля: Уроки Евромайдана. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 184 с.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / пер. с фр. Н. В. Суслова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 95 с.
4. Волков В. В. Глубинное государство и революция технооптимистов // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. №4. С. 27–37.
5. Давыдов Д. А. Невозможность социализма. Левые идеи на службе у новых элит. М.: РИПОЛ классик, 2025. 352 с.
6. Давыдов Д. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: РИПОЛ классик, 2021. 336 с.
7. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
8. Капустин Б. Г. Рассуждения о «конце революции». М.: Издательство Института Гайдара, 2019. 144 с.
9. Капустин Б. Г. Обуздание негативного. Критика современности. Ереван: Fortis Press, 2024. 176 с.
10. Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н. В. Эдельмана. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. 192 с.
11. Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 552 с.
12. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
13. Шульц Э. Э. Теория революции: Революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2022. 400 с.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Головлев Р. В., 2026

ARTICLE INFORMATION

Author

Ruslan V. Golovlev

- e-mail: rgolovlyov@inbox.ru;
  Postgraduate Student, Department of History and Theory of Politics,
  Faculty of Political Science,
  Lomonosov Moscow State University
  Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation,

For citation

Golovlev R. V. (2026). The Theme of Pseudo-Revolutions in the Works of Modern Researchers. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To conceptualise the phenomenon of revolutionary imitations (pseudo-revolutions) in the modern world.

Methodology. The key research method was the analysis of texts. The analysis of the authors' works related to the description of revolutionary processes and the evolution of its content in relation to modern processes of imitation of social changes in the context of postmodernism as the cultural logic of late capitalism was carried out.

Results. The qualitative difference between the phenomenon of pseudo-revolutions and classical revolutions, its main characteristics and prerequisites for its emergence, associated with the peculiarities of the socio-economic structure of postmodern society, are revealed.

Research implications consist in classifying the attitude of modern researchers towards pseudo-revolution and outlining the main possibilities for further conceptualisation of this phenomenon within the framework of social sciences.

Keywords

postmodernism, postcapitalism, pseudo-revolutionary ideas, colour revolutions

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Головлев Р. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

References

1. Arendt, H. (2011). *On Revolution.* Moscow: Evropa publ. (in Russ.).
2. Baisha, O. (2021). *Discursive Fracture of the Social Field: Lessons of Euromaidan*. Moscow: Higher School of Economics publ. (in Russ.).
3. Baudrillard, J. (2000). *In the Shadow of the Silent Majorities, Or, the End of the Social*. Yekaterinburg: Ural University publ. (in Russ.).
4. Volkov, V. V. (2025). The Deep State and the Revolution of the Techno-Optimists. In: *Russia in Global Affairs*, 23 (4), 27–37 (in Russ.).
5. Davydov, D. A. (2025). *The Impossibility of Socialism. Leftist Ideas in the Service of the New Elites*. Moscow: RIPOL classic publ. (in Russ.).
6. Davydov, D. (2021). *Postcapitalism and the Birth of the Personaliat*. Moscow: RIPOL classic publ. (in Russ.).
7. Inglehart, R. & Welzel, K. (2011). *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoye izdatelstvo publ. (in Russ.).
8. Kapustin, B. G. (2019). *Reflections on the "End of the Revolution."* Moscow: Gaidar Institute publ. (in Russ.).
9. Kapustin, B. G. (2024). *Taming the Negative. Critique of Modernity*. Yerevan: Fortis Press publ. (in Russ.).
10. Crouch, K. (2010). *Post-Democracy.* Moscow: Higher School of Economics publ. (in Russ.).
11. Skocpol, T. (2017). *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Moscow: Gaidar Institute publ. (in Russ.).
12. Huntington, S. (2004). *Political Order in Changing Societies*. Moscow: Progress-Tradition publ. (in Russ.).
13. Schultz, E. E. (2022). *Theory of Revolution: Revolutions and Modern Civilizations*. Moscow: LENAND publ. (in Russ.).

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Головлев Р. В., 2026

УДК 327

К ВОПРОСУ О ЕВРОПЕЙСКОМ ОПЫТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Кочетков Александр Павлович

- e-mail: apkoch@mail.ru;
  доктор философских наук, профессор, профессор кафедры российской политики факультета политологии;
  Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
  119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Прилуцкий Фёдор Романович

- e-mail: fedya.priluczkij@mail.ru;
  аспирант кафедры российской политики факультета политологии;
  Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
  119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р. К вопросу о европейском опыте противодействия экстремизму // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 19.03.2026
- Статья размещена на сайте 25.06.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Введение
Определение понятия «экстремизм» в научном дискурсе
Правовое определение понятия «экстремизм» в законодательстве Великобритании, Германии, Франции
Методы противодействия экстремизму в европейских странах
Заключение
Литература

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

АННОТАЦИЯ

Цель. Определить содержание понятия «экстремизм» и провести сравнительный анализ противодействия экстремизму в Великобритании, Германии и Франции.

Процедура и методы. В статье анализируются теоретические аспекты и основные подходы отечественных и зарубежных исследователей к содержанию понятия «экстремизм». Применяются метод структурно-функционального подхода, сравнительный метод, сравнительно-правовой метод, метод системного подхода.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в рассматриваемых странах отсутствует единое правовое определение экстремизма, а подходы к противодействию варьируются. В Великобритании экстремизм определяется через оппозицию базовым ценностям, в Германии акцент делается на превентивные и профилактические меры, во Франции – на жёсткий контроль интернет-контента при фрагментированном законодательстве. Установлено, что общей тенденцией для этих стран являются ориентация на международные стандарты и сочетание превентивных мер с репрессивными.

Теоретическая и практическая значимость. Обобщён европейский опыт противодействия экстремизму. Сформулированы предложения по совершенствованию международного сотрудничества в этой сфере, включая развитие адаптационных программ для молодёжи, повышение эффективности контроля в информационном пространстве и создание позитивного контента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экстремизм, противодействие экстремизму, правовое регулирование, сравнительный анализ, Великобритания, Германия, Франция

ВВЕДЕНИЕ

Экстремизм представляет серьёзную угрозу устойчивому развитию современной системы международных отношений. Новые вызовы, исходящие от экстремистских организаций, подрывают стабильность и безопасность на международном уровне и требуют выработки соразмерных и эффективных мер реагирования. В этой связи ключевой задачей в области противодействия и профилактики экстремизма выступают решение

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

проблем межгосударственного и межнационального общения, расширение межконфессионального взаимодействия, обеспечение возможности для каждого из участников принимать самостоятельные решения с учётом общих интересов. При этом, несмотря на позитивные тенденции относительно интенсификации международных усилий, направленных на нейтрализацию экстремизма, фиксируется усиление негативных тенденций, обусловленных увеличением угроз ценностного, общественного и экономического характера. Существенным дестабилизирующим фактором становится информационное воздействие экстремистских структур, направленное на усиление агрессивных установок, провоцирование национальной и религиозной розни, а также на формирование социальной напряжённости в обществе.

Очаги экстремизма всё чаще используются отдельными государствами в качестве инструмента дестабилизации внутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира. Идеология экстремизма, в свою очередь, выступает основой консолидации участников экстремистских организаций, а также средством вовлечения в радикальную деятельность представителей различных социальных групп. Как правило, экстремистские организации преследуют цель подрыва традиционных духовно-нравственных ценностей, реализуемую через распространение экстремистской идеологии на территории европейских государств и оказание поддержки радикальным политическим движениям на Ближнем Востоке.

Несмотря на принимаемые международным сообществом меры, проблема экстремизма остаётся актуальной и требует дополнительного изучения. Представляется важным провести анализ отечественных и зарубежных научных подходов к содержанию понятия «экстремизм», а также рассмотреть правовые подходы к его определению в различных европейских государствах.

Целью настоящего исследования является определение содержания понятия «экстремизм» и проведение сравнительного анализа подходов к противодействию экстремизму в Великобритании, Германии и Франции. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ отечественных и зарубежных научных подходов к содержанию понятия «экстремизм», исследование особенностей правового регулирования в указанных странах, а также обобщение применяемых мето-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

дов противодействия. Методологическую основу исследования составляют структурно-функциональный, сравнительный и сравнительно-правовой методы, а также системный подход.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЭКСТРЕМИЗМ» В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Анализ содержания понятия «экстремизм» в научной литературе предполагает обращение как к российским, так и к зарубежным научным работам, посвящённым анализу данного явления. В отечественной исследовательской традиции не выработано единого подхода к определению его содержания. А. К. Рузавина в своей работе отмечает, что с точки зрения происхождения слова «экстремизм» восходит к латинскому *extremus*, что переводится как «предельный». Такое значение отражает связь понятия с крайними позициями и мерами, вследствие чего под экстремизмом обычно понимают ориентацию на радикальные взгляды, действия и формы поведения, выходящие за рамки умеренных [6, с. 1]. На множественность и противоречивость трактовок обращают внимание Л. М. Дробижева и Э. А. Паин [4, с. 72]. Ю. И. Авдеев трактует экстремизм как регулярное использование насилия и различных форм принуждения для достижения политических целей, включая воздействие на государственные структуры, общественные объединения и отдельных граждан с целью побудить их к определённым действиям либо решениям, направленным на снижение или предотвращение дальнейшего насилия [1, с. 12]. С одной стороны, подобная интерпретация охватывает значительный круг проявлений и удобна для выявления характерных признаков экстремизма, поскольку подчёркивает его инструментальную природу и опору на принуждение. С другой стороны, чрезмерная широта формулировки размывает понятийные границы, что создаёт риск отождествления «экстремизма» с «терроризмом», несмотря на то, что данные категории не полностью совпадают и экстремистская активность не всегда носит террористический характер.

Заслуживает внимания и альтернативный подход: Е. В. Демидова рассматривает экстремизм как фактор дезорганизации, ориентированный на ослабление и демонтаж сложившегося политического порядка одного или нескольких государств; вместе с тем – как социально деструктивный тип поведения,

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

предполагающий разрушительное воздействие на общество различными средствами и на всех уровнях его структурной организации [3, с. 67]. Её позиция представляется важной прежде всего потому, что смещает акцент с простой «крайности взглядов» на системно-разрушительный потенциал экстремизма в отношении политической организации общества и устойчивости государственных институтов. Такой подход позволяет рассматривать экстремизм как явление, способное нарушать нормальное функционирование политической системы и общественного порядка, а не только как совокупность радикальных убеждений или риторики. В свою очередь, Л. В. Савинов рассматривает экстремизм как выражение крайних установок, направленных на преобразование общественных отношений в политической, экономической, духовной либо социальной сферах путём нарушения правовых норм [7, с. 8]. В рамках данной трактовки принципиальное значение имеет то обстоятельство, что экстремизм соотносится сразу с несколькими областями общественной жизни, а не ограничивается исключительно политическим измерением. Это расширяет аналитические возможности и позволяет описывать экстремистские практики как многоуровневые, затрагивающие ценностные основания, экономические процессы, социальные связи и духовно-культурную сферу.

Наряду с отечественными интерпретациями следует обратиться и к позициям зарубежных исследователей, поскольку именно сопоставление разных традиций помогает выявить общие и специфические элементы концепта. Так, немецкие исследователи А. Пфаль-Траугбер и Э. Йессе описывают экстремизм как явление, ориентированное на подрыв базовых основ демократического и конституционного устройства государства [5, с. 218]. В пределах этой концепции существенным является не только степень радикальности взглядов, но и их направленность против демократических институтов и принципов конституционного строя, что позволяет рассматривать экстремизм в контексте угроз стабильности государственной системы.

Американские учёные П. Колман и А. Бартоли трактуют экстремизм как многосоставное явление, включающее различные виды деятельности, выходящие за пределы общественно одобряемых и устоявшихся норм[1]. Важно под-

[1] Coleman P. T., Bartoli A. Addressing Extremism [Электронный ресурс]. URL: https://libertyunderattack.com/wpcontent/uploads/2015/06/Addressing-Extremism-ICCCR-ICAR.pdf (дата обращения: 18.01.2026).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

черкнуть ключевое отличие подобных интерпретаций от ряда отечественных подходов: экстремизм здесь осмысливается как совокупность поступков, убеждений и моделей поведения, а не только как идеологическая конструкция или политическая стратегия. Кроме того, употребление формулировки «взгляды, отличные от общепринятых» принципиально значимо тем, что допускает изменяемость общественных стандартов и возможность трансформации критериев оценки.

Группа румынских исследователей предлагает понимать экстремизм как комплекс политических идеологий и средств, используемых политическими акторами для достижения поставленных целей [14, p. 4]. При этом такие идеологические установки противопоставляются базовым общественным ценностям и демократическим принципам. Преимущество данного подхода заключается в объединении идеологической и практической составляющих: экстремизм охватывает как систему убеждений, так и способы их реализации.

Словенский исследователь А. Сотляр определяет экстремизм как политическое понятие, используемое для обозначения видов деятельности, противоречащих как формально закреплённым, так и неписаным нормам государства и отвергающих демократическую форму правления [13, p. 4]. В этой трактовке особое внимание уделяется нормативному аспекту (соответствие либо несоответствие правовым нормам) и политико-институциональному критерию (принятие или отрицание конституционно закреплённой формы государственного управления), что позволяет интерпретировать экстремизм как вызов не только общественным ценностям, но и легитимным основаниям государственной власти.

Обобщая рассмотренные подходы, следует отметить, что экстремизм в научном дискурсе трактуется как многомерное явление, включающее идеологические установки и практики их реализации. Наиболее обоснованной представляется позиция, связывающая экстремизм с деструкцией социального и политического порядка. В этом контексте подход Е. В. Демидовой, интерпретирующей экстремизм как фактор разрушения общественных и политических систем, во многом совпадает с позициями зарубежных исследователей, рассматривающих его как угрозу политическим институтам и конституционному строю.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ПРАВОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЭКСТРЕМИЗМ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ

В 2015 г. правительство Великобритании представило проект Стратегии по противодействию экстремизму, в котором это явление было определено как «активная либо пассивная оппозиция фундаментальным ценностям государства». Одновременно в тексте документа просматривается сближение категорий экстремизма и терроризма, что может рассматриваться как методологически спорное решение, поскольку существует группа действий, относимых к экстремистским, но не обладающих признаками террористической деятельности[2]. В Германии, напротив, законодательное определение экстремизма и экстремистской деятельности не закреплено в виде самостоятельного нормативного правового акта. Вместе с тем Уголовный кодекс ФРГ включает ряд норм, предусматривающих уголовную ответственность за деяния экстремистской направленности [8, с. 45]. Следовательно, отсутствие единой законодательной дефиниции не свидетельствует об отсутствии правового регулирования: соответствующие нормы формируются через систему уголовно-правовых запретов и процедур привлечения к ответственности за подобные правонарушения, рассматриваемые как угрозы конституционному строю и общественной безопасности.

Рассмотрение данного подхода позволяет сделать вывод, что противодействие экстремизму в Германии прежде всего ориентировано на превентивные и профилактические меры, однако при этом в арсенале государства присутствует и ряд репрессивных инструментов. При реализации политики правоохранительные органы стремятся комбинировать различные способы и меры, используя их во взаимосвязи. При этом применение репрессивных мер, как правило, рассматривается как крайний вариант, поскольку оно может затрагивать права и свободы человека и гражданина и потому требует повышенной обоснованности и соразмерности вмешательства.

Во Франции термин «экстремизм» не закреплён в виде единого нормативного определения, однако действует широкий

[2] Counter-Extremism Strategy (Policy Paper) // UK Government Official Website: [сайт]. URL: https://www.gov.uk/government/publications/counter-extremism-strategy (дата обращения: 04.02.2026).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

массив правовых актов, регламентирующих отдельные проявления данного феномена[3]. С одной стороны, такая конструкция позволяет охватить более широкий перечень деяний, квалифицируемых как экстремистские, и установить за них конкретные санкции. С другой стороны, отсутствие единого систематизированного правового акта осложняет формирование целостного и структурированного подхода к регулированию правонарушений, связанных с данным явлением, и затрудняет выстраивание единой логики. Дополнительно следует отметить, что во Франции установлен строгий надзор в интернете в отношении ряда сайтов, распространяющих экстремистские либо террористические материалы: юридическая ответственность может наступать не только для создателя соответствующего ресурса, но и для обычного пользователя, посещавшего подобные интернет-площадки [2, с. 211].

Сравнительный анализ правовых подходов Великобритании, Германии и Франции показывает, что понятия «экстремизм» и «политический экстремизм» не являются тождественными: во всех трёх юрисдикциях политический экстремизм рассматривается как частный, более узкий случай идеологически мотивированной активности, тогда как экстремизм в более широком смысле охватывает разнородные формы радикализации и противоправного или потенциально опасного поведения, не сводимые исключительно к политической сфере.

В нормативных актах, проанализированных применительно к европейским государствам, прослеживается ориентация на международные стандарты противодействия экстремизму, прежде всего на документы Совета Европы. Совет Европы, в свою очередь, основывается в данной области на международно-правовых актах, принятых Советом Безопасности ООН. Эти документы направлены на формирование общего подхода к противодействию экстремизму, однако, как и в ряде рассмотренных стран, нередко интерпретируют экстремизм как крайнюю разновидность терроризма, подчёркивая глобальный характер угрозы экстремизма мировому обществу. Тем самым формируется единая рамка восприятия опасности, но одновременно возникает методологическая сложность из-за

[3] France Counter-Terrorism legislation // Legislation database of OSCE Participating States: [сайт]. URL: https://www.legislationline.org/topics/country/30/topic/5 (дата обращения: 04.02.2026).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

тенденции к сближению двух понятий, не полностью совпадающих по содержанию.

МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

В европейских государствах противодействие экстремизму в последние годы развивается как комплексная система, объединяющая меры безопасности, профилактические механизмы, правовое регулирование и социальную работу с группами риска. Общая логика этой системы состоит в том, что государственные органы стремятся действовать не только на стадии уже совершённого правонарушения, но и на более ранних этапах, когда возможно предупредить дальнейшую радикализацию. По этой причине в практику включаются инструменты раннего выявления угроз, межведомственной координации, индивидуального сопровождения и последующего контроля устойчивости достигнутых результатов. Такой подход позволяет рассматривать противодействие экстремизму как непрерывный процесс, в котором правоприменительные меры сочетаются с профилактикой и адресной поддержкой.

Существенное методическое значение для европейской практики имеет модель «управления случаем», когда работа строится по последовательным этапам: выявление признаков риска, оценка ситуации, подготовка индивидуального плана, реализация согласованных мер, мониторинг и оценка итогов. Дж. Льюис и С. Марсден подчёркивают, что именно структурированный характер такой работы повышает управляемость программ и позволяет преодолевать разрывы между различными учреждениями [11, p. 2]. Важной особенностью здесь является распределение случаев по уровням риска, поскольку от этого зависят интенсивность сопровождения, состав специалистов и набор применяемых мер. В практическом отношении это означает, что профилактика в Европе всё чаще строится не по универсальной схеме, а в индивидуализированном формате, где учитываются мотивационные, социальные и поведенческие характеристики конкретного лица.

При этом сама по себе процедура «управления случаем» не гарантирует результата, если не обеспечены единые рабочие стандарты и профессиональная подготовка специалистов. В исследованиях отмечается, что наиболее устойчивый эффект

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

достигается там, где есть согласованность ведомственных протоколов, достаточные ресурсы и регулярная переоценка риска на ключевых этапах сопровождения. В этом смысле европейский опыт показывает, что качество реализации важнее формального наличия программы. Если оценка риска проводится поверхностно, а взаимодействие между структурами носит эпизодический характер, даже формально правильная модель теряет эффективность и превращается в набор слабо связанных действий.

Великобритания представляет пример наиболее институционально оформленной модели, где профилактический компонент включён в общую контртеррористическую архитектуру. В стратегии CONTEST зафиксировано, что противодействие угрозам строится одновременно по направлениям предупреждения, пресечения, защиты и готовности к реагированию[4]. Это означает, что государственная политика ориентирована не только на наказание и расследование, но и на снижение уязвимости общества, ограничение возможностей для экстремистской активности и подготовку органов к действиям в кризисных ситуациях. В такой системе профилактика связана с деятельностью образовательных, социальных и медицинских структур, что расширяет возможности раннего выявления проблемных случаев и делает вмешательство более адресным.

Одновременно британский опыт показывает, что масштабные системы требуют постоянной корректировки. Независимый обзор У. Шоукросса обращает внимание на необходимость поддерживать точный фокус программы «Предупреждение» на задачах именно контрэкстремистского характера и избегать чрезмерного расширения мандата[5]. Для практики это важно, поскольку размытые критерии включения могут приводить к перегрузке системы и снижению качества работы с действительно опасными случаями. В этом контексте особое значение приобретают регулярный внешний аудит, единые методические требования к первичной диагностике и подготовка специалистов, способных корректно различать социальную

[4] HM Government. CONTEST: The United Kingdom's Strategy for Countering Terrorism 2023. London, 2023. 78 p.

[5] Shawcross W. Independent Review of Prevent, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.uk/government/publications/independent-review-of-prevents-report-and-government-response/independent-review-of-prevent-accessible (дата обращения: 04.02.2026).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

уязвимость и признаки идеологически мотивированной радикализации.

Немецкий подход отличается более выраженной децентрализацией и широким участием специализированных организаций, в том числе негосударственного сектора. Такая конфигурация позволяет применять более гибкие модели сопровождения и адаптировать меры к различным типам радикализационных траекторий. Д. Кёлер отмечает, что сильной стороной германской практики является сочетание индивидуальной работы, программ выхода из экстремистской среды, семейно-ориентированных форм поддержки и длительного постпрограммного наблюдения [9, с. 59]. Важнейший методический вывод германского опыта состоит в том, что результат должен оцениваться не как одномоментный успех, а как длительная динамика снижения риска. По этой причине особое место занимает повторная оценка ситуации после завершения основной фазы сопровождения, когда проверяется устойчивость отказа от насильственных практик и прочность социальных связей, способствующих ресоциализации.

Французская практика, напротив, демонстрирует модель более централизованного управления при многоуровневой реализации мер на местах. Ф. Ланэ указывает, что французская политика прошла этап перехода от преимущественно силового реагирования к комплексной системе предупреждения радикализации [10, p. 106]. В рамках этой системы разграничиваются уровни профилактики: широкий профилактический контур для уязвимых групп, адресная работа с лицами повышенного риска и специализированное сопровождение в наиболее сложных случаях. Такой подход позволяет сочетать единое стратегическое управление с практической деятельностью территориальных структур. Одновременно французский опыт показывает, что при централизованной модели особенно важно поддерживать обратную связь с местным уровнем, иначе унифицированные решения могут не учитывать региональных и социальных особенностей конкретных групп.

Отдельным и всё более значимым направлением в европейских странах является профилактика в образовательной среде. Р. М. Махниковски и С. Космынка, анализируя практики Франции и Испании, подчёркивают, что образовательные учреждения рассматриваются как ключевая площадка раннего выявления признаков радикализации и формирования устойчивости к экс-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

тремистскому контенту [12, p. 74]. Речь идёт не о разовых просветительских мероприятиях, а о системной работе, включающей подготовку педагогов, алгоритмы межведомственного взаимодействия, участие семьи и социального окружения. Эффективность таких программ повышается, когда школа, профильные службы и родители действуют в координации и используют единые критерии оценки тревожных сигналов. В противном случае образовательные меры остаются фрагментарными и не обеспечивают долгосрочного профилактического эффекта.

Важное место в европейских моделях занимает информационное направление, поскольку распространение экстремистских идей в цифровой среде является одним из главных каналов радикализации молодёжи. В этой связи государства усиливают мониторинг сетевой среды, совершенствуют правовые механизмы ограничения доступа к противоправному контенту и развивают формы межгосударственного взаимодействия по выявлению трансграничных источников пропаганды.

Однако практика показывает, что исключительно ограничительные меры недостаточны. Для устойчивого результата они должны сочетаться с профилактическими действиями: развитием медиаграмотности, формированием критического восприятия информации и созданием позитивных содержательных альтернатив, ориентированных на молодёжную аудиторию. Такой баланс между ограничением деструктивного контента и развитием устойчивости пользователей становится важным условием эффективности цифровой профилактики.

Системный анализ европейского опыта позволяет выделить несколько устойчивых методических линий противодействия экстремизму. Во-первых, это переход к риск-ориентированной профилактике, где меры принимаются на основе оценки вероятности эскалации. Во-вторых, это персонализация работы через механизмы «управления случаем», позволяющая увязать задачи безопасности и социальной стабилизации.

В-третьих, это межведомственная координация, без которой невозможно обеспечить непрерывность сопровождения и сопоставимость решений разных структур. В-четвёртых, это долгосрочный мониторинг после завершения интенсивной фазы программы, поскольку риск возврата сохраняется и требует повторной диагностики. В-пятых, это институционализация внешней оценки, необходимой для корректировки программ и поддержания их практической результативности.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

Отдельно следует подчеркнуть, что различия между Великобританией, Германией и Францией касаются прежде всего организационной формы, а не базовой логики противодействия экстремизму. В одних странах преобладает более централизованная модель, в других – более децентрализованная, однако в обоих случаях решающее значение имеют качество отбора случаев, профессионализация исполнителей, устойчивость межведомственных процедур и способность системы к самообновлению. Именно эти параметры определяют, превращается ли профилактика в реально работающий механизм или остаётся формальным набором деклараций.

С практической точки зрения для дальнейшего развития европейских подходов ключевыми являются три задачи. Первая – повышение точности первичной оценки риска, чтобы ресурсы направлялись на случаи с реальной вероятностью насильственной радикализации. Вторая – укрепление кадрового потенциала, включая специализированную подготовку сотрудников образования, социальной сферы и правоохранительных органов для согласованной работы в едином методическом поле. Третья – развитие единых критериев оценки результатов, позволяющих сопоставлять эффективность программ в разных регионах и странах. Без решения этих задач даже значительные организационные и финансовые ресурсы не дают максимального эффекта.

Таким образом, европейский опыт подтверждает, что противодействие экстремизму эффективно только как комплексная и длительная политика, сочетающая правовые, организационные, профилактические и социальные меры. Результат обеспечивается там, где раннее выявление подкреплено адресным сопровождением, межведомственная координация имеет устойчивый процедурный характер, а завершение программы не означает прекращения контроля над динамикой риска. В этом контексте наиболее перспективной представляется модель, при которой государство одновременно поддерживает институциональную гибкость, доказательный подход к оценке и стратегическую преемственность мер на международном, национальном и региональном уровнях. Такой подход позволяет не только снижать текущие угрозы, но и формировать долгосрочную устойчивость общества к экстремистским воздействиям.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый в статье сравнительный анализ опыта противодействия экстремизму в Великобритании, Германии и Франции позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Установлено, что, несмотря на отсутствие унифицированного правового определения экстремизма в законодательстве рассмотренных государств, их антиэкстремистская политика демонстрирует содержательное сходство в части стратегических приоритетов. К таким приоритетам относятся развитие превентивных механизмов раннего выявления радикализации, интеграция правовых и социальных мер воздействия, усиление контроля информационного пространства, а также формирование устойчивости общества к экстремистскому влиянию. Общей тенденцией является переход от преимущественно репрессивной модели реагирования к комплексной системе, интегрирующей правовые, профилактические, социальные и информационные меры. При этом ключевым элементом эффективности становится не столько степень жёсткости законодательства, сколько способность государства выстраивать непрерывный процесс управления рисками радикализации на всех стадиях – от раннего выявления до долгосрочной ресоциализации.

Сравнительный анализ позволяет констатировать, что различия между национальными моделями носят преимущественно институционально-организационный характер. В Великобритании сформирована наиболее централизованная система, интегрированная в контртеррористическую архитектуру; в Германии акцент сделан на децентрализованную сетевую координацию с активным участием институтов гражданского общества; Франция демонстрирует эволюцию от силового реагирования к централизованно управляемой, но многоуровневой профилактической стратегии. При всём разнообразии организационных форм общим знаменателем результативности выступают: точность первичной диагностики, профессионализация исполнителей, процедурная устойчивость межведомственного взаимодействия и наличие обратной связи с локальным уровнем реализации мер.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что все три страны сталкиваются с типовыми проблемами институционального дизайна: риском чрезмерного расширения мандата

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

профилактических программ, дефицитом валидированных методик оценки риска, фрагментацией ведомственных протоколов и недостаточной сопоставимостью критериев эффективности. Решение указанных проблем видится не в унификации национальных моделей, а в развитии методологической базы и стандартизации оценочных процедур при сохранении институциональной гибкости.

С практической точки зрения обобщённый европейский опыт позволяет сформулировать ряд рекомендаций, значимых для совершенствования как национальных стратегий, так и форматов международного сотрудничества. Во-первых, целесообразно дальнейшее развитие адаптационных и ресоциализационных программ для молодёжи из групп риска с акцентом на индивидуализацию сопровождения и длительный постпрограммный мониторинг. Во-вторых, требуется повышение эффективности контроля информационного пространства, предполагающее не только блокировки деструктивного контента, но и системное формирование у пользователей устойчивости к деструктивной информации через развитие медиаграмотности и создание позитивных альтернатив. В-третьих, представляется целесообразным развитие форм взаимодействия в части гармонизации понятийного аппарата, обмена апробированными методиками раннего выявления и сопоставимости результатов оценки программ. Вместе с тем следует учитывать, что реализация подобных форм взаимодействия в современных условиях может быть ограничена существующими политическими противоречиями.

Таким образом, проведённый сравнительный анализ показывает, что эффективность противодействия экстремизму определяется не столько формальными особенностями правового регулирования, сколько способностью государства выстраивать комплексную систему, сочетающую профилактические, правовые и социальные меры. При различиях в институциональной организации Великобритании, Германии и Франции их подходы характеризуются общностью в ориентации на раннее выявление рисков радикализации, персонализацию профилактической работы и усиление контроля информационного пространства. Это позволяет рассматривать противодействие экстремизму как длительный и многоуровневый процесс, требующий согласованности действий различных институтов и постоянной адаптации к изменяющимся усло-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

виям. Вместе с тем полученные результаты свидетельствуют об ограниченной универсальности рассматриваемых практик, поскольку их эффективность во многом обусловлена спецификой национальных правовых систем, институциональной среды и социально-политического контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев Ю. И., Гуськов А. Я. Современный экстремизм: понятие, структура, связь с терроризмом // Экстремизм и другие криминальные явления. М.: Росийская криминологическая ассоциация, 2008. С. 12–16.
2. Болычев Н. И. О зарубежном опыте правового регулирования противодействия экстремизму в сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. №3. С. 209–214.
3. Демидова Е. В. Экстремизм: понятие и сущность // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. №2. С. 66–69.
4. Дробижева Л. М., Паин Э. А. О социальных предпосылках терроризма // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. М., 2003. С. 41–74.
5. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Экстремизм в мировом пространстве: теоретико-методологический аспект // Вестник Казанского технологического университета. 2011. №17. С. 214–221.
6. Рузавина А. К. Определение экстремизма в современном научном дискурсе // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2021. Т. 35. С. 9–15.
7. Савинов Л. В. Исследование и экспертиза экстремистских материалов // Социально-гуманитарные науки. 2011. №4. С. 117–126.
8. Сокол В. Ю. Особенности деятельности Ведомства по охране Конституции Германии по выявлению экстремистских и террористических преступлений // Общество: политика, экономика, право. 2015. №2. С. 45–58.
9. Koehler D. De-radicalisation and disengagement programmes in Germany // Revista CIDOB d'Afers Internacionals. 2021. №128. P. 59–80.
10. Lahnaït F. The prevention of radicalisation in France // Revista CIDOB d'Afers Internacionals. 2021. №128. P. 105–130.
11. Lewis J., Marsden S. Counter-radicalisation case management interventions: Findings from a Campbell systematic review // Aggression and Violent Behavior. 2025. №82. P. 1–17.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

12. Machnikowski R. M., Kosmynka S. Initiatives to prevent radicalisation in Spanish and French educational establishments // Security and Defence Quarterly. 2025. №51. P. 74–93.

13. Sotlar A. Some Problems with a Definition and Perception of Extremism within a Society [Электронный ресурс] // Policing in Central and Eastern Europe: Dilemmas of Contemporary Criminal Justice. [2004]. URL: https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/Mesko/208033.pdf (дата обращения: 18.01.2026).

14. Trip S., Bora C. H., Marian M. Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization [Электронный ресурс] // Frontiers in Psychology. 2019. URL: https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2019.00437/full (дата обращения: 18.01.2026).

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

ARTICLE INFORMATION

Authors

Alexander P. Kochetkov

- e-mail: apkoch@mail.ru,
  Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Deputy Head, Department of Russian Politics,
  Lomonosov Moscow State University
  Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

Fedor R. Prilutsky

- e-mail: fedya.priluczkij@mail.ru,
  Postgraduate Student, Department of Russian Politics, Faculty of Political Science,
  Lomonosov Moscow State University
  Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Kochetkov, A. P., Prilutsky, F. R. (2026). On European Experience in Countering Extremism. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To define the concept of extremism and provide a comparative analysis of countering extremism in the UK, Germany, and France.

Methodology. The article analyses the theoretical aspects and main approaches of domestic and foreign researchers to the content of the extremism concept. The method of structural-functional approach, comparative method, comparative legal method, and the method of the system approach are applied.

Results. The analysis showed that there is no single legal definition of extremism in the countries under consideration, and approaches to countering it vary. In the UK, extremism is defined through opposition to basic values, in Germany the emphasis is on preventive and preventive measures, in France – on strict control of Internet content with fragmented legislation. It has been established that the general trend is towards international standards and a combination of preventive and repressive measures.

Research implications. The article summarizes the foreign experience of countering extremism. Proposals have been formulated to improve

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru
www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru
www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

international cooperation, including the development of adaptation programs for young people, improving the effectiveness of control in the information space and creating positive content.

Keywords

extremism, countering extremism, legal regulation, comparative analysis, Great Britain, Germany, France

References

1. Avdeev, Yu. I. & Guskov A. Ya. (2008). Modern Extremism: Concept, Structure, Connection with Terrorism. In: *Extremism and Other Criminal Phenomena*. Moscow: Russian Criminological Association publ., pp. 12–16 (in Russ.).
2. Bolychev, N. I. (2015). On Foreign Experience of Legal Regulation of Counteracting Extremism on the Internet. In: *Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 3, 209–214 (in Russ.).
3. Demidova, E. V. (2010). Extremism: Concept and Essence. In: *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 2, 66–69 (in Russ.).
4. Drobizheva, L. M. & Pain, E. A. (2003). On the Social Prerequisites for Terrorism. In: *Terrorism In the Modern World: Origins, Essence, Directions, and Threats*. Moscow, pp. 41–74 (in Russ.).
5. Zinurova, R. I. & Tuzikov, A. R. (2011). Extremism in the Global Space: Theoretical and Methodological Aspect. In: *Bulletin of Kazan Technological University*, 17, 214–221 (in Russ.).
6. Ruzavina, A. K. (2021). Definition of Extremism in Modern Scientific Discourse. In: *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*, 35, 9–15 (in Russ.).
7. Savinov, L. V. (2011). Research and Expertise of Extremist Materials. In: *Social and Humanitarian Sciences*, 4, 117–126 (in Russ.).
8. Sokol, V. Yu. (2015). Features of the Activities Performed by the Office for the Protection of the Constitution of Germany in Identifying Extremist and Terrorist Crimes. In: *Society: Politics, Economics, Law*, 2, 45–58 (in Russ.).
9. Koehler, D. (2021). De-Radicalisation and Disengagement Programmes in Germany. In: *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*, 128, 59–80.
10. Lahnaït, F. (2021). The Prevention of Radicalisation in France. In: *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*, 128, 105–130.
11. Lewis, J. & Marsden, S. (2025). Counter-Radicalisation Case Management Interventions: Findings from a Campbell Systematic Review. In: *Aggression And Violent Behavior*, 82, 1–17.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

12. Machnikowski, R. M. & Kosmynka, S. (2025). Initiatives To Prevent Radicalisation in Spanish and French Educational Establishments. In: *Security and Defence Quarterly*, 51, 74–93.

13. Sotlar, A. (2004). Some Problems with a Definition and Perception of Extremism Within a Society. In: *Policing In Central and Eastern Europe: Dilemmas of Contemporary Criminal Justice*. URL: Https://Www.Ncjrs.Gov/Pdffiles1/Nij/Mesko/208033.Pdf (accessed: 18.01.2026).

14. Trip S., Bora C. H. & Marian M. (2019). Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization. In: *Frontiers in Psychology*. URL: Https://Www.Frontiersin.Org/Journals/Psychology/Articles/10.3389/Fpsyg.2019.00437/Full (accessed: 18.01.2026).

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Кочетков А. П., Прилуцкий Ф. Р., 2026

УДК 323.2

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКСПЕРТНОГО УЧАСТИЯ

Окороков Михаил Дмитриевич

- e-mail: misha okorokov@yahoo.com;
  аспирант Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере факультета государственного управления в сфере культуры и спорта;
  Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
  119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Окороков М. Д. Сохранение культурного наследия: потенциал общественно-экспертного участия // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 07.05.2026
- Статья размещена на сайте 26.06.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация
Ключевые слова
Введение
Роль государства в сохранении культурного наследия
Добровольчество и сохранение культурного наследия
Федеральные и общественные инициативы в области сохранения культурного наследия
Заключение
Литература
Article information

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Окороков М. Д., 2026

АННОТАЦИЯ

Цель. Определить потенциал общественно-экспертного участия в деятельности по сохранению культурного наследия, понимаемой как интеграция усилий государства и добровольческих движений.

Процедуры и методы. В ходе исследования был проведён политологический анализ правового регулирования, изучены государственные программы, волонтёрские практики (включая движение «Волонтёры культуры», фестиваль «Том Сойер Фест», деятельность ВООПиК) и механизмы публичного мониторинга состояния объектов наследия.

Результаты. Установлено, что участие общества в сохранении историко-культурного наследия заключается в привлечении экспертов в процесс принятия государственных решений в данной сфере. Эффективность деятельности по сохранению наследия зависит от развитости институтов соучастия государства и волонтёрских организаций. Сделан вывод, что сохранение историко-культурного наследия является долгосрочной инвестицией в национальную идентичность и нравственное здоровье будущих поколений.

Теоретическая и практическая значимость. Предложены рекомендации по развитию интегративного механизма, объединяющего государственные инициативы и добровольческие движения в сфере охраны культурного наследия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

культурное наследие, национальная идентичность, общественно-экспертное участие, волонтёры культуры, сохранение памятников, гражданское воспитание, краудсорсинг

ВВЕДЕНИЕ

В современной дискуссии о факторах сохранения культурного наследия, разворачивающейся на страницах научной литературы, можно выделить основные концептуальные поля – материальная база, культурная память, ценностная система и проблемы идентичности. Именно они определяют многообразие исследовательских стратегий при осмыслении феномена культурного наследия. По-разному понимаются и роли государства и общественности – от пассивного «пользования» наследием до полноправного соучастия в его управлении.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Окороков М. Д., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

В понимании сохранения культурного наследия доминирует подход практический, благодаря которому культурное наследие становится объектом исследования правовых и имущественных отношений. Указывается также на то, что наследие является важным материальным фактором развития туризма, городской экономики и может служить источником для модернизации, если его ценности интегрируются в новые социально-экономические проекты.

При таком подходе гражданское участие чаще всего сводится либо к согласовательным процедурам (публичные слушания, доступ к информации об объектах), либо к волонтёрству при реставрации. Этот подход хорошо виден в европейских странах, где власти привлекают локальные сообщества, НПО и экспертов, формализуя диалог через институты общественных советов. Однако при доминировании практического взгляда на наследие его трактовка как системы нравственных ценностей остаётся недоосмысленной [5].

Политологический подход переопределяет понимание культурного наследия, смещая фокус с его вещественной ценности на его политическую роль. С этой точки зрения культурное наследие – это не просто то, что досталось от предков, а то, что сегодня служит инструментом государственного управления и ареной для разрешения политических конфликтов. Основой этого подхода выступают вопросы власти, идентичности и идеологии: кто, как и с какой целью выбирает, интерпретирует и использует определённые элементы культурного наследия прошлого в настоящем. Подобный ракурс позволяет исследовать природу культурного наследия как пространства символической борьбы (П. Бурдьё), в котором различные акторы – от государства до локальных сообществ – конкурируют за монополию на легитимную репрезентацию истории и, как следствие, за символический капитал, обеспечивающий политическое влияние. В данном контексте необходимо исследовать культурное наследие как ключевой инструмент в формировании коллективной памяти и «политики памяти».

Государство использует культурное наследие для укрепления общенациональной идентичности, формирования патриотизма и консолидации общества. Культурное наследие выступает в роли «символического капитала», который поддерживает социальную стабильность и политическую легитимность, особенно в периоды трансформаций. В последние годы

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Окороков М. Д., 2026

особенно в российской политике акцент смещается на защиту традиционных духовно-нравственных ценностей как ключевого элемента культурного наследия, который напрямую связан с национальной безопасностью и суверенитетом. Это формирует особый вектор государственной культурной политики.

С точки зрения *международных отношений* культурное наследие является мощным ресурсом «мягкой силы». Оно используется для построения международного сотрудничества и поддержания имиджа страны. Это включает участие стран в программе Всемирного наследия ЮНЕСКО, организацию международных выставок, реализацию совместных проектов по сохранению и реституции культурных ценностей. Защита наследия всё чаще рассматривается государствами как полноценный инструмент внешней политики. Получение статуса объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО – это не просто признание культурной ценности, но и важный элемент престижа на мировой арене. Государства активно конкурируют за включение своих объектов в список, что позволяет им продвигать идею национальной идентичности и получать международное признание.

В современном политическом дискурсе культурное наследие всё чаще рассматривается через призму международной безопасности. Защита культурного наследия (особенно в условиях вооружённых конфликтов) воспринимается как вопрос национальной и даже международной безопасности [5]. Это связано с появлением феномена «культурной зачистки» – целенаправленного уничтожения памятников культурного наследия как части военной стратегии.

«Культурологический подход определяет наследие как совокупность результатов материального и духовного производства прошлых эпох, подлежащих критической оценке и использованию в контексте современных задач» [5]. В этом ракурсе гражданское участие перестаёт быть лишь процедурой или ресурсом – оно становится способом эмоциональной идентификации человека с объектами культурного наследия, благодаря которой последние становятся значимыми, ценными, “своими”. Несмотря на лавинообразный рост инноваций, связь с прошлым никогда не утрачивается. «Выработка адекватных стратегий актуализации (а не просто сохранения) наследия напрямую зависит от определения его онтологических оснований. Именно гражданское участие, понятое как диалог между

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Окороков М. Д., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

разными субъектами (властью, экспертами, сообществами), способно реализовать “обратную перспективу”: раскрыть феномен наследия через его смыслопорождающую функцию в современном обществе, даже когда основные процессы дифференциации иерархий культурной памяти разворачиваются в профанном, десакрализующем пространстве», – отмечает А. А. Никонова [5].

Культурное наследие представляет собой два структурных элемента: ядро, которое образуют традиции и ценности, и внешнюю оболочку, представленную памятниками и материальными объектами. Гражданское участие в деле сохранения наследия разворачивается преимущественно именно в вопросах “внешней оболочки”: обсуждения охранных зон, реставрационных проектов, туристической нагрузки [5].

Цель настоящего исследования заключается в определении реального потенциала общественно-экспертного участия в сохранении культурного наследия, где интеграция государственных инициатив и усилия добровольческих движений выступают как единый эффективный ресурс.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В Российской Федерации уделяется особое внимание проблемам сохранения культурного наследия в контексте объединения вопросов традиционных духовно-нравственных ценностей и гражданского участия в этом процессе [4].

Управление историко-культурным наследием – важный элемент в политике государства, поскольку, как показывает мировой опыт, обращение к историческим корням способствует решению больших комплексных задач развития страны [2; 3; 7; 8].

В современной России проблеме сохранения культурного наследия уделяется большое внимание. На заседании Совета Федерации была отмечена необходимость совместной работы центра и регионов по созданию персональной «дорожной карты» для сохранения объектов культурного наследия.

По итогам X Парламентского форума «Историко-культурное наследие» (Великий Новгород, сентябрь 2025 г.) Председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко предложила, а Президент России поддержал проведение заседания Госсовета РФ на

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Окороков М. Д., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

тему: «О сохранении историко-культурного наследия России во всём его многообразии, включая материальные и духовные ценности, историко-документальное наследие»[1]. В настоящее время совместно с Администрацией Президента и Минкультуры РФ ведётся подготовка к этому мероприятию.

Был также отмечен контекст нематериального наследия: в развитие закона о нематериальном этнокультурном достоянии формируется федеральный реестр. На сегодняшний день в него включено порядка 90 объектов. Среди них – тувинское горловое пение хоомей, башкирский курай, оренбургский пуховый платок, дагестанское золотное шитьё, дымковская игрушка и елецкое кружево. Эти объекты получили «государственные охранные грамоты» и будут сохранены для потомков.

22 апреля 2026 г. прошло расширенное заседание комиссии Госсовета России по направлению «Культура и традиционные духовно-нравственные ценности». На нём был дан старт подготовке к заседанию Государственного совета, которое состоится в объявленный Президентом Год единства народов России и будет посвящено сохранению историко-культурного наследия страны. В заседании приняли участие помощник Президента, секретарь Госсовета А. Г. Дюмин, председатель комиссии, губернатор Севастополя М. В. Развожаев, министр культуры О. Б. Любимова, а также представители Администрации Президента, Совета Федерации, Госдумы, регионов, учреждений культуры и науки. Было подчёркнуто, что тема сохранения наследия неразрывно связана с укреплением традиционных ценностей и защитой самобытности народов России, отмечено, что комиссия определила ключевые направления работы: сохранение объектов культурного наследия, малых городов, историко-документального и нематериального наследия (народные промыслы, обряды, обычаи), а также сохранение исторической памяти. «Всё это в совокупности формирует культурный код России», – заявил секретарь Госсовета А. Г. Дюмин[2].

В 2025 г. были приняты законы, упрощающие ремонт мемориалов, создан портал для мониторинга состояния памятников, отменён запрет на публикацию сведений об археологическом наследии. Эта работа продолжается, и ряд важных за-

[1] Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/events/main_themes/174260 (дата обращения: 07.02.2026).

[2] Президент России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/administration/79598 (дата обращения: 04.05.2026).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Окороков М. Д., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

конопроектов, разработанных сенаторами, в настоящее время находится на рассмотрении в Государственной Думе[3].

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В последние годы в России наблюдается рост добровольческого движения, ориентированного на сохранение объектов культурного наследия. Волонтёры культуры не просто замещают дефицит рабочих рук – они формируют новую этику ответственного отношения к прошлому, становятся проводниками наследия в публичном пространстве [6].

Волонтёрство в сфере сохранения культурного наследия решает важнейшие воспитательные задачи, формируя понимание вклада предшествующих поколений, воспитывая социальную ответственность в процессе созидательного коллективного действия.

Наиболее востребованное и визуально заметное направление – непосредственная *физическая работа на объектах истории и архитектуры*. Последняя включает в себя:

– благоустройство прилегающих территорий – расчистку парковых зон, восстановление исторических дорожек, установку информационных стендов. Такая деятельность не требует специальной квалификации, но существенно улучшает восприятие объекта;

– очистку фасадов зданий. Здесь волонтёры работают под руководством реставраторов, используя щадящие методы: мягкие щётки, биорастворы и пр.;

– проведение мелких ремонтных работ – покраску рам, ремонт деревянных элементов, восстановление ограждений. Эти задачи часто выполняются в рамках фестивалей восстановления исторической среды;

– осуществление противоаварийных мероприятий – укрепление конструкций, навеску временных защитных сеток, консервацию фресок или лепнины. Данный формат требует контроля и надзора за работой волонтёров со стороны специалистов [1].

Как показывает практика, системная помощь волонтёров способна снизить нагрузку на муниципальные службы и уско-

[3] Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/events/main_themes/174260 (дата обращения: 03.05.2026).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Окороков М. Д., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

рить подготовку объектов к туристическим сезонам. Порталы blog.minkultura.ru[4], spbcult.ru[5], dobro.press[6] регулярно публикуют отчёты о таких акциях, подчёркивая их социальную значимость.

Сохранение наследия невозможно без изменения общественного сознания. Именно поэтому *просвещение* занимает второй по значимости блок. Волонтёры здесь выступают не столько как рабочие руки, сколько как модераторы знаний. Среди типов просветительских мероприятий квесты и интерактивные экскурсии – игровые форматы, знакомящие участников с историей зданий, судьбами владельцев, архитектурными стилями. Они особенно эффективны для молодёжной аудитории; мастер-классы – обучение традиционным ремёслам (резьба по дереву, ковка, кладка из исторического кирпича) или современным методам документирования наследия (фотограмметрия, 3D-моделирование); лекции и открытые дискуссии – выступления профессиональных историков, реставраторов, правоведов, разъясняющих ценность наследия и механизмы его защиты.

Главная цель этих акций, отмеченная на платформах dobro.ru и spbcult.ru, – превратить пассивных зрителей в активных защитников культурного наследия. Чем больше людей знают о конкретном памятнике, тем ниже риск актов вандализма в его отношении или незаконного сноса.

Цифровая эпоха открыла новую нишу для удалённого волонтёрства – работу с архивами, библиотеками и аудиофондами. Данное направление пока менее популяризировано, но его потенциал огромен. Среди актуальных направлений:

– расшифровка аудиоматериалов – перевод в текст воспоминаний старожилов, интервью с последними хранителями усадеб, записей диалектной речи. Готовые транскрипты становятся основой для краеведческих сайтов и музейных экспозиций;

– оцифровка и каталогизация старых фотографий, метрических книг, чертежей. Волонтёры могут создавать поисковые теги и аннотации, что ускоряет работу профессиональных архивистов;

[4] Блог Центра «Минком» [Электронный ресурс]. URL: blog.minkultura.ru (дата обращения: 19.03.2026).

[5] Культура Петербурга [Электронный ресурс]. URL: spbcult.ru (дата обращения: 19.03.2026).

[6] ДоброМедиа [Электронный ресурс]. URL: dobro.press (дата обращения: 19.03.2026).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Окороков М. Д., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

– генеалогические и биографические исследования – восстановление истории семей, связанных с усадьбами или городскими особняками. Эти данные часто позволяют обосновать охранный статус здания.

Практический опыт, описанный на сайте мэра Москвы, показывает, что для такого волонтёрства достаточно базовой компьютерной грамотности и усидчивости. Организаторы предоставляют удалённый доступ к отсканированным материалам и чёткие инструкции[7].

Устойчивое развитие добровольчества невозможно без системного обучения. Поэтому отдельным направлением выступает разработка и проведение *курсов для самих волонтёров*. Здесь особенно важны обучающие курсы – краткосрочные модули (от 2 до 6 занятий), охватывающие основы законодательства об объектах культурного наследия, технику безопасности при работах на высоте, принципы работы с деревом и камнем, методы фиксации утрат; «школа волонтёров наследия» – более глубокая программа (до 40 академических часов) с итоговой аттестацией, включающая лекции о материальном и нематериальном наследии, практикумы по консервации, тренинги по коммуникации с местными сообществами и т. п.[8]; повышение квалификации для лидеров групп – подготовка координаторов, которые могут самостоятельно организовать выезды, распределять задачи, взаимодействовать с инспекторами по охране памятников.

Содержательную базу этих программ, как указано на edu.dobro.ru и dobro.ru, передают профессиональные реставраторы, музееведы и юристы.

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ОБЛАСТИ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Перечисленные выше направления деятельности реализуются в рамках крупных федеральных и общественных инициатив. Рассмотрим наиболее влиятельные из них.

«Сохраняем наследие вместе» – федеральная программа, объединяющая волонтёров по всей России[9]. Её уникальность –

[7] Официальный сайт Мэра Москвы [Электронный ресурс]. URL: https://www.mos.ru (дата обращения: 03.05.2026).

[8] Официальный сайт проекта «Школа волонтёров наследия» [Электронный ресурс]. URL: https://dobro.ru/project/10059959 (дата обращения: 05.05.2026).

[9] Официальный сайт проекта «Сохраняем наследие вместе» [Электронный ресурс]. URL: https://dobro.ru (дата обращения: 05.05.2026).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Окороков М. Д., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

в многоуровневой структуре, включающей, во-первых, полевой трек – выезды на объекты (от деревянного зодчества до крепостных валов), знакомство с историей, инструктаж и восстановительные работы под контролем наставников; во-вторых, авторский трек – статьи, фотоочерки, создание контента для соцсетей, что позволяет масштабировать информационное сопровождение проектов; в-третьих, образовательный трек – подготовку новых участников через онлайн-курсы и очные интенсивы. По данным dobro.ru и spbcult.ru, за время существования программы к ней присоединились десятки тысяч человек, а число восстановленных объектов перевалило за сотню.

Другой важной инициативой является всероссийское общественное движение «*Волонтёры культуры*»[10]. Это движение выполняет роль системообразующей структуры, поскольку формирует региональные штабы и сообщества, стандартизирует методики работы (памятки, чек-листы, шаблоны отчётности), проводит ежегодные слёты и конкурсы лучших практик, интегрирует культурное волонтёрство в национальный проект «Культура». Движение помогло перейти от точечных субботников к системной работе с планами реставрации и государственно-частным партнёрством.

Любопытным является *«Том Сойер Фест»* – фестиваль восстановления исторической среды, зародившийся в Самаре и распространившийся на десятки городов[11]. Участники движения заняты сохранением рядовой исторической застройки, не имеющей высокой ценности (например, деревянных или кирпичных домов XIX – начала XX вв). Данные объекты не имеют статуса памятников федерального значения, но формируют уникальный облик провинциальных городов России. Волонтёры под руководством архитекторов и реставраторов: ремонтируют фасады, восстанавливают наличники; реконструируют фрагменты мостовых, дворовых скульптур; организуют праздники двора, возвращая зданиям социальную жизнь. Проект вдохновил аналогичные движения в Беларуси и Казахстане.

В числе важных многолетних инициатив следует назвать *волонтёрское движение ВООПиК*. Его институциональной основой является Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) – старейшая в России обще-

[10] Всероссийское общественное движение «Волонтёры культуры» [Электронный ресурс]. URL: https://dobrokultura.online (дата обращения: 01.05.2026).

[11] Фестиваль восстановления исторической среды «Том Сойер Фест» [Электронный ресурс]. URL: https://tsfest.ru (дата обращения: 12.04.2026).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Окороков М. Д., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ственная организация, которая занимается защитой и сохранением историко-культурного наследия. Общество образовано в 1966 г.

Сегодня ВООПиК создало собственное волонтёрское крыло. Его активность включает проведение экскурсий по малоизвестным, но ценным объектам, помощь в облагораживании территорий и субботниках, мониторинг состояния памятников, подготовку обращений в надзорные органы.

Наиболее авторитетной и массовой организацией в сфере сохранения культурного наследия Подмосковья является Московское областное отделение ВООПИиК, которое ведёт большую работу по сохранению историко-культурного облика региона[12]. Отделение объединяет городские, районные, поселковые подразделения, а также множество инициативных групп, краеведов и активистов, которые зачастую являются ведущими специалистами и экспертами в области охраны культурного наследия[13].

Анализ сайта организации показывает, что с первых лет создания Московское областное отделение было инициатором работ по реставрации и восстановлению объектов культурного наследия, в том числе крупнейших объектов зодчества. Общество принимало активное участие в финансировании работ по реставрации Саввино-Сторожевского, Иосифо-Волоколамского, Ново-Иерусалимского, Высоцкого, Хотьковского монастырей; Зарайского и Коломенского кремля, многих храмов в различных районах Подмосковья[14].

Анализ рассмотренных направлений и проектов показывает, что волонтёрство в сфере культурного наследия превратилось из эпизодического явления в полноценный институт гражданского участия. Практическая помощь, просвещение, архивная работа и образовательные программы дополняют друг друга, формируя экосистему, в которой каждый человек может найти свою роль.

[12] Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры [Электронный ресурс]. URL: https://voopik.ru (дата обращения: 05.05.2026).

[13] Официальный сайт Московского областного отделения ВООПИиК [Электронный ресурс]. URL: movoopik.com. (дата обращения: 10.04.2026).

[14] Официальный сайт Московского областного отделения ВООПИиК [Электронный ресурс]. URL: movoopik.com. (дата обращения: 10.04.2026).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Окороков М. Д., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сохранение и развитие историко-культурного наследия следует рассматривать не как статью расходов, а как долгосрочную инвестицию в национальную идентичность и нравственное здоровье будущих поколений.

Государство уделяет особое внимание делу сохранения историко-культурного наследия, разрабатывая соответствующую нормативно-правовую базу и вынося на обсуждение ключевые вопросы важнейших элементов процесса.

Вовлечение гражданского сообщества в процессы принятия государственных и управленческих решений в данной области выражается в том числе и в практиках привлечения властями граждан к решению проблем культурного наследия, создания институтов, через которые выстраивается диалог между государством и гражданским обществом. Однако, несмотря на постепенное распространение практик, основанных на открытом обсуждении, по-прежнему нередки нерешённые вопросы между жителями, властями и бизнесом из-за исторических объектов.

Сохранение культурного наследия – это не просто слова о национальной идентичности и воспитании. На деле всё это работает именно благодаря волонтёрству, которое с помощью соприкосновения с памятниками культурного наследия переводит отвлечённые понятия в разряд реального, прожитого опыта.

Вместо того чтобы оставаться зрителем, молодой человек становится действующим лицом: он очищает кирпич, записывает голоса старожилов, ведёт детей по этапам квеста. В такие моменты рождается не навязанное, а выстраданное чувство связи с прошлым – то, что и можно назвать настоящей идентичностью.

Развитие волонтёрских программ, описанных выше («Сохраняем наследие вместе», «Том Сойер Фест», движение ВОО-ПИК), доказывает, что новые поколения молодых людей включаются в добровольческую работу на объектах культуры, проходя через неё как через настоящую школу волонтёрства, тем самым поднимая в обществе запрос на бережное отношение к прошлому.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Окороков М. Д., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ЛИТЕРАТУРА

1. Анищенков Д. Как волонтеры помогают сохранять памятники истории и культуры // Блог центра «Минком» [Электронный ресурс]. URL: https://blog.minkultura.ru/kak-volontery-pomogayut-sohranyat-pamyatniki-istorii-i-kultury (дата обращения: 17.05.2026).
2. Гончарова А. В. Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. №1. С. 134–141.
3. Культурное наследие как основа национальной идентичности: Первые Панаринские чтения (Москва, 27 мая 2004 г.) / под ред. М. Н. Громова. М.: Государственная академия славянской культуры, 2005. 141 с.
4. Немцева Ю. С. Практики гражданского участия как форма выражения социокультурной идентичности жителей новых территорий России (на примере Луганской Народной Республики) [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2025. Т. 16. №4. DOI: 10.15862/49SCSK425 (дата обращения: 17.05.2026).
5. Никонова А. А. Культурное наследие и формирование идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2009. Вып. 2. С. 203–209.
6. Никифорова А. А. Памятники природно-культурного наследия в регионах ресурсного типа: особенности охраны. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного университета, 2013. 127 с.
7. Семина К. С., Рунова Н. Ю., Сагинова О. В. Роль некоммерческих организаций в системе сохранения культурного наследия: сравнительный анализ международной практики // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. №3. С. 843–858.
8. Фундаментальные аспекты культурологии: культурная идентичность: коллективная монография. М.: Институт Наследия, 2025. 328 с.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Окороков М. Д., 2026

ARTICLE INFORMATION

Author

Mikhail D. Okorokov

- e-mail: misha okorokov@yahoo.com,
  Postgraduate Student, Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanities,
  Lomonosov Moscow State University
  Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation

Okorokov, M. D. (2026). Preservation of Cultural Heritage: The Potential for Public and Expert Participation. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To determine the potential for public and expert participation in cultural heritage preservation activities, understood as the integration of state and volunteer efforts.

Methodology. The study included a political analysis of legal regulation, an examination of state programs, volunteer practices (including the "Volunteers of Culture" movement, the "Tom Sawyer Fest" festival, and the activities of the All-Russian Society for the Protection of Cultural Heritage), and mechanisms for public monitoring of the condition of heritage sites.

Results. It was established that public participation in the preservation of historical and cultural heritage involves engaging experts in government decision-making in this area. The effectiveness of heritage preservation activities depends on the development of institutions of participation between the state and volunteer organisations. It is concluded that the preservation of historical and cultural heritage is a long-term investment in national identity and the moral health of future generations.

Research implications. Recommendations are proposed for the development of an integrative mechanism uniting state initiatives and volunteer movements in the field of cultural heritage protection.

Keywords

cultural heritage, national identity, public-expert participation, cultural volunteers, preservation of monuments, civic education, crowdsourcing

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Окороков М. Д., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

References

1. Anishchenkov, D. How Volunteers Help Preserve Historical and Cultural Monuments. In: *Official Website of the Ministry of Culture*. URL: https://blog.minkultura.ru/kak-volontery-pomogayut-sohranyat-pamyatniki-istorii-i-kultury (accessed: 17.05.2026) (in Russ.).
2. Goncharova, A. V. (2022). Historical and Cultural Memory as a Condition for Preserving National Identity. In: *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 134–141 (in Russ.).
3. (2005). Cultural Heritage as the Basis of National Identity (May 27, 2004, State Historical Museum, Moscow, Red Square). In: Gromov, M. N., ed. *The First Panarin Readings*. Moscow: State Academy of Slavic Culture publ. (in Russ.).
4. Nemtseva, Yu. S. (2025). Civic Participation Practices as a Form of Expressing Sociocultural Identity of Residents of Russia's New Territories (Based on the example of the Lugansk People's Republic). In: *World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies*, 16 (4). DOI: 10.15862/49SCSK425 (accessed: 17.05.2026) (in Russ.).
5. Nikonova, A. A. (2009). Cultural Heritage and Identity Formation. In: *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6: Philosophy. Cultural Studies. Political Science. Law. International Relations*, 2, 203–209 (in Russ.).
6. Nikiforova, A. A. (2013). *Natural and Cultural Heritage Monuments in Resource-Type Regions: Protection Features*. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University publ. (in Russ.).
7. Semina, K. S., Runova, N. Yu. & Saginova, O. V. (2024). The Role of Non-Commercial Organisations in the System of Cultural Heritage Preservation: A Comparative Analysis of International Practice. In: *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 14 (3), 843–858 (in Russ.).
8. *Fundamental Aspects of Cultural Studies: Cultural Identity*. (2025). Moscow: Institute of Heritage publ. (in Russ.).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Окороков М. Д., 2026

УДК 159.99

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН-РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОБ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ УСПЕШНОСТИ

Чирковская Елена Георгиевна

- e-mail: chirkovskaya-eg@ranepa.ru;
  кандидат психологических наук, доцент, декан факультета оценки и развития управленческих кадров Института «Высшая школа государственного управления»;
  Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
  119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1,
  Российская Федерация

Клычникова Кристина Андреевна

- e-mail: klychnikova-ka@ranepa.ru;
  аспирант кафедры психологии личности в системах управления, директор центра современных кадровых технологий факультета оценки и развития управленческих кадров Института «Высшая школа государственного управления»;
  Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
  119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Чирковская Е. Г., Клычникова К. А. Представления женщин и мужчин-руководителей об управленческой успешности // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 13.04.2026
- Статья размещена на сайте 30.06.2026

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация
Ключевые слова
Благодарности
Введение
Результаты исследования представлений об управленческой успешности и их обсуждение
Возможности и ограничения управленческой успешности
Заключение
Литература
Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Формирование представлений об управленческой успешности, а также о том, что её определяет, через призму восприятия мужчин и женщин-руководителей системы государственного управления.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал контент-анализ. Проведён анализ открытых ответов 100 респондентов на тему представлений об управленческой успешности, а также о том, что её определяет. Проведён также сравнительный анализ представлений мужчин и женщин-руководителей в контексте исследования.

Результаты. По результатам проведённого исследования было выявлено, что представления женщин и мужчин-руководителей системы государственного управления о том, что такое управленческую успешность, имеют схожую структуру. Однако также были выявлены отличия в представлениях о том, за счёт чего может быть достигнута управленческая успешность. Кроме того, была представлена ранжированная система возможностей и ограничений, связанных с достижением управленческой успешности, в представлениях руководителей сферы государственного управления.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии представлений об управленческой успешности в системе государственного управления, что может выступать ориентиром и механизмом, детерминирующим как личностно-профессиональное и карьерное развитие личности в системах управления, так и развитие системы в целом.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственная гражданская служба, представления об управленческой успешности, руководители системы государственного управления, управленческая успешность

БЛАГОДАРНОСТИ

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к понятию успешности прослеживается ещё с давних времён, однако в современной психологической науке сохраняется ситуация отсутствия унифицированной и эмпирически верифицированной концепции успешности личности, а также не сформирована целостная теоретическая модель [4].

Управленческая успешность рядом исследователей рассматривается с точки зрения наличия определённых психобиографических факторов, которые выступают предикторами этой успешности [7; 12; 9; 5].

Рядом авторов исследуется целесообразность учёта комплексного взаимодействия как когнитивных, поведенческих, так и институциональных факторов, необходимых в рамках движения в карьерном пространстве и управленческом развитии [6].

В работах А. А. Деркача, А. Л. Журавлёва, О. Ю. Корниенко, В. Г. Зазыкина, А. В. Карпова, А. Н. Морозова и др. понятие успеха и успешности рассматривается в контексте профессиональной деятельности и психологии управления, в том числе через призму психолого-акмеологических аспектов.

В исследованиях Ю. В. Синягина, И. Б. Шебуракова рассматривается управленческая готовность и управленческий потенциал как один из ключевых факторов управленческой успешности наряду с достижением определённого уровня управленческой зрелости [8].

В контексте психологии управления и проблемы управленческой успешности руководителя вклад Г. М. Андреевой раскрывается через теоретическое осмысление феноменов лидерства и руководства [2].

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

В современной психологии управленческая успешность рассматривается как системная характеристика, объединяющая как достигнутые руководителем объективные показатели деятельности, так и его внутренние, субъективные критерии эффективности.

Ряд исследователей рассматривает понятие успешности в контексте именно профессиональной деятельности руководителя [1; 3; 10; 11].

Целью данного исследования является формирование системы представлений об успешности в контексте управленческой деятельности, а также о том, что её определяет в рамках системы государственного управления, через призму восприятия мужчин и женщин-руководителей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ УСПЕШНОСТИ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Исследование, проведённое авторами среди женщин и мужчин-руководителей сферы государственного управления, касалось в первую очередь представлений об управленческой успешности и о том, что именно определяет управленческую успешность в представлениях госслужащих. Актуальность изучения вопросов, связанных с управленческой успешностью, а также факторов, её детерминирующих, обусловлена потребностью в формировании системы представлений о данном комплексном феномене, а также в поиске возможных механизмов, понимание которых может быть полезно при выстраивании карьерных стратегий и стратегий, направленных на личностно-профессиональное развитие.

Всего в исследовании приняли участие 100 руководителей сферы государственного управления, среди них – 66% участников составили руководители-женщины и 34% – руководители-мужчины. Средний возраст респондентов – 40 лет. Большая часть респондентов представляет органы местного самоуправления (ОМСУ) – 58%, 38% руководителей являются представителями подведомственных государственным органам организаций, и 4% участников исследования работают на текущий момент в региональных органах исполнительной власти (РОИВы).

Респонденты являются финалистами регионального кадрового управленческого конкурса (100 финалистов из 2000 кандидатов), что говорит об определённом уровне их успешности

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

как управленцев. Большая часть респондентов – это управленцы первичного звена управления (88%) (руководитель первичного структурного подразделения, глава небольшого муниципального образования, заместитель руководителя укрупнённого структурного подразделения, начальника департамента и т. д.), а 12% респондентов – представители среднего управленческого звена (начальник департамента, управления, руководитель укрупнённой государственной организации областного / республиканского подчинения и т. д.).

В первой части исследования были проанализированы представления женщин и мужчин-руководителей о том, что такое управленческая успешность в целом. Респонденты давали открытые ответы на представленный вопрос, в дальнейшем свободные тезисы (269 высказываний) были проанализированы с помощью контент-анализа.

По результатам анализа ответов респондентов в таблице 1 отражены выделенные категории, а также представлено процентное распределение среди ответов женщин и мужчин-руководителей внутри данных категорий.

Таблица 1 / Table 1

Представления женщин и мужчин-руководителей об управленческой успешности, N=100 / Perceptions of managerial success among female and male executives, N=100

№	Категория	Женщины-руководители, %	Мужчины-руководители, %
1	Способность достигать цели / решать поставленные задачи	26	32
2	Умение управлять командой: мотивировать, вдохновлять, развивать	22	18
3	Личностные качества руководителя: лидерство, ответственность, стратегическое мышление, коммуникабельность, решительность, гибкость, стрессоустойчивость	15	15
4	Умение эффективно управлять ресурсами: временные, финансовые и т. д.	10	14

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

Продолжение **Таблицы 1 / Table 1.**

5	Организация процессов: планирование, управление, контроль	5	10
6	Создание комфортной среды / атмосферы в коллективе (доверие / сплочённость)	8	3
7	Личностно-профессиональное развитие / улучшение процессов в организации	6	3
8	Достижение признания / уважения / авторитета	2	1
9	Баланс интересов / устойчивость результатов	4	3
10	Высокая самооценка / субъективная удовлетворённость деятельностью / ощущение успеха	1	0

По результатам сравнительного анализа ответов мужчин и женщин можно сделать следующие выводы:

– достижение целей и решение поставленных задач – самая часто встречающаяся категория у обоих полов, но мужчины упоминают её чаще (32% против 26%);

– работа с командой значительно чаще отмечается женщинами (22% против 18%), что может указывать на их ориентацию на социальные аспекты управления;

– эффективность и оптимизация ресурсов чаще упоминаются мужчинами (14% против 10%);

– личные качества руководителя отмечаются обеими группами в равной степени (15%);

– создание благоприятной среды и развитие заметно чаще отмечают женщины (8% и 6% против 3% у мужчин).

– организация процессов чаще встречается в ответах мужчин (10% против 5%).

– остальные выделенные категории упоминаются реже, без существенных различий, кроме самооценки, которую отмечают только женщины-руководители.

Таким образом, женщины склонны определять управленческую успешность через социальные и развивающие аспекты,

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

в то время как мужчины делают акцент на результативности, эффективности и организационных процессах.

В таблице 2 представлены результаты анализа открытых ответов респондентов на тему, что способствует достижению управленческой успешности. Наиболее значимыми факторами управленческой успешности респонденты считают личные качества руководителя, работу с командой, профессионализм и стратегическое мышление. Коммуникативные навыки также играют важную роль.

Менее часто упоминаемыми, но существенными являются организаторские способности, принятие решений, ориентация на результат, лидерские качества, адаптивность и эмоциональный интеллект.

Результаты показывают, что успешность руководителя воспринимается как сочетание внутренних качеств, профессиональных компетенций и эффективного взаимодействия с коллективом.

Таблица 2 / Table 2

Представления женщин и мужчин-руководителей о том, что способствует достижению управленческой успешности, N=100 / Perceptions of female and male executives regarding factors contributing to managerial success, N=100

№	Категория	Женщины-руководители, %	Мужчины-руководители, %
1	Личные качества: ответственность, честность, решительность, уверенность, трудолюбие и др.	18	19
2	Работа с командой: мотивация, развитие сотрудников, сплочение коллектива, доверительные отношения	17	14
3	Профессионализм: опыт, знания, компетентность, образование, интеллект, навыки	15	16
4	Стратегическое мышление / целеполагание: видение перспективы, постановка целей, планирование, анализ	14	17
5	Коммуникативные навыки: умение общаться, слушать, выстраивать диалог	11	6

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Продолжение **Таблицы 2 / Table 2.**

6	Организаторские способности / делегирование / контроль: организация процессов, распределение задач, координация	7	8
7	Принятие решений / ответственность за решения: взвешенность, своевременность, ответственность	5	8
8	Ориентация на результат: результативность, достижение целей, продуктивность, эффективность	5	4
9	Лидерские качества: способность вести за собой, влиять, быть примером	4	4
10	Адаптивность / гибкость (умение адаптироваться к изменениям, перестраивать планы)	3	3
11	Эмоциональный интеллект (понимание эмоций, эмпатия, управление эмоциями)	3	1

Сравнение представлений женщин и мужчин-руководителей о том, что формирует управленческую успешность, и ключевые различия в ответах респондентов:

– коммуникативные навыки значительно чаще отмечают женщины (11% против 6% у мужчин);

– стратегическое мышление чаще упоминают мужчины (17% против 14%);

– принятие решений также чаще отмечают мужчины (8% против 5%);

– эмоциональный интеллект упоминается преимущественно женщинами (3% против 1%).

Профессионализм, работа с командой, организаторские способности и ориентация на результат имеют близкие значения у обеих групп.

Женщины чаще акцентируют коммуникативные аспекты и эмоциональный интеллект, что может отражать более выра-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

женную ориентацию на межличностные отношения и психологический климат в коллективе.

Мужчины несколько чаще подчёркивают стратегическое мышление и принятие решений, что указывает на более инструментально-результативный подход к управлению.

При анализе ответов на рисунке 1 на вопрос по теме, близка ли управленческая успешность респондентов к той, о которой они мечтали, наблюдается большая уверенность у мужчин-руководителей (73%), нежели у женщин-руководителей (64%), что может свидетельствовать о чуть большей склонности у мужчин к следованию ранее намеченному плану.

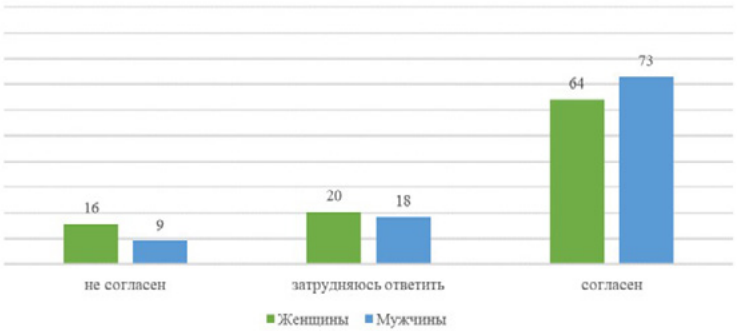

Рис. 1. / Fig. 1. Представления руководителей системы госуправления о том, насколько их управленческая успешность близка к той, к которой они стремились (%) / Perceptions of public administration system leaders about the extent to which their managerial success is close to what they aspire to (%)

При анализе ответов на рисунке 2 на вопрос по теме, насколько достигнут пик управленческой успешности, по мнению руководителей системы госуправления, наблюдается большая убеждённость у женщин-руководителей, что потенциал управленческой успешности ещё не раскрыт, в то время как 45% респондентов-мужчин реализовали свой потенциал управленческой успешности на 60–80% в настоящий момент.

Следующая часть исследования касалась отличий управленческой успешности мужчин и женщин. По результатам анализа было выявлено, что 39% женщин и 27% мужчин отмечают наличие отличий в управленческой успешности мужчин и женщин-руководителей (рис. 3).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

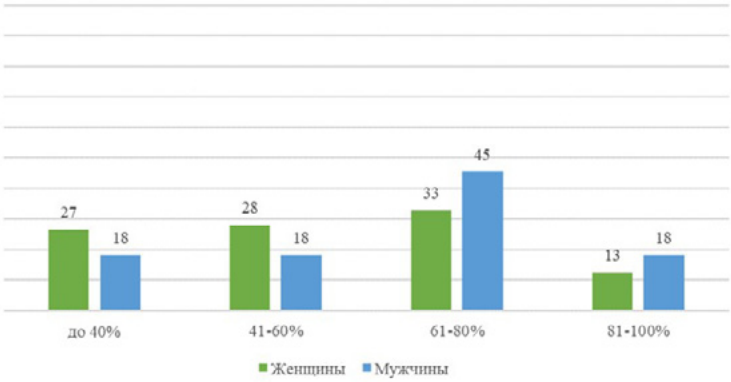

Рис. 2 / Fig. 2. Насколько достигнут пик управленческой успешности, по мнению руководителей системы госуправления (%) / To what extent has the peak of managerial success been reached according to the leaders of the public administration system (%)

Рис. 3 / Fig. 3. Наличие отличий управленческой успешности мужчин и женщин (%) / The presence of differences in managerial success between men and women (%)

По результатам анализа основных отличий управленческой успешности мужчин и женщин были выявлены четыре наиболее встречающиеся категории:

– стиль руководства и принятие решений;
– коммуникативные навыки и эмоциональный интеллект;
– влияние стереотипов и социальных ролей;
– мотивация и целеустремлённость.

Ниже представлены наиболее часто встречающиеся категории, ранжированные по частоте упоминания и значимости.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

1. Стиль руководства и принятие решений.

Респонденты противопоставляют демократичный, гибкий управленческий стиль женщин авторитарному и ориентированному на результат стилю мужчин. Женщины-руководители более демократичны, ориентированы на сотрудничество и коллектив. Принимают более взвешенные, уравновешенные и гибкие решения. Склонны учитывать мнение команды и избегать конфликтов. Мужчины-руководители более авторитарны, прямолинейны и ориентированы на результат, склонны к риску и быстрому, самостоятельному принятию решений.

2. Коммуникативные навыки и эмоциональный интеллект.

Респонденты отмечают различия в способах общения, эмпатии и эмоциональности, что напрямую влияет на построение отношений в коллективе. Женщины-руководители лучше развивают коммуникативные навыки, что помогает налаживать связи. Проявляют больше эмпатии, дипломатичности и гибкости в общении. Мужчины-руководители имеют более формальный и лаконичный стиль общения, фокусируются на фактах и задачах. Менее эмоциональны, что расценивается как «предсказуемость» и «твёрдость».

3. Влияние стереотипов и социальных ролей.

Многие респонденты указывают на то, что успех зависит не только от личных качеств, но и от общественных ожиданий и распределения семейных обязанностей. Отмечается наличие барьеров для женщин-руководителей: совмещение работы с семейными обязанностями воспринимается как препятствие, но некоторые отмечают, что это может способствовать развитию организованности. Существует стереотип, что женщине сложнее добиться признания, она должна проявлять больше упорства и дипломатии, чем мужчина, чтобы доказать свою компетентность. Преимущества для мужчин: меньше «домашних» забот, что позволяет больше времени уделять работе. Легче завоевать авторитет и доверие в коллективе, особенно смешанном.

4. Мотивация и целеустремлённость.

Различаются и внутренние движущие силы, по мнению опрошенных. Женщины более амбициозны и адаптивны к обстоятельствам, быстро обучаемы. Мотивированы на создание гармоничных отношений в коллективе. Мужчины более консервативны, но при этом решительны и нацелены на результат любой ценой (амбициозны в контексте достижения целей).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ УСПЕШНОСТИ

Возможности и преимущества, которые открывает управленческая успешность, по результатам анализа (проранжированы по убыванию степени значимости):

1. карьерный рост и продвижение (20%);
2. самореализация и личностный рост (13%);
3. развитие управленческих навыков и компетенций (13%);
4. материальное благополучие (9%);
5. признание, авторитет и уважение; достижение целей и результатов; развитие команды и мотивация сотрудников (8%);
6. влияние и реализация масштабных проектов (5%);
7. новые знакомства и профессиональные связи; удовлетворение от работы и позитивный настрой; стабильность и развитие организации (4%);
8. польза обществу и социальная значимость (3%).

Ограничения, которые сопутствуют достижению управленческой успешности, по результатам анализа (проранжированы по убыванию степени значимости):

1. нехватка времени / дисбаланс работы и личной жизни (21%);
2. стресс, эмоциональное выгорание, высокая нагрузка (18%);
3. проблемы с командой / коллективом – потеря связи с командой (15%);
4. повышенная ответственность и давление завышенных ожиданий (11%);
5. остановка в саморазвитии, «звёздная болезнь», самоуспокоенность, профессиональная деформация (8%);
6. зависть, недоброжелатели, конкуренты, предвзятость (6%);
7. неумение делегировать / повышенный контроль (5%);
8. трудности принятия решений / нерешительность (4%);
9. публичность, ограничение личной свободы, потеря приватности (3%);
10. ухудшение здоровья ввиду пренебрежения отдыхом (физическое и психическое) (3%);
11. недостаток ресурсов / кадров (3%);
12. конфликт интересов, размытие ценностей (2%);
13. внешние факторы и риски (нестабильная обстановка, внешние угрозы, действие конкурентов) (2%).

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведённого исследования было выявлено, что представления женщин и мужчин-руководителей системы государственного управления о том, что такое управленческая успешность, схожи. А именно: среди 10 выявленных категорий, определяющих управленческую успешность, первые три места при ранжировании занимают следующие:

– способность достигать цели / решать поставленные задачи;

– умение управлять командой: мотивировать, вдохновлять, развивать;

– личностные качества руководителя.

Однако также было выявлено наличие отличий в представлениях о том, за счёт чего может быть достигнута управленческая успешность. Анализ ответов показывает, что респонденты воспринимают управленческую успешность через призму полярных качеств. Женщина-руководитель видится как «социальный архитектор»: её сила в гибкости, коммуникации, эмпатии и умении поддерживать командный дух, несмотря на внешние барьеры и стереотипы. В то время как сильные стороны мужчины-руководителя в решительности, рациональности, склонности к риску и ориентации на результат, чему способствует меньшее давление со стороны социально-бытовых обязательств.

Основные выводы по возможностям, которые открывает управленческая успешность:

– наиболее часто респонденты связывают управленческую успешность с карьерным ростом (упоминается в более чем 75% ответов);

– высокую значимость имеют также самореализация и развитие навыков (около половины опрошенных);

– чуть реже, но устойчиво упоминаются материальные выгоды, признание и достижение целей;

– категории, связанные с командой, влиянием и нетворкингом, хотя и встречаются реже, подчёркивают многогранность возможностей, которые даёт успешное управление.

Таким образом, управленческая успешность воспринимается респондентами как комплексный ресурс, открывающий пути как для личного и профессионального развития, так и для улучшения материального положения и социального статуса.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Основные выводы по ограничениям управленческой успешности:

– наиболее часто респонденты указывают на дефицит времени и нарушение баланса между работой и личной жизнью (упоминается более чем в двух третях ответов);

– второй по частоте блок – стресс, высокие нагрузки и риск выгорания (более половины опрошенных);

– значительное число респондентов отмечают проблемы во взаимодействии с коллективом (конфликты, потеря обратной связи, снижение эмпатии);

– важными трудностями являются также рост ответственности и остановка в саморазвитии («звёздная болезнь»);

– менее распространённые, но устойчивые категории – зависть окружающих, проблемы делегирования, трудности принятия решений и ухудшение здоровья.

Таким образом, управленческая успешность, по мнению респондентов, сопряжена с серьёзными личными и организационными издержками, требующими осознанного управления собственными ресурсами и отношениями.

Несмотря на стереотипность многих высказываний, несколько респондентов резюмируют, что наиболее эффективным является руководитель, способный применять оба подхода в зависимости от ситуации, что указывает на понимание ценности андрогинного стиля управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаренок Н. В., Пономарева М. А. Мотивация управленческого персонала как фактор успешности профессиональной деятельности // Проблемы управления. 2021. №2. С. 30–36.
2. Андреева Г. М. Ролевой репертуар руководителя в условиях социальных трансформаций // Социальная психология и общество. 2011. №4. С. 5–14.
3. Биктагирова А. Р. Анализ подходов к исследованию управленческой деятельности и теоретических оснований изучения ее успешности // Наука и современность. 2011. №9-1. С. 257–261.
4. Зуева Е. Ю. Исследования «Я-концепции» успешности личности в психологии // Вестник Университета Российской академии образования. 2018. №5. С. 40–45.
5. Лебедева А. В., Селезнева Е. В., Чирковская Е. Г. Взаимосвязь фактов биографии и профиля управленческой готовности //

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. №4. С. 49–59.

6. Погребинская Е. А., Галактионов А. В. Факторы управленческой состоятельности в механизме продвижения кадрового резерва на управленческие позиции // Контроллинг. 2025. №3. С. 14–23.
7. Синягин Ю. В., Чирковская Е. Г. Применение психо-биографического подхода в оценке управленческой успешности // Личность: ресурсы и потенциал. 2020. №1. С. 54–58.
8. Синягин Ю. В., Шебураков И. Б. Управленческая зрелость как интегральная характеристика личности руководителя // Государственная служба. 2022. Т. 24. №6. С. 82–87. DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-6-82-87
9. Синягин Ю. В. Факторы, условия и биографические предикторы успешной управленческой карьеры в системе государственной гражданской службы // Государственная служба. 2019. Т. 21. №4. С. 6–21.
10. Спиваковский В. Е. Рефлексия профессиональной позиции как фактор успешности управленческой деятельности менеджеров среднего звена: дис. … канд. психол. наук. М., 2011. 168 с.
11. Чернышева Т. В. Успешность профессиональной деятельности руководителя // Актуальные исследования. 2021. №2. С. 103–106.
12. Чирковская Е. Г. Инструменты психобиографического анализа управленческой успешности в кадровой работе на государственной гражданской службе // Вестник экспертного совета. 2019. №4. С. 14–18.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

ARTICLE INFORMATION

Authors

Elena G. Chirkovskaya

- e-mail: chirkovskaya-eg@ranepa.ru,
  Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Dean of the Faculty of Evaluation and Development of Managerial Human Resource, the Graduate School of Public Management,
  Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
  prosp. Vernadskogo 82/1, Moscow 119571, Russian Federation

Kristina K. Klychnikova

- e-mail: klychnikova-ka@ranepa.ru,
  Postgraduate Student, Department of Psychology of Personality in Control Systems, Director of the Center of Modern Personnel Technologies of the Faculty of Evaluation and Development of Managerial Human Resources, the Graduate School of Public Management,
  Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
  prosp. Vernadskogo 82/1, Moscow 119571, Russian Federation

For citation

Chirkovskaya, E. G & Klychnikova, K. K. (2026). Perceptions of Managerial Success among Female and Male Executives. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To develop perceptions of managerial success and its determinants through the lens of male and female public administration leaders.

Methodology. Content analysis was the key research method. An analysis of open-ended responses from 100 respondents on their perceptions of managerial success and its determinants was conducted. A comparative analysis of the perceptions of male and female public administration leaders was also conducted within the context of the study.

Results. The study revealed that the perceptions of female and male public administration leaders about managerial success are similar in structure.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

However, differences were also identified in their understanding of the means by which managerial success can be achieved. Furthermore, a ranking system of opportunities and constraints associated with achieving managerial success was presented, as perceived by public administration leaders.

Research implications. The theoretical and practical significance lies in the revelation of concepts of managerial success in the public administration system, which can serve as a guide and mechanism for determining both the personal, professional, and career development of individuals within management systems, as well as the system as a whole.

Keywords

civil service, concepts of managerial success, public administration system leaders, managerial success

Acknowledgments

This article was prepared within the framework of the RANEPA state assignment research programme.

References

1. Azarenok, N. V. & Ponomareva, M. A. (2021). Motivation of Management Personnel as a Factor in the Success of Professional Activity. In: *Control Sciences*, 2, 30–36 (in Russ.).
2. Andreeva, G. M. (2011). Role Repertoire of a Leader in the Context of Social Transformations. In: *Social Psychology and Society*, 4, 5–14 (in Russ.).
3. Biktagirowa, A. R. (2011). Approach Analysis of the Study of Management Activity and Theoretical Foundations for Studying Its Success. In: *Science and Modernity*, 9-1, 257–261 (in Russ.).
4. Zueva, E. Yu. (2018). Research of the "Self-Concept" of Personal Success in Psychology. In: *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, 5, 40–45 (in Russ.).
5. Lebedeva, A. V., Selezneva E. V. & Chirkovskaya, E. G. (2019). The Relationship between Biography Facts and Managerial Readiness Profile. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 4, 49–59 (in Russ.).
6. Pogrebinskaya, E. A. & Galaktionov, A. V. (2025). Factors of Managerial Competence in the Mechanism of Advancing the Personnel Reserve to Managerial Positions. In: *Controlling*, 3, 14–23 (in Russ.).

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

7. Sinyagin, Yu. V. & Chirkovskaya, E. G. (2020). Application of the Psycho-Biographical Approach to Assessing Managerial Success. In: *Personality: Resources and Potential*, 1, 54–58 (in Russ.).

8. Sinyagin, Yu. V. & Sheburakov, I. B. (2022). Managerial Maturity as an Integral Characteristic of a Manager's Personality. In: *Public Service*, 24 (6), 82–87. DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-6-82-87 (in Russ.).

9. Sinyagin, Yu. V. (2019). Factors, Conditions, and Biographical Predictors of a Successful Managerial Career in the State Civil Service System. In: *Public Service*, 21 (4), 6–21 (in Russ.).

10. Spivakovsky, V. E. (2011). *Reflection of Professional Position as a Factor in the Success of Managerial Activities of Middle Managers:* [dissertation]. Moscow (in Russ.).

11. Chernysheva, T. V. (2021). Success in the Professional Activity of a Manager. In: *Current Research*, 2, 103–106 (in Russ.).

12. Chirkovskaya, E. G. (2019). Tools for Psycho-Biographical Analysis of Managerial Success in Personnel Work in the Federal Civil Service. In: *Bulletin of the Expert Council*, 4, 14–18 (in Russ.).

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Чирковская Е. Г., Клычникова К. А., 2026

УДК 159.9.072.43

ПЕРЕГОВОРНАЯ УСТУПЧИВОСТЬ ПОД ВЛИЯНИЕМ АВТОРИТЕТА: ВКЛАД ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО ЛОКУСА КОНТРОЛЯ

Крамаренко Наталья Станиславовна

- e-mail: contactsnsk@gmail.com;
  доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и педагогической психологии;
  Государственный университет просвещения
  105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация;
  Московский международный университет
  125040, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 17, Российская Федерация

Спивак Сергей Анатольевич

- e-mail: spivaser@gmail.com;
  аспирант кафедры социальной и педагогической психологии;
  Государственный университет просвещения
  105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Для цитирования

Крамаренко Н. С., Спивак С. А. Переговорная уступчивость под влиянием авторитета: вклад внутреннего и внешнего локуса контроля // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 18.02.2026
- Статья размещена на сайте 01.06.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация
Ключевые слова
Введение
Описание исследования
Гипотеза
Этапы и методы исследования

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

Результаты и обсуждение
Заключение
Литература
Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучить взаимосвязи локуса контроля как предиктора готовности к уступкам в переговорах с оппонентом в зависимости от субъективной оценки его неформального авторитета.

Процедура и методы. Выборку исследования составили 32 взрослых человека (16 мужчин и 16 женщин) (возрастной диапазон M = 37,91, SD = 11,86), имеющих трудовой стаж в предпринимательской деятельности и опыт ведения деловых переговоров от 2 лет. Локус контроля оценивался с помощью многомерной шкалы локуса контроля Х. Левенсон. Переговорное поведение моделировали с использованием многораундовой версии игры «Ультиматум». Участники вступали во взаимодействие с оппонентами, которых субъективно оценивали как имеющих высокий или низкий неформальный авторитет. Оценка неформального авторитета осуществлялась по модифицированной методике Ю. П. Степкина. В качестве показателей итогов переговорного поведения использовались минимально приемлемое предложение и факт отказа от всех предложений. Для анализа данных применялись методы математической обработки данных (коэффициент ранговой корреляции Спирмена, точечно-бисериальная корреляция, U критерий Манна-Уитни, тест Крускала-Уоллиса).

Результаты. Результаты исследования показали, что внешний локус контроля выступает значимым предиктором большей готовности к уступкам в переговорах с оппонентом, обладающим высоким неформальным авторитетом. Значимой корреляции между внутренним локусом контроля и уступчивостью в переговорах с оппонентом с разным уровнем неформального авторитета обнаружено не было. Однако была выявлена общая тенденция для обладателей относительно высокой интернальности локуса контроля уступать тем, кого они считают авторитетными, и отказывать в уступках тем, кого оценивают как неавторитетного. Научная новизна исследования заключается в том, что многомерный локус контроля рассматривается как предиктор переговорного поведения во взаимосвязи с субъективной оценкой неформального авторитета оппонента.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования расширяют представления о психологических механизмах уступчивости в переговорах. Раскрывается роль локуса контроля как предиктора готовности к уступкам в переговорах в зависимости от субъективной оценки неформального авторитета оппонента. Полученные данные могут быть использованы при анализе и прогнозировании переговорного поведения, а также при разработке программ подготовки специалистов, вовлечённых в переговоры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

игра «Ультиматум», локус контроля, неформальный авторитет, социально-психологические предикторы уступчивости в переговорах

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы, связанные с социально-психологическим взаимодействием людей как на уровне социумов, так и на уровне отдельных субъектов, продолжают оставаться в фокусе внимания психологической науки. Особенно актуальными в контексте сегодняшних социально-политических жизненных реалий становятся исследования того, как личностные и социально-психологические характеристики участников переговоров определяют их итоговые результаты.

Главным исследовательским вопросом, поставленным в проведённом нами исследовании, является вопрос о том, как взаимосвязан локус контроля с готовностью к уступкам в переговорах с оппонентом в зависимости от субъективной оценки его неформального авторитета.

Теоретические основы исследования данной проблемы представлены довольно большим количеством трудов. Так, в работах Э. Т. Аманатхуллы, М. В. Морриса, Дж. Р. Курхана, Э. Халали, В. Гюта, М. М. Пиллутлы, Дж. К. Мурнигана показано, что люди часто принимают иррациональные решения во время переговоров, даже когда выгода от рационального поведения лежит на поверхности [2; 6; 7; 13].

Авторы выделяют ряд психологических факторов, таких как статус и / или социальная оценка оппонента, личностные характеристики участников (локус контроля, экстраверсия, уровень тревожности, эгоизм и др.), которые обуславливают такое «иррациональное» поведение. В работах Э. Т. Аманатхуллы,

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

М. В. Морриса, Дж. Р. Курхана, В. Фангеллы, С. Певницкой, Д. Рывкина изучена взаимосвязь различных личностных характеристик человека (в том числе локуса контроля) с исходом переговоров [2; 4; 12].

Большое количество исследований посвящено изучению взаимосвязи силы (экономическое, политическое или любое другое явное преимущество) или статуса оппонента с исходом переговоров [5; 8; 9; 11; 15].

При том, что переговоры предполагают двустороннее взаимодействие, личностные характеристики участников переговоров чаще всего изучают вне взаимосвязи с субъективной оценкой оппонента (его статусом или авторитетом).

Несмотря на то, что зарубежные авторы чаще приравнивают силу и статус к авторитету, в отечественной традиции авторитет личности рассматривается как более тонкий, ненасильственный феномен и принципиально разграничивается на формальный (статусный) и неформальный авторитет [1]. При том, что многие эмпирические исследования посвящены изучению формального авторитета, неформальный авторитет и его взаимосвязь с личностными характеристиками в переговорном поведении остаются малоизученными. Между тем именно неформальный авторитет может оказывать скрытое, но существенное влияние на поведение в переговорах, определяя готовность к уступкам в ситуациях, имеющих значимые социальные и личностно-профессиональные последствия (заработная плата, доля гранта на выполнение проекта, объём и условия работы и т. п.). Роль личностных факторов отражена в работах К. Беллемара, С. Крёгера, А. ван Соста, где показано, что индивидуальные убеждения участников переговоров обладают большей предсказательной способностью по отношению к исходу переговоров, чем модели, основанные на рациональных предположениях [3]. Однако авторы исследовали убеждения участников, касающиеся непосредственно текущих переговоров.

Одним из личностных факторов, потенциально модифицирующих влияние авторитета оппонента, является локус контроля – система убеждений человека о том, в какой степени события его жизни зависят от собственных действий или от внешних сил. В классических работах Дж. Роттера локус контроля рассматривался как одномерный континуум [14]. Ханна Левенсон дополнила и расширила эту шкалу, исходя из того,

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

что люди, которые верят в неупорядоченность мира (случайность), ведут себя и думают иначе, чем люди, которые верят в упорядоченность мира, но считают, что власть имущие контролируют ситуацию [10]. Логично предположить, что общие убеждения человека о том, в какой степени его жизнь контролируют другие влиятельные люди, могут предсказывать, насколько легко он уступит оппоненту, которого считает авторитетным, во время переговоров.

Актуальность исследования, таким образом, обусловлена малой изученностью роли субъективной оценки неформального авторитета как ненасильственного социально-психологического фактора, потенциально влияющего на исход переговоров, и недостаточным количеством данных о взаимосвязи этого фактора с личностными характеристиками участников переговорного процесса.

ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Описанное в данной статье исследование было проведено как пилотное с целью обсуждения результатов и дальнейшего проведения более масштабного эмпирического исследования.

Для моделирования переговорного поведения мы выбрали игру “Ультиматум”, поскольку она хорошо изучена и широко используется как удобный и полезный инструмент как для экономических, так и для социально-психологических исследований [4; 6; 7; 8; 9; 11; 12; 13 и др.].

На данный момент нам известны лишь несколько работ, в которых изучалось, как локус контроля участников связан с их поведением в игре "Ультиматум" [4; 12]. В одной из них описывается, как локус контроля "предлагающего" связан с его поведением в игре [4]. Другая посвящена связи локуса контроля и поведения "отвечающего" в данной модели. Было показано, что в условиях стандартной игры внутренний локус контроля не влиял на вероятность принятия предложения [12]. Стоит отметить, что в этом исследовании авторы использовали шкалу Роттера и не учитывали субъективной оценки авторитета оппонента.

Таким образом, научная новизна нашего исследования заключается в том, что мы впервые рассматриваем многомерный локус контроля как предиктор переговорного поведения во взаимосвязи с субъективной оценкой неформального авторитета оппонента.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ГИПОТЕЗА

Локус контроля является существенным предиктором итогов переговоров: участники с внешним локусом контроля легче соглашаются на уступки в переговорах с оппонентом, обладающим для них высоким неформальным авторитетом; переговорное поведение участников с выраженным внутренним локусом контроля не зависит от оценки неформального авторитета оппонента.

ЭТАПЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Характеристика выборки. Выборку исследования составили 32 взрослых человека (16 мужчин и 16 женщин) (возрастной диапазон M = 37,91, SD = 11,86), имеющих трудовой стаж в предпринимательской деятельности и опыт ведения деловых переговоров от 2 лет.

Исследование проводилось на онлайн-платформе и состояло из двух этапов. На первом этапе мы оценивали социально-психологические характеристики респондента с помощью опросника «Многомерная шкала локуса контроля» (MLCS) Н. Ханны Левенсон [10]. Между первым и вторым этапами был выдержан интервал не менее 5 дней для того, чтобы избежать влияния опроса на дальнейшее исследование.

На втором этапе мы проводили симуляции переговоров с наиболее авторитетным и наиболее неавторитетным оппонентом из профессионального окружения респондента (данные параметры определяли с помощью модифицированной методики Ю. П. Степкина [1]). Суть методики: респондентов просили выбрать хорошо знакомого им человека из профессиональной среды, наиболее авторитетного или неавторитетного для них. Предварительно они указывали в опросном листе его пол, возраст, образование, профессию, кратко описывали внешность. Затем оценивали по одиннадцатибальной шкале (0–10), насколько согласны с утверждениями, которые описывают различные характеристики личности: знания, умения, способности, потребности и интересы, отношение к другим людям и к себе, и ряд других. Данные утверждения мы сформулировали, опираясь на характеристики, которые Ю. П. Степкин описывает как "основания авторитета" [1]. Тем самым они характеризуют не «людей вообще», а авторитетных и неавторитетных для них, описывая их индивидуальные

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

особенности, о которых имеют собственное представление. Это также служило праймингом, призванным «оживить» образ оппонента в следующей сразу после этого симуляции переговоров.

Сразу после выбора и описания наиболее авторитетной или неавторитетной личности респонденту было предложено провести несколько раундов переговоров в модели игры «Ультиматум», в которой решалась проблема неравного разделения суммы общего гранта между участниками переговоров (подробное описание игры – в Приложении 1, В. Гют, Р. Шмиттбергер, Б. Шварце) [6]. Во всех играх респондент выступал в роли «отвечающего» на предложение оппонента. В качестве оппонента выступала выбранная респондентом личность.

У половины респондентов мы проводили игры с неавторитетными оппонентами перед играми с авторитетными, у второй половины – наоборот, с соответствующей кросс-вариацией сумм предложения, чтобы исключить влияние последовательности.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Для анализа результатов игры «Ультиматум» мы преобразовали ответы в MAP (минимальное приемлемое предложение, анг. minimal acceptable proposal) (рис. 1, 2). MAP равен проценту от общей суммы, на которую согласился респондент во время игры (значения 15, 20, 30, 35, 40 соответственно), если же респондент отказывался от всех предложений, то MAP присваивалось значение 45. Соответственно, чем выше MAP, тем меньше готовность респондента соглашаться на большие уступки.

Анализ поведения респондентов в игре «Ультиматум» показал, что минимальное приемлемое предложение (MAP) в условиях, когда в роли «предлагающего» выступал авторитетный, по мнению респондента, оппонент, имело среднее значение 36.09 (SD = 8.96). При взаимодействии с неавторитетным оппонентом среднее значение MAP оказалось 42.03 (SD = 5.21). Характерно, что отказ респондента принимать любые из предложенных условий фиксировался значительно реже при взаимодействии с авторитетным оппонентом (31.2%), чем в условиях неавторитетного оппонента (71.9%).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

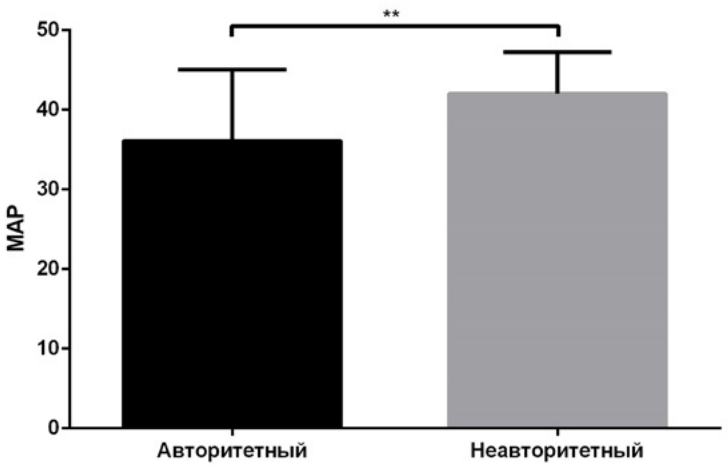

Рис. 1 / Fig. 1. Средние значения MAP при переговорах с разными оппонентами / Mean MAP values in negotiations with different opponents

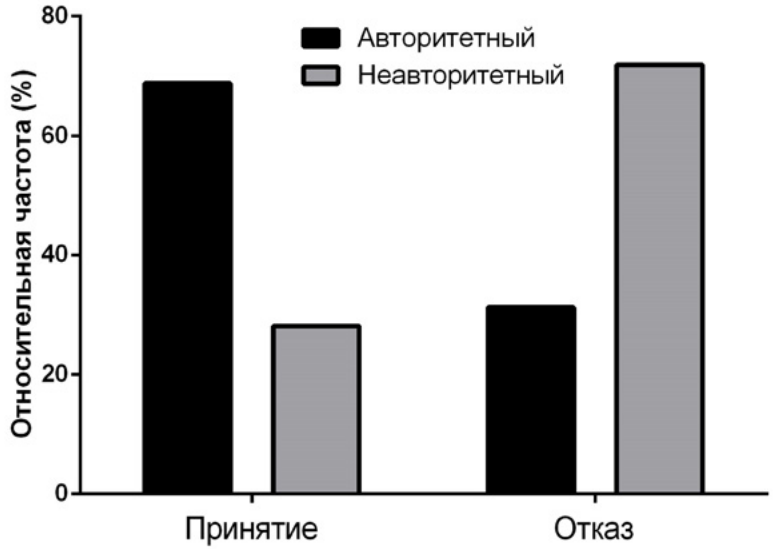

Рис. 2 / Fig. 2. Частота исходов переговоров с разными оппонентами / Frequency of negotiation outcomes with different opponents

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Корреляционный анализ показал выраженную отрицательную корреляцию между баллами по субшкале «Влияние других» (анг. Powerful Others) и MAP при игре с авторитетным оппонентом (Коэффициент ранговой корреляции Спирмена ρ = −0.564, p = 0.001), а также некоторую отрицательную корреляцию между баллами по субшкале «Воля случая» (анг. Chance) и MAP при игре с авторитетным оппонентом (Коэффициент ранговой корреляции Спирмена ρ = −0.385, p = 0.029).

Т. е. респонденты с высокими баллами внешнего локуса контроля склонны соглашаться на большие уступки, если предложение исходит от авторитетного, по их мнению, оппонента (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Корреляции между локусом контроля и MAP / Correlations between locus of control and MAP

	Коэффициент ранговой корреляции Спирмена	Уровень значимости
Внутренний локус контроля vs MAP с авторитетным оппонентом	ρ = 0.166 (н. з.)	p = 0.365
Внутренний локус контроля vs MAP с неавторитетным оппонентом	ρ = 0.156 (н. з.)	p = 0.393
Влияние других vs MAP с авторитетным оппонентом	ρ = –0.564***	p = 0.001
Влияние других vs MAP с неавторитетным оппонентом	ρ = –0.219 (н. з.)	p = 0.228
Воля случая vs MAP с авторитетным оппонентом	ρ = –0.385*	p = 0.029
Воля случая vs MAP с неавторитетным оппонентом	ρ = 0.064 (н. з.)	p = 0.727

* значимая корреляция p < 0.05
(н. з.) незначимая корреляция p ≧ 0.05

Аналогичная картина наблюдалась при анализе бинарного результата (принятие / отказ от всех предложений). Вероятность отказа от любых условий в присутствии авторитетного оппонента отрицательно коррелировала с субшкалой «Влия-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ние других» (точечно-бисериальная корреляция, r_{pb} = –0.405, p = 0.021). Т. е. чем больше балл по субшкале «Влияние других», тем меньше вероятность, что респондент проиграет в переговорах с авторитетным, по его мнению, оппонентом (табл. 2).

Важно отметить, что не было обнаружено статистически значимой корреляции между баллами по субшкале «Внутренний локус контроля» (анг. Internal) и поведением респондента как в играх с авторитетным оппонентом, так и с неавторитетным (табл. 1, 2).

Таблица 2 / Table 2

Корреляции локуса контроля и отказов от всех предложений, MAP = 45 / Correlations between locus of control and rejection of all offers (MAP = 45)

	Точечно-бисериальная корреляция	Уровень значимости
Внутренний локус контроля vs авторитетный оппонент	r_pb = 0.019 (н. з.)	p = 0.917
Внутренний локус контроля vs неавторитетный оппонент	r_pb = 0.132 (н. з.)	p = 0.471
Влияние других vs авторитетный оппонент	r_pb = –0.405*	p = 0.021
Влияние других vs неавторитетный оппонент	r_pb = –0.186 (н. з.)	p = 0.307
Воля случая vs авторитетный оппонент	r_pb = –0.112 (н. з.)	p = 0.543
Воля случая vs неавторитетный оппонент	r_pb = 0.036 (н. з.)	p = 0.844

* значимая корреляция $p < 0.05$
(н. з.) незначимая корреляция $p \geqq 0.05$

Средний балл по субшкале “Internal” («Внутренний локус контроля») у респондентов составил 34,38 (SD = 4,478). Для проверки взаимосвязи баллов по субшкале “Internal” с поведением респондентов во время переговоров выборка была разделена на две подгруппы (медианное разделение): с баллами выше и ниже среднего значения.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Попарное сравнение MAP с помощью критерия Манна-Уитни не показало значимых различий между поведением во время игр респондентов с баллами ниже среднего и респондентов с баллами выше среднего по субшкале “Internal” (низкий Internal vs высокий Internal в играх с авторитетным оппонентом: U = 112,0; p = 0,5440; низкий Internal vs высокий Internal в играх с неавторитетным оппонентом: U = 121,5; p = 0,7841; рис. 3). При этом существовали значимые различия MAP у каждой подгруппы между играми с авторитетным и неавторитетным оппонентом (авторитетный оппонент vs неавторитетный оппонент для подгруппы с высоким Internal: U = 72,00; p = 0,0253; авторитетный оппонент vs неавторитетный оппонент для подгруппы с низким Internal: U = 76,00; p = 0,0299; рис. 3). Как респонденты с относительно высокими баллами, так и респонденты с относительно низкими баллами чаще отказывались от всех предложений (75% и 69% соответственно) в играх с неавторитетным, по их мнению, оппонентом (рис. 4).

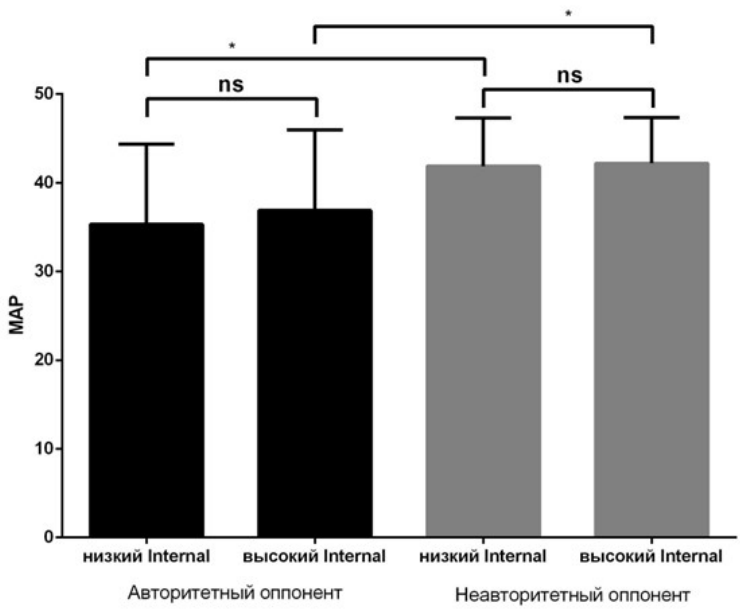

Рис. 3 / Fig. 3. MAP при переговорах с разными оппонентами среди респондентов с разным баллом Internal / MAP in negotiations with different opponents among respondents with different Internal locus of control scores

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

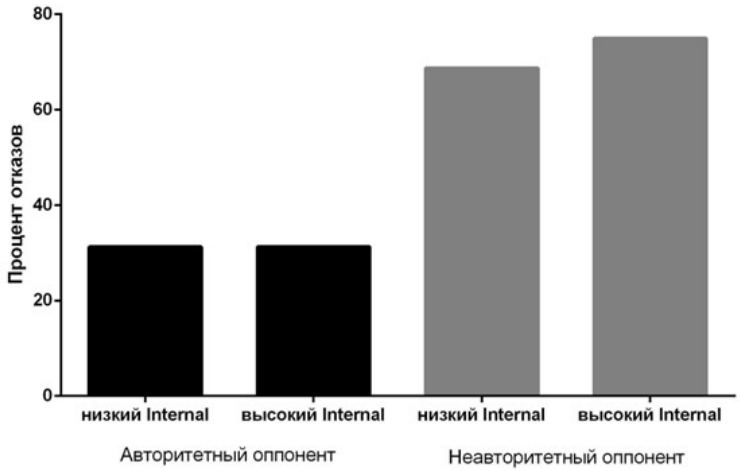

Рис. 4 / Fig. 4. Частота отказов среди респондентов с разным баллом Internal / Frequency of rejections among respondents with different Internal locus of control scores

Дополнительно мы проверили эффект порядка предъявления условий (игра сначала с авторитетным оппонентом или с неавторитетным). Согласно тесту Крускала-Уоллиса, порядок не оказал значимого влияния ни на MAP при игре с авторитетным оппонентом ($H = 0.924$, $p = 0.820$), ни на MAP при игре с неавторитетным оппонентом ($H = 3.579$, $p = 0.311$).

Полученные данные подтверждают нашу гипотезу о существовании корреляции между баллами по субшкале «Власть других» (Powerful Others) и готовностью соглашаться на большие уступки при переговорах с оппонентом, которого участник оценивает как обладающего высоким неформальным авторитетом.

Вторая гипотеза не подтвердилась: поведение респондентов с высокими и низкими баллами по субшкале «внутренний локус контроля» не различалось в переговорах с оппонентами, неформальный авторитет которых они оценивали одинаково, однако поведение во время игры с авторитетными и неавторитетными оппонентами различалось. Т. е. независимо от баллов по субшкале «Внутренний локус контроля» наблюдались более редкие отказы от всех предложений и более лёгкое принятие

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

"несправедливых" предложений от оппонентов, которых респонденты субъективно оценивали как авторитетных.

В целом это соответствует результатам исследования С. Певницкой, Д. Рывкина в 2010 г. которые не обнаружили корреляции между внутренним локусом контроля и вероятностью принятия предложения в базовом варианте игры «Ультиматум». Однако следует отметить, что в нашем исследовании средний балл внутреннего локуса контроля респондентов был 34,38, это выше среднего балла, предусмотренного шкалой (24 балла), а значит, в выборку не попали респонденты с действительно низким внутренним локусом контроля. Поэтому мы не можем с уверенностью сказать, что не существует никакой корреляции между интернальностью локуса контроля и поведением во время переговоров, это требует дальнейшего изучения. При этом Певницкая, Рывкин в своём исследовании сфокусировались исключительно на внутреннем локусе контроля, измеренном по одномерной шкале Роттера, в то время как в нашем исследовании локус контроля оценивался с помощью многомерной шкалы Левенсон. Ещё одно ключевое отличие заключается в том, что эксперимент вышеуказанных авторов был построен вокруг модифицированной игры «Ультиматум», в которой есть возможность «наказания» или «поощрения» респондентом «предлагающего». Такие условия, возможно, дают респондентам большее ощущение контроля над ситуацией, а это, вероятно, важно именно для людей с выраженным внутренним локусом контроля, в отличие от людей, которые верят в то, что их жизнью управляет случай или другие более влиятельные люди. В этих условиях они чаще принимали предложения и соглашались на уступки в переговорах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании была изучена роль локуса контроля как предиктора готовности к уступкам в переговорах с оппонентом в зависимости от субъективной оценки его неформального авторитета.

Результаты исследования подтвердили, что внешний локус контроля, прежде всего, ориентация на влияние других людей и в меньшей степени на «волю случая», выступает значимым предиктором большей готовности к уступкам в переговорах с оппонентом, обладающим высоким неформальным авторитетом.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

Предположение о том, что поведение участников с выраженным внутренним локусом контроля не зависит от оценки неформального авторитета оппонента, не подтвердилось.

Результаты исследования указывают на то, что даже у людей с относительно высокой интернальностью локуса контроля существует склонность уступать тем, кого они считают авторитетными, и отказывать в уступках тем, кого считают неавторитетными.

Полученные данные могут быть использованы при анализе и прогнозировании переговорного поведения, а также при разработке программ подготовки специалистов, вовлечённых в переговоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степкин Ю. П. Природа и сущность «феномена авторитета личности» // Восточно-европейский научный журнал. 2022. №9. С. 13–25.
2. Amanatullah E. T., Morris M. W., Curhan J. R. Negotiators who give too much: Unmitigated communion, relational anxieties, and economic costs in distributive and integrative bargaining // Journal of personality and social psychology. 2008. Vol. 95. №3. P. 723–738.
3. Bellemare C., Kröger S., Van Soest A. Actions and beliefs: Estimating distribution-based preferences using a large scale experiment with probability questions on expectations // IZA Discussion Papers. 2005. №1666. P. 1–50.
4. Fanghella V., et al. Locus of control and other-regarding behavior: Experimental evidence from a large heterogeneous sample [Электронный ресурс] // Journal of Economic Psychology. 2023. №95. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167487023000065 (дата обращения: 19.01.2026).
5. Fousiani K., Steinel W., Minnigh P. A. Effects of power on negotiations: a comparison of collaborative versus competitive approach // International Journal of Conflict Management. 2021. Vol. 32. №2. P. 223–249.
6. Güth W., Schmittberger R., Schwarze B. An experimental analysis of ultimatum bargaining // Journal of economic behavior & organization. 1982. Vol. 3. №4. P. 367–388.
7. Halali E., Bereby-Meyer Y., Meiran N. When rationality and fairness conflict: The role of cognitive-control in the ultimatum game // SSRN Electronic Journal. [2011]. URL: https://www.researchgate.net/publication/228286977_When_Rationality_and_Fairness_Conflict_The_Role_of_Cognitive-Control_in_the_Ultimatum_Game (дата обращения: 19.01.2026).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

8. Harris A., et al. Perceived relative social status and cognitive load influence acceptance of unfair offers in the Ultimatum Game [Электронный ресурс] // Plos one. 2020. Vol. 15. №1. URL: https://www.researchgate.net/publication/338497140_Perceived_relative_social_status_and_cognitive_load_influence_acceptance_of_unfair_offers_in_the_Ultimatum_Game (дата обращения: 19.01.2026).
9. Kusano K., Kemmelmeier M. Responder's Expression of Prestige, not Dominance, Promotes Proposer's Coordination in Ultimatum Bargaining // Power, Emotion & Negotiation. 2024. №1. P. 1–78.
10. Levenson H. Distinctions within the concept of internal-external control: Development of a new scale [Электронный ресурс] // Proceedings of the annual convention of the American Psychological Association. [1972]. URL: https://www.researchgate.net/publication/232425586_Distinctions_Within_the_Concept_of_Internal-External_Control_Development_of_a_New_Scale (дата обращения: 19.01.2026).
11. Lönnqvist J. E., et al. Situational power moderates the influence of self-transcendence vs. self-enhancement values on behavior in ultimatum bargaining // Journal of Research in Personality. 2011. Т. 45. №3. P. 336–339.
12. Pevnitskaya S., Ryvkin D. Locus of Control in Reward and Punishment Decisions [Электронный ресурс]. URL: https://pevnitskaya.com/research/MU-LOC.pdf (дата обращения: 19.01.2026).
13. Pillutla M. M., Murnighan J. K. Unfairness, anger, and spite: Emotional rejections of ultimatum offers // Organizational behavior and human decision processes. 1996. Vol. 68. №3. P. 208–224.
14. Rotter J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological monographs: General and applied. 1966. Vol. 80. №1. P. 1–28.
15. Xue L., Sitzia S., Turocy T. L. Concord and contention in a dynamic unstructured bargaining experiment with costly conflict // Journal of Economic Psychology. 2023. №97. P. 1–19.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

Приложение 1

ИГРА «УЛЬТИМАТУМ»

Сразу после выбора и описания наиболее авторитетной или неавторитетной личности респонденту было предложено провести несколько раундов переговоров в модели игры «Ультиматум». В качестве оппонента была подставлена выбранная респондентом личность.

Перед началом респонденту давалась следующая информация: «Представьте, что человек, которого вы только что описали (далее мы будем называть его Оппонент), совместно с вами получил грант в размере N у. е. на реализацию вашего совместного проекта. Важно, чтобы во время игры вы помнили, что Оппонентом является именно та личность, которую вы описали в предыдущем опросе. Оппонент предлагает вам разделить грант в неравных пропорциях.

Вы можете:

– принять предложение и получить предложенную сумму – тогда переговоры заканчиваются;

– отклонить предложение – тогда Оппонент может предложить другие условия или прекратить переговоры;

– если вы не примете последнее предложение, и Оппонент решит прекратить переговоры – вы оба потеряете грант, т. е. никто ничего не получит.

Вы не можете знать заранее, когда Оппонент решит прекратить переговоры.

Пожалуйста, принимайте решения так, как считаете правильным».

Количество предложений, которые сделает его оппонент, не было заранее неизвестно респонденту.

Всего было смоделировано до 5 раундов.

Предложения моделировали как возрастающие в у. е.: 15%, 20%, 30%, 35%, 40%.

В каждом из раундов респондент мог либо согласиться, и тогда игра считалась законченной, либо отказаться и автоматически перейти к следующему раунду.

Если респондент не был согласен даже на последнее предложение (40%), переговоры считались сорванными, и выигрыш аннулировался. Выводилось следующее сообщение: «Оппонент решил не продолжать дальнейшие переговоры с вами. Ни одна из сторон не получает ничего».

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Сразу после этого с респондентом была проведена вторая симуляция переговоров с наиболее авторитетным и наиболее неавторитетным оппонентом в зависимости от того, с кем он играл в начале второго этапа. Выбор и описание оппонента были проведены по той же методике. Этап с игрой «Ультиматум» был смоделирован идентичным образом, но размер гранта был незначительно изменён, чтобы предлагаемые оппонентом доли в у. е. визуально отличались. При этом порядок суммы был сохранён.

Предложение и размер гранта в виде у. е. обусловлены тем, что мы хотели избежать очевидности идентичного поведения оппонентов. При ответе респонденту придётся непроизвольно проводить некоторые вычисления, чтобы определить, какой процент от суммы ему предлагают. Согласно некоторым исследованиям, параллельное выполнение математических операций в таких тестах создаёт дополнительную когнитивную нагрузку и заставляет человека действовать менее рационально [Halali; Harris].

У половины респондентов мы проводили игры с неавторитетными оппонентами перед играми с авторитетными, у второй половины – наоборот, с соответствующей кросс-вариацией сумм предложения, чтобы исключить влияние последовательности.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

ARTICLE INFORMATION

Authors

Natalia S. Kramarenko

- e-mail: contactsnsk@gmail.com,
  Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of Social and Educational Psychology,
  Federal State University of Education
  ul. Radio 10A/2, Moscow 105005, Russian Federation,
  Moscow International University
  prosp. Leningradsky 17, Moscow 125040, Russian Federation

Sergey A. Spivak

- e-mail: spivaser@gmail.com,
  Postgraduate Student, Department of Social and Educational Psychology
  Federal State University of Education
  ul. Radio 10A/2, Moscow 105005, Russian Federation

For citation

Kramarenko, N. S., Spivak, S. A. (2026). A Concession in Negotiations Made under the Influence of Authority: The Influence of External and Internal Locus of Control. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To examine the interrelation of locus of control that serves as a predictor of willingness to make concessions in negotiations, depending on the negotiator's subjective assessment of the opponent's informal authority.

Methodology. The study sample consisted of 32 adults (16 men and 16 women) aged (M=37.91, SD=11.86), who have at least two years of experience in entrepreneurial activity and business negotiations. locus of control was assessed by H. Levenson's Multidimensional Locus of Control Scale. Negotiation behaviour was modelled using a multi-round version of the "Ultimatum Game." Participants interacted with opponents whom they subjectively evaluated as possessing either high or low informal authority. The assessment of informal authority was conducted using a modified version of Yu. P. Stepkin's method. Negotiation outcomes were measured by two indicators such as the minimum acceptable offer and the refusal to accept any offers. Data was analysed using mathematical statistical methods (Spearman's rank correlation coefficient, point-biserial correlation, Mann–Whitney U test, and Kruskal–Wallis test).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Results. The findings revealed that an external locus of control serves as a significant predictor of greater willingness to make concessions when negotiating with an opponent perceived as having high informal authority. No significant correlation was found between internal locus of control and concession behaviour depending on the opponent's level of informal authority. However, a general trend was observed among participants with relatively high internal locus of control to concede to those they considered to have informal authority and to withhold concessions from those they perceived as lacking authority. The scientific novelty of the study lies in considering the multidimensional locus of control as a predictor of negotiation behaviour in relation to the subjective assessment of the opponent's informal authority.

Research implications. The results broaden understanding of the psychological mechanisms underlying concession behaviour in negotiations. The study highlights the role of locus of control as a predictor of willingness to make concessions depending on the perceived informal authority of the opponent. The findings can be applied in the analysis and forecasting of negotiation behaviour, as well as in the development of training programs for negotiation professionals.

Keywords

informal authority, locus of control, socio-psychological predictors of negotiation compliance, Ultimatum Game

References

1. Stepkin, Yu. P. (2022). The Nature and Essence of the "Phenomenon of Personal Authority". In: *East European Scientific Journal*, 9, 13–25 (in Russ.).
2. Amanatullah, E. T., Morris, M. W. & Curhan, J. R. (2008). Negotiators Who Give Too Much: Unmitigated Communion, Relational Anxieties, and Economic Costs in Distributive and Integrative Bargaining. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 95 (3), 723–738.
3. Bellemare, C., Kröger, S. & Van Soest A. (2005). Actions and Beliefs: Estimating Distribution-Based Preferences Using a Large-Scale Experiment with Probability Questions on Expectations. In: *IZA Discussion Papers*, 1666, 1–50.
4. Fanghella, V., et al. (2023). Locus of Control and Other-Regarding Behavior: Experimental Evidence from a Large Heterogeneous Sample. In: *Journal of Economic Psychology*, 95. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167487023000065 (accessed: 19.01.2026).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

5. Fousiani, K., Steinel, W. & Minnigh, P. A. (2021). Effects of Power on Negotiations: A Comparison of Collaborative Versus Competitive Approach. In: *International Journal of Conflict Management*, 32 (2), 223–249.

6. Güth, W., Schmittberger, R. & Schwarze, B. (1982). An Experimental Analysis of Ultimatum Bargaining. In: *Journal of Economic Behavior & Organization*, 3 (4), 367–388.

7. Halali, E., Bereby-Meyer, Y. & Meiran, N. (2011). When Rationality and Fairness Conflict: The Role of Cognitive Control in the Ultimatum Game. In: *SSRN Electronic Journal*. URL: https://www.researchgate.net/publication/228286977_When_Rationality_and_Fairness_Conflict_The_Role_of_Cognitive-Control_in_the_Ultimatum_Game (accessed: 19.01.2026).

8. Harris A., et al. (2020). Perceived relative social status and cognitive load influence acceptance of unfair offers in the Ultimatum Game. In: *Plos One*, 15 (1). URL: https://www.researchgate.net/publication/338497140_Perceived_relative_social_status_and_cognitive_load_influence_acceptance_of_unfair_offers_in_the_Ultimatum_Game (accessed: 19.01.2026).

9. Kusano, K. & Kemmelmeier, M. (2024). Responder's Expression of Prestige, not Dominance, Promotes Proposer's Coordination in Ultimatum Bargaining. In: *Power, Emotion & Negotiation*, 1, 1–78.

10. Levenson, H. (1972). Distinctions Within the Concept of Internal-External Control: Development of a New Scale. In: *Proceedings of the Annual Convention of the American Psychological Association*. URL: https://www.researchgate.net/publication/232425586_Distinctions_Within_the_Concept_of_Internal-External_Control_Development_of_a_New_Scale (accessed: 19.01.2026).

11. Lönnqvist, J. E., et al. (2011). Situational Power Moderates the Influence of Self-Transcendence vs. Self-Enhancement Values on Behavior in Ultimatum Bargaining. In: *Journal of Research in Personality*, 45 (3), 336–339.

12. Pevnitskaya, S. & Ryvkin, D. (2026). *Locus of Control in Reward and Punishment Decisions*. URL: https://pevnitskaya.com/research/MU-LOC.pdf (accessed: 19.01.2026).

13. Pillutla, M. M. & Murnighan, J. K. (1996). Unfairness, Anger, and Spite: Emotional Rejections of Ultimatum Offers. In: *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 68 (3), 208–224.

14. Rotter, J. B. (1966). Generalized Expectations for Internal Versus External Control of Reinforcement. In: *Psychological Monographs: General and Applied*, 80 (1), 1–28.

15. Xue, L., Sitzia, S. & Turocy, T. L. (2023). Concord and Contention in a Dynamic Unstructured Bargaining Experiment with Costly Conflict. In: *Journal of Economic Psychology*, 97, 1–19.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Крамаренко Н. С., Спивак С. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

УДК 81’255:22.05.06

«ПРЕДЕЛ СВОБОДЫ» В ПЕРЕВОДЕ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ: ЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Хухуни Георгий Теймуразович

- e-mail: khukhuni@mail.ru;
  доктор филологических наук, профессор,
  профессор кафедры теории языка, англистики
  и прикладной лингвистики лингвистического факультета;
  Государственный университет просвещения
  105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Осипова Анна Александровна

- e-mail: aa.osipova@mpgu.su;
  доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой
  контрастивной лингвистики Института иностранных языков;
  Московский педагогический государственный университет
  119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1,
  Российская Федерация

Для цитирования

Хухуни Г. Т., Осипова А. А. «Предел свободы» в переводе Священного Писания: языковой и культурный аспекты // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 05.02.2026
- Статья размещена на сайте 14.05.2026

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Хухуни Г. Т., Осипова А. А., 2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация
Ключевые слова
Введение
Прагматический подход: история и современность
К вопросу об инварианте перевода Священного Писания
«Правильный язык» в переводе Библии:
адекватность или искажение?
Реалии: сохранять или приспосабливать?
Заключение
Литература
Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотреть специфику применения основных переводческих стратегий к передаче текста Священного Писания и их проявления в переводах Библии конца XX – начала XXI вв. с точки зрения соответствия переводного текста принципам сохранения инварианта перевода.

Процедуры и методы. Использована процедура анализа исследуемых переводов с содержательной и формальной точек зрения, выявления причин их сознательного отхода от традиционного понимания воссоздания Священного Писания на переводном языке как задачи, требующей эквивалентной передачи оригинала.

Результаты. Выделены и описаны наиболее показательные случаи отказа от сохранения инварианта перевода, исследованы культурно-исторические, лингвокультурные и собственно лингвистические аспекты указанных отклонений и прослежена их связь с получившими распространение в названный период идеями политкорректности и феминизации сакрального текста, принципиально чуждыми существовавшей в эпоху его создания действительности.

Теоретическая и практическая значимость. Содержащийся в статье фактический материал и сделанные на основе его анализа выводы способствуют уточнению принципов передачи библейского текста и критическому отношению к искажению его лингвокультурной специфики, а также установлению отличий перевода в собственном смысле слова от смежных явлений. Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его результатов в перевод-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Хухуни Г. Т., Осипова А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ческой работе по передаче как текстов религиозного характера, так и произведений светской литературы, в первую очередь рассматриваемых как принадлежащие к культурному достоянию человечества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Библия, инвариант, оригинал, перевод, политкорректность, «правильный язык», инклюзивный язык, реалии

ВВЕДЕНИЕ

Целью настоящего исследования является анализ некоторых переводов Библии для выявления использованной в них стратегии, приёмов передачи и того, насколько оправданными представляются они для выполнения стоящих перед данной деятельностью *задач*, среди которых можно выделить изучение наиболее значимых концепций в области библейского перевода, выявление вызванных ими наиболее характерных отклонений от оригинала, установление их причины и выявление степени их влияния на эквивалентность и адекватность переведённого текста. Для этого были применены *методы* филологического, лингвистического и лингвокультурного анализа наиболее показательных фрагментов исследованного материала и его сопоставление в разных переводах.

Если в начале 50-х гг. прошлого века один из наиболее известных представителей отечественной лингвистики – А. А. Реформатский – мог отрицать существование теории перевода как особой научной дисциплины [9] (подробный и всесторонний анализ его позиции можно найти в статье Н. К. Гарбовского [2]), то последующие годы, казалось бы, полностью опровергли этот тезис, и в номенклатуре научных специальностей, регламентирующей направления, по которым принимаются к защите диссертации, лингвистическое переводоведение занимает в паспорте специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика – весьма достойное место. И тем не менее практически все понятия и категории, которыми она оперирует, до сих пор понимаются и трактуются по-разному (так, например, обстоит дело в ряде работ с адекватностью и эквивалентностью), а порой те или иные из них объявляются лишёнными содержания (как это имеет место по отношению к переводческим трансформациям [10]).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Хухуни Г. Т., Осипова А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

С другой стороны, как не раз отмечалось в специальной литературе, при всём обилии и разнообразии трудов, посвящённых теоретическим вопросам перевода, через всю историю этого вида человеческой деятельности проходит своеобразное диалектическое единство двух подходов: референциального и прагматического (хотя на практике они нередко пересекаются). Первый исходит из того, что все предметы и явления, о которых говорится в исходном тексте, должны фигурировать и в переводе, второй – что перевод должен прежде всего принимать во внимание функцию текста и восприятие реципиента. Причём нередко определяющую роль при их выборе играет тип текста – то, что при передаче технической инструкции и лирического стихотворения выбираться будут в большинстве случаев разные стратегии, является весьма тривиальной истиной и специальных обоснований не требует.

В области библейского перевода указанные тенденции, как известно, проявлялись в полной мере. Об этом свидетельствуют многочисленные работы, посвящённые различным его аспектам, в том числе и появившиеся в последние годы (см. [3], [4], [12], [13], [14], [15], [16], [18], [19] и др.). Однако здесь вступает в силу – пожалуй, в большей степени, чем в других разновидностях исходного материала – фактор *мировоззренческого характера*, особенно когда речь идёт об аудитории, для которой значимость данного текста не ограничивается его литературно-художественной стороной.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В классическом труде А. В. Фёдорова, с которого принято начинать формирование лингвистической теории перевода, при рассмотрении указанных выше тенденций (хотя сами термины «референция» и «прагматика» им не используются) относительно переводов Библии, с одной стороны, отмечается, что им был свойствен по большей части буквальный подход[1] к выполнению своей задачи (который, по словам автора, проистекал «из пиетета, “священного трепета” перед библейскими

[1]Оговорим, что буквализм в нашем понимании отнюдь не тождествен референциальному подходу, поскольку воспроизводит в максимально возможной степени не только наличествующую в исходном тексте реальность, представленную соответствующими лексическими единицами, но и его грамматические особенности (по терминологии Л. С. Бархударова – внутрилингвистические значения [1]).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Хухуни Г. Т., Осипова А. А., 2026

текстами, равно как и из лингвистической наивности большинства переводчиков всего этого периода, непонимания ими всей степени расхождения между языками, из предположения, что один язык можно механически приноровить к другому», а с другой – что имелись в традиции передачи сакрального текста и противоположные примеры, в связи с чем называются имена блаженного Иеронима и Мартина Лютера [11, с. 31, 32, 33]. Можно, однако, уточнить, что при этом Иероним подчёркивал, что при переводе Священного Писания следует помнить, что в нём «и самый порядок слов есть тайна»[2], а Лютер утверждал, что скорее предпочитал нанести ущерб переводному (немецкому) языку, нежели отклониться от оригинала[3].

Если же говорить о доминирующей тенденции в современных переводах Библии (со значительной долей условности к ним можно отнести версии, созданные начиная со второй половины прошлого века), то в них явно преобладает именно прагматическая ориентация, одним из проявлений которой можно считать наиболее распространённый в наши дни коммуникативно-функциональный подход к переводу[4], хотя конкретные его проявления могут существенным образом различаться. Среди русских переводов можно назвать Библию РБО, особенно в её новозаветной части, основу которой составил перевод В. Н. Кузнецовой, отчасти – так называемую Заокскую Библию[5].

Добавим, что «прагматическая переработка» может применяться не только при создании новых версий Священного Писания, но и – что представляется по меньшей мере несколько спорным – в ходе ревизии таких переводов, которые имеют в соответствующих культурах статус классических («национальных»). Один из наиболее ярких примеров – редактирование (а по сути, весьма существенный пересмотр) Библии Лютера,

[2] Иероним. Письмо к Паммахию о лучшем способе перевода // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. М.: Наука, 1970. С. 43.

[3] Luther M. Sendbrief von Dolmetschen. Störig H. J. Das Problem des Übersetzens. Stuttgart: Covert, 1966. S. 66.

[4] См.: Сдобников В. В., Калинин К. Е., Петрова О. В. Теория перевода: коммуникативно-функциональный подход: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. М.: Издательство ВКИ, 2019. 512 с.

[5] Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе / под ред. М. П. Кулакова, М. М. Кулакова. 3-е изд. М.: ББИ, 2021. 1310 с.; Библия. Современный русский перевод. М.: Российское библейское общество, 2025. 1408 с.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Хухуни Г. Т., Осипова А. А., 2026

подготовленное в 2017 г. в Германии[6] и вызвавшее довольно неоднозначную реакцию[7]. Отметим, что в отечественной библеистике идеи такого редактирования Синодального перевода периодически также высказываются, что вызвало реплику М. Г. Селезнева: «Редактировать Синодальную Библию – всё равно, что редактировать Пушкина»[8].

Оговорим: любой перевод так или иначе представляет собой интерпретацию, на характер которой влияют и наличие в тексте неоднозначно толкуемых мест, и эпоха, когда перевод выполняется, и личность переводчика. Тем не менее хотелось бы – опять-таки в дискуссионном порядке – отметить некоторые моменты, которые, на наш взгляд, не вполне отвечают задачам перевода сакрального (и не только сакрального) текста.

О ПОНЯТИИ ИНВАРИАНТА ПЕРЕВОДА

Понятие инварианта перевода весьма широко применялось рядом представителей нашей дисциплины (И. Г. Ревзин, А. Д. Швейцер, Л. С. Бархударов и др.). Несмотря на различия в его трактовке (порой весьма существенные), по-видимому, есть основания полагать, что оно опирается на два основных постулата: 1) тождественность подлинника самому себе: если сам оригинал в последующем не редактировался, каждый переводчик, приступая к его передаче, имеет дело с одним и тем же текстом, и любой перевод соотносится именно с ним; 2) если полученный после межъязыкового преобразования результат претендует на статус именно *перевода* (оставляем пока в стороне вопрос о его качестве), в каждой версии должны быть сохранены те особенности, которые определяют его сущностное содержание и специфику.

Не касаясь сейчас конкретных характеристик последних и их дифференциации в зависимости от типа текста и задач перевода, отметим, что эти принципы были поставлены под сомнение, в первую очередь – представителями получившей

[6] Англоязычной аналогией подобной «модернизированной классики» может считаться так называемая New King James Version, вышедшая впервые в 1983 г.

[7] Die Bibel nach Martin Luthers Übersetzung, revidiert 2017. Die Bibel nach Martin Luthers Übersetzung. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2017.

[8] См.: Синьчукова М. Приключения Библии в России: быть ли новому переводу? // Правмир: [сайт]. [29.11.2013]. URL: https://www.pravmir.ru/priklyucheniya-biblii-v-rossii-byt-li-novomu-perevodu (дата обращения: 09.08.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Хухуни Г. Т., Осипова А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

весьма широкую, хотя и не совсем однозначную известность скопос-теории, основоположник которой ещё в 80-е гг. прошлого столетия утверждал, что «определённо не существует … “одного” исходного текста … Существует лишь некоторый специфически интерпретируемый исходный текст, так сказать, “исходный текст для реципиента X в момент времени tx”. Поэтому “единый” исходный текст не может быть основой и отправной точкой для “единого” перевода…» [8, с. 164][9]. А такое понимание приводит если не к отрицанию, то, во всяком случае, к существенному переосмыслению понятия инварианта: «… инварианта перевода как чего-то такого, что остаётся неизменным во всех случаях перевода, не существует. Это миф … Про инвариант перевода можно говорить только применительно к определённой коммуникативной ситуации»[10].

Положение, согласно которому степень сохранения информации (в широком понимании), содержащейся в исходном тексте, зависит от «той коммуникативной ситуации, в которой осуществляется перевод, с учётом потребностей и ожиданий получателей и инициаторов перевода, специфики их предметной деятельности, и, соответственно, цели перевода»[11], – несомненно, имеет под собой основания. Однако, на наш взгляд, данное обстоятельство не исключает наличия той единой составляющей, которую обычно имеют в виду, говоря об инварианте перевода.

Здесь позволим себе обратиться к содержащемуся в трудах классика отечественной психолингвистики А. А. Леонтьева понятию предела свободы толкования текста, представляющего собой его объективное содержание [6, с. 143, 144]. При его игнорировании – если речь идёт о нашей области – вряд ли можно говорить о переводе как таковом, даже при сохранении определённых связей с прототипом. Развивая пример А. А. Леонтьева, можно сказать, что, если в произведении на другом языке Элен Курагина будет представлена в качестве положи-

[9] Отметим, что в последующих работах представителей скопос-теории, в частности К. Норд [17], некоторые её крайности были смягчены, однако основные её принципы в целом сохранялись.

[10] Сдобников В. В., Калинин К. Е., Петрова О. В. Теория перевода: коммуникативно-функциональный подход: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. М.: Издательство ВКИ, 2019. С. 328, 329.

[11] Сдобников В. В., Калинин К. Е., Петрова О. В. Теория перевода: коммуникативно-функциональный подход: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. М.: Издательство ВКИ, 2019. С. 328.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Хухуни Г. Т., Осипова А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

тельного персонажа и примера для подражания, признавать его *переводом* не приходится. С другой стороны, при сохранении той характеристики, которую названный персонаж (равно как и иные представленные в романе герои и идеи), получает в оригинале романа Л. Н. Толстого, текст будет признаваться *переводным* независимо от лингвостилистической оценки его качества.

«ПРАВИЛЬНЫЙ ЯЗЫК» В ПЕРЕВОДЕ БИБЛИИ: АДЕКВАТНОСТЬ ИЛИ ИСКАЖЕНИЕ?

Приступая к непосредственному рассмотрению тех случаев, когда подобного рода «предел свободы толкования» и, соответственно, передачи исходного текста не соблюдается, сразу заметим, что в данном случае речь идёт не о невольных ошибках перевода, обусловленных недостаточной квалификацией исполнителя, так называемой «темнотой» текста и другими подобными факторами, а о *сознательном* отходе от оригинала, обусловленном определённой, хотя и не всегда эксплицитно сформулированной теоретической установкой. К таким теоретическим установкам следует отнести и концепцию Ю. Найды, и скопос-теорию К. Райс и Х. Фермеера (при достаточно существенном различии между ними, о котором, ссылаясь на К. Норд, писал в своей книге А. С. Десницкий [3]), и ряд других применявшихся главным образом в XX и XXI вв. подходов.

Первый момент, который мы хотели бы в этой связи отметить, относится не столько к собственно лингвистической, сколько к культурно-исторической стороне. Сохраняя свой сакральный статус, библейские тексты являются, как и любые произведения, продуктом определённых исторических эпох и отражают присущие им черты и особенности. Отсюда вытекает стремление придать библейскому тексту характер, отвечающий взглядам на мир человека западной культуры в наши дни (WEIRD-societies – white, educated, industrialized, rich, democratic), но, мягко говоря, не вполне соответствующий библейской картине мира, изложив Священное Писание «правильным» с точки зрения переводчика / заказчика языком. Именно так была названа одна из немецких версий Библии, вышедшая в начале нашего века[12], авторы которой специально подчёркива-

[12] Bibel in gerechter Sprache / hg. von Ulrike Bail, Frank und Marlene Crüsemann u.a. München: Gütersloher Verlagshaus, Gütersloh, 2006. 2400 S.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Хухуни Г. Т., Осипова А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ли, что среди них было 42 женщины и 10 мужчин. Они заявили, что свою задачу перевода намерены выполнять как вместе с традиционным текстом, так и в необходимых случаях вопреки ему (sic!): «mit dem überlieferten Bibeltext und notfalls auch gegen ihn». Создатели данной версии декларировали право не просто прибегать к различным трансформациям при передаче текста (что в той или иной степени неизбежно при любой межъязыковой коммуникации), но и приписывать ему характеристики, прямо противоположные. Особенно заметно это стремление по отношению к «гендерному вопросу» и – как его проявлению – к «инклюзивному языку», призванному «исправить неполиткорректность» тех или иных фрагментов Священного Писания. Согласно указанной установке, «правильный в чисто филологическом отношении перевод» не обязательно должен быть верен по существу, поскольку необходимо учитывать не только то, что выражено в тексте, но и то, как его тогда понимали и какими словами «понимаемое тогда» (damals Gemeinte) должно быть воплощено в слова в наши дни. Кроме добавлений к «братьям» обязательных «сестёр», отказа от использования местоимения «он» в обобщённом значении и т. п., её представители – ссылаясь на желание заставить услышать «скрытые, искажённые, утерянные голоса библейских женщин» (die verborgenen, verzerrten, verlorenen Stimmen von Frauen in der Bibel selbst zu Gehör bringen) – пытаются вовлечь иудейских женщин первого века в политико-религиозную борьбу. В результате этого на страницах рассматриваемой версии наряду с обличаемыми Иисусом *фарисеями* обнаруживаются и *фарисейки*, чего в патриархальном социуме Иудеи евангельских времён быть просто не могло – обстоятельство, давшее повод одному из рецензентов, отнюдь не отвергавшему полностью названный труд, назвать этот пассаж «историческим хулиганством» (historischer Unfug)[13].

Переходя к лингвостилистическому аспекту, считаем целесообразным сказать несколько слов о таком моменте, как использование языковых единиц, которые с традиционной точки зрения не соответствуют понятию «библейского языка». В этой связи вспоминают, в частности, упомянутую выше версию Нового Завета, принадлежащую В. Н. Кузнецовой, и вызванную

[13] Söding Th. Wort Gottes in gerechter Sprache [Электронный ресурс] // Christ in der Gegenwart 2007. Juli bis December. URL: https://www.herder.de/cig/zeitgeschehen/2007/07-12-2007/bibeluebersetzung-wort-gottes-in-gerechter-sprache (дата обращения: 09.08.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Хухуни Г. Т., Осипова А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ею полемику. Поскольку эта дискуссия в своё время достаточно детально освещалась в печати, мы не будем останавливаться на ней подробно. Ограничимся замечанием М. Г. Селезнева: «…нельзя … переводить Аристофана языком Евангелия от Иоанна. Но и наоборот тоже нельзя. Синодальный перевод во многих случаях “завышает” лексику и образность оригинала. Кузнецова, напротив, нередко без необходимости “занижает” её»[14]. Если относительно первой части процитированного суждения (завышение лексики в Синодальном переводе «без нужды») могут быть разные мнения, то вторая, с нашей точки зрения, выглядит вполне обоснованной.

Пожалуй, наиболее спорным проявлением прагматической адаптации представляются случаи, когда не просто затрагиваются те или иные частные моменты историко-культурного и лигвокультурного характера (вроде упомянутых выше «фарисеек» или примеров «гендерно-инклюзивного языка»), а искажаются уже основы представленного в Священном Писании мировоззрения.

Такие преобразования часто объясняются миссионерскими целями перевода. Однако, на наш взгляд, вопрос о том, допустимо ли для лучшего усвоения инокультурной аудиторией христианского текста проводить его фактическую дехристианизацию, требует осторожного подхода. Не говорим сейчас о случае, приведённом В. Н. Комиссаровым, когда для племени, у которого существовал групповой брак и ближайшим родственником считался сын сестры, переводчик предложил сделать Иисуса племянником Господа Бога [5, с. 143]. Но примерно то же самое наблюдается в так называемом «Восточном переводе» на русский язык, подготовленном в Казахстане американскими миссионерами (первое издание полного текста вышло в 2003 г.). Он предназначался для мусульманской аудитории, создатели перевода сознательно устраняли всё, что может вызвать ассоциации с христианской традицией: Иисус Христос превратился в Ису Масиха (в версии для таджикской аудитории – Исо Масеха), христиане именуются «верующими в мессию» и т. п. Особо показательной в этом отношении стала так называемая «версия с Аллахом» – если в других вариантах говорится: «Вначале Всевышний сотворил небо и землю», – то в названной редак-

[14] Селезнев М. Г. Новые переводы Евангелия открывают новые смыслы // Нескучный сад: [сайт]. [04.10.12]. URL: https://www.nsad.ru/articles/novye-perevody-evangeliya-otkryvayut-novye-smysly (дата обращения: 10.08.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Хухуни Г. Т., Осипова А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ции читаем: «Вначале Аллах сотворил небо и землю»[15]. Подобного рода адаптивное транскодирование выглядит достаточно спорным, хотя некоторыми авторами «Восточный перевод» и был оценён, скорее, положительно [3, с. 234–236].

РЕАЛИИ: СОХРАНЯТЬ ИЛИ ПРИСПОСАБЛИВАТЬ?

Проблематика, относящаяся к передаче реалий (о переводе в собственном смысле слова здесь говорить можно только условно), традиционно рассматривается как своего рода точка пересечения между собственно языковой стороной (поскольку они входят в лексическую систему исходного языка) и этнокультурной спецификой текста. Во многом задачи, встающие здесь перед переводчиком, аналогичны тем, которые приходится решать, имея дело с произведениями художественной литературы или текстами исторического, этнографического и тому подобного характера; однако в некоторых случаях материал, с которым ему приходится работать, имеет определённые особенности.

Так, среди предлагаемых научной и учебной литературой способов воссоздания реалии на переводном языке традиционно упоминается функциональный аналог. И один из наиболее часто приводимых в этой связи примеров – замена «хлеба насущного» рыбой в переводе на алеутский и рисом в передаче на китайский. На первый взгляд, обе предложенные замены могут показаться явлениями одного порядка. Использование рыбы вместо хлеба вряд ли является идеальным решением хотя бы потому, что возникает вопрос о значении именно хлеба как символа тела Христова (не говоря уже о некоторой сложности её «преломления»). Однако, учитывая, что рыба неоднократно фигурирует в евангельских текстах (более того, именно ею наряду с хлебом Иисус кормил внимавших ему людей, а сама рыба (ИХТИС) была символом Иисуса), такую замену вряд ли можно отнести к искажающим смысл или стиль подлинника. Что же касается риса, то его чужеродность в обстановке библейской Палестины выглядит очевидной, что может исказить представление о природе и условиях жизни в Святой Земле у тех новообращённых, которые будут знакомиться с ними по таким версиям. Поэтому, если в первом случае «красные линии» перевода, в общем, можно считать соблюдёнными,

[15] Восточный перевод, версия с Аллахом [Электронный ресурс]. URL: https://www.bible.com/ru/bible/840/GEN.1.CARS-A (дата обращения: 13.02.2026).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Хухуни Г. Т., Осипова А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

то во втором, на наш взгляд, они явно нарушены. Более допустимой здесь представляется переводческая генерализация (в данном случае – *пища* / *еда* и т. п.), где этнокультурный колорит нейтрализуется, но не искажается.

С другой стороны, может возникнуть и другая проблема: допустимо ли использовать ради достижения прагматической задачи – сделать перевод отвечающим нормам принимающей культуры – такие образные средства, которые для носителей культуры исходной (или выступающей в роли таковой) представляются явно чуждыми?

Весьма интересен в этом плане пример, использованный в своё время Ю. Найдой при обосновании принципов «динамической эквивалентности»: «… если у туземцев, для которых переводится Библия, подразумевая раскаяние, говорят “плюнь себе под ноги”, как, например, на языке шиллук в Судане, то переводчик естественно предпочтёт эту более понятную им идиому», – с поясняющим примечанием: «Эта идиома возникла в связи с требованием, предъявляемым к истцам и ответчикам, чтобы они, по окончании разбора дела и по вынесении приговора, плюнули на землю друг перед другом. Это должно означать, что дело исчерпано и что обвинения больше возобновляться не будут» [7, с. 7].

Сам по себе приём применения фразеологической единицы с привычным для носителей переводного языка образом считается в теории и практике перевода распространённым явлением. Однако в данном случае позволительно усомниться в его уместности, поскольку плевание под ноги в представленном здесь культурном контексте явно не соответствует той среде, которая отражена в евангельском тексте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследованный в статье материал показывает, что доминирующий в настоящее время в теории и практике перевода подход, ориентированный по преимуществу на прагматический аспект, обладая несомненными достоинствами, вместе с тем потенциально может привести к фактическому отходу от подлинника не только в формально-стилистическом, но и в идейно-содержательном отношении, а выдвинутая некоторыми авторами концепция, постулирующая наличие «множества» подлинников у одного исходного текста, по существу,

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Хухуни Г. Т., Осипова А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

фактически означает отказ от перевода в собственном смысле слова. Применительно к переводам Священного Писания подобная «детронизация» оригинала особенно нежелательна, ибо сознательное отклонение (если не искажение) оригинала и фактическое отрицание необходимости наличия некоторого сохраняющегося при различных версиях его передачи общего инварианта способны вызвать резкую реакцию со стороны значительного числа реципиентов, не ограниченную исключительно лингвостилистическими моментами. Данная работа, с одной стороны, способствует более тщательному критическому анализу некоторых применяемых сторонниками рассмотренного подхода решений, а с другой – подтверждает целесообразность дальнейшего уточнения предлагавшихся рядом авторов критериев ([5], [11]), позволяющих отграничить собственно перевод от различного рода прагматических адаптаций. *Теоретическая значимость* проведённого исследования состоит в уточнении принципов эквивалентной и адекватной передачи как религиозных текстов, так и классических произведений художественной литературы и уточнении предлагавшихся критериев ([5], [11]) отграничения собственно перевода от других видов межъязыковой / межкультурной коммуникации. *Практическая ценность* исследования заключается в возможности использования его результатов при дальнейших переводах Библии, а также произведений литературы светского характера, прежде всего имеющих статус классических.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 240 с.
2. Гарбовский Н. К. «Такой науки быть не может». К эпистемологии науки о переводе // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2023. Т. 15. №4. С. 7–24.
3. Десницкий А. С. Современный библейский перевод: теория и методология. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2015. 432 с.
4. Десницкий А. С. Очерк теории перевода Библии // Альманах «Богомыслие». 2021. №30. С. 36–83.
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Хухуни Г. Т., Осипова А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

6. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
7. Найда Ю. А. К науке переводить // Лингвистические аспекты теории перевода: хрестоматия. Ереван: Лингва, 2007. С. 4–31.
8. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения: от языковой асимметрии к политической. М.: Р. Валент, 2015. 512 с.
9. Реформатский А. А. Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе. 1952. №6. С. 12–22.
10. Сдобников В. В. Переосмысление переводоведческих категорий – переосмысление перевода // Военно-гуманитарный альманах. Серия: Лингвистика. 2022. Т. 1. №7. С. 60–75.
11. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Филология 3, 2003. 416 с.
12. Jones L. B. Accelerated Bible Translation: Reflections on 21st Century Challenges and Opportunities // Journal of Language, Culture, and Religion. 2025. No. 66. P. 48–57.
13. Kenmogne M. At Home in All Languages and Cultures: Bible Translation and World Christianity in the Twenty-First Century // Journal of Translation. 2022. No. 18. P. 111–139.
14. King Ph., Kroneman D. The Landscape of Bible Translation in the 21st Century // Evangelical Missions Quarterly. 2022. No. 58. P. 15–19.
15. Merz J. Bible Transmediation in Theory and Practice // The Bible Translator. 2023. Vol. 74. No. 2. P. 213–230.
16. Neutel K. The Bible as a Successful Migrant? Translation, Domestication and Nordic National Identity [Электронный ресурс] // Religions. 2025. Vol. 16. No. 5. URL: https://www.mdpi.com/2077-1444/16/5/647 (дата обращения: 11.02.2026).
17. Nord Chr. Loyalty Revisited. Bible Translation as a Case in Point // The Translator. 2001. Vol. 7. No. 2. P. 185–202.
18. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London: Routledge, 1995. VII + 353 p.
19. Wedland E. R. Exploring Theory and Practice of Modern Bible Translating: A Selected Overview // HTPL Novum. 2023. Vol. 8. No. 1. P. 5–27.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Хухуни Г. Т., Осипова А. А., 2026

ARTICLE INFORMATION

Authors

Georgy T. Khukhuni

- e-mail: khukhuni@mail.ru,
  Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Language Theory,
  English Studies and Applied Linguistics, Faculty of Linguistics
  Federal State University of Education
  ul. Radio 10A/2, Moscow 105005, Russian Federation

Anna A. Osipova

- e-mail: assya@yandex.ru,
  Dr. Sci. (Philology), Head of the Department of Comparative Linguistics,
  Institute of Foreign Languages,
  Moscow Pedagogical State University
  ul. Malaya Pirogovskaya 1/1, Moscow 119991, Russian Federation

For citation:

Khukhuni, G. T., Osipova, A. A. (2026). "Limit of Freedom" in Holy Writ Translation: Linguistic and Cultural Aspects. In: *Russian Social and Humanitarian Journal, 2.*

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To analyse the peculiarities of the different strategies of translation in interlingual Holy Writ transference and their application in modern Bible translations (the end of 20th – the beginning of 21st centuries) from the point of view of their correspondence with the original.

Methodology. The procedure of substantial and formal analysis of translations is used; the reasons of their conscious departure from the traditional understanding of the Holy Writ translation as the task demanding its equivalency to the source text are investigated.

Results. The most illustrative examples of the rejection the principle of preservation the translation invariant are described, the historical, cultural, linguocultural, and proper linguistic aspects of these distortions and their connection with the ideas of politcorrectness and feminization of the sacred text, that were fully alien to it, are investigated.

Research implications. The factual data of the present article as well as its postulates and conclusions stimulate the clarification of the Bible

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Хухуни Г. Т., Осипова А. А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

translation principles and the critical estimation of their distortion, as well as the establishing the criteria that delimit translation from the related phenomena.

Keywords

Bible, invariant, original, translation, politcorrectness, "appropriate language", cultural words

References

1. Barkhudarov, L. S. (2010). *Language and Translation: Issues of General and Specific Translation Theory*. Moscow: LKI publ. (in Russ.).
2. Garbovsky, N. K. (2023). "Such a Science Cannot Exist." Toward the Epistemology of Translation Science. In: *Moscow University Translation Studies Bulletin*, 15 (4), 7–24 (in Russ.).
3. Desnitsky, A. S. (2015). *Modern Biblical Translation: Theory and Methodology*. Moscow: Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities publ. (in Russ.).
4. Desnitsky, A. S. (2021). An Outline of the Theory of Bible Translation. In: *Bogomysliye: Theological Journal*, 30, 36–83 (in Russ.).
5. Komissarov, V. N. (2002). *Modern Translation Studies*. Moscow: ETS publ. (in Russ.).
6. Leontiev, A. A. (1997). *Fundamentals of Psycholinguistics*. Moscow: Smysl publ. (in Russ.).
7. Naida, Yu. A. (2007). Toward the Science of Translation. In: *Linguistic Aspects of Translation Theory*. Yerevan: Lingua publ., pp. 4–31 (in Russ.).
8. Prunch, E. (2015). *The Development Paths of Western Translation Studies: From Linguistic Asymmetry to Political Asymmetry*. Moscow: R. Valent publ. (in Russ.).
9. Reformatsky, A. A. (1952). Linguistic Issues of Translation. In: *Foreign Languages at School*, 6, 12–22 (in Russ.).
10. Sdobnikov, V. V. (2022). Rethinking Translation Categories is Rethinking Translation. In: *Military-Humanitarian Almanac. Linguistics Series*, 1 (7), 60–75 (in Russ.).
11. Fedorov, A. V. (2003). *Fundamentals of the General Theory of Translation (Linguistic Problems)*. Moscow: Philologiya 3 publ. (in Russ.).
12. Jones, L. B. (2025). Accelerated Bible Translation: Reflections on 21st Century Challenges and Opportunities. In: *Journal of Language, Culture, and Religion*, 66, 48–57.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Хухуни Г. Т., Осипова А. А., 2026

13. Kenmogne M. (2022). At Home in All Languages and Cultures: Bible Translation and World Christianity in the Twenty-First Century. In: *Journal of Translation*, 18, 111–139.

14. King, Ph., Kroneman, D. (2022). The Landscape of Bible Translation in the 21st Century. In: *Evangelical Missions Quarterly*, 58, 15–19.

15. Merz, J. (2023). Bible Transmediation in Theory and Practice. In: *The Bible Translator*, 74 (2), 213–230.

16. Neutel, K. (2025). The Bible as a Successful Migrant? Translation, Domestication and Nordic National Identity. In: *Religions*, 16 (5). URL: https://www.mdpi.com/2077-1444/16/5/647 (accessed: 11.02.2026).

17. Nord, Chr. (2001). Loyalty Revisited. Bible Translation as a Case in Point. In: *The Translator*, 7 (2), 185–202.

18. Venuti, L. (1995). *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. London: Routledge.

19. Wedland, E. R. (2023). Exploring Theory and Practice of Modern Bible Translating: A Selected Overview. In: *HTPL Novum*, 8 (1), 5–27.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Хухуни Г. Т., Осипова А. А., 2026

УДК 811.111'373

КОРПУСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ЛЕКСИКИ КАК РЕЗУЛЬТАТА КОНТАКТА КУЛЬТУР

Валуйцева Ирина Ивановна

- e-mail: irinaiv–v@yandex.ru;
  доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики,
  Государственный университет просвещения
  105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Шрестх Ом

- e-mail: Omhresth12@gmail.com;
  аспирант кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики;
  Государственный университет просвещения
  105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

Для цитирования

Валуйцева И. И., Шрестх О. Корпусный подход к изучению общественно-политической и религиозно-философской лексики как результата контакта культур // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 07.02.2026
- Статья размещена на сайте 24.06.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация
Ключевые слова
Введение
История изучения заимствований из языков Индии в английский

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Политико-административная лексика
Религиозно-философская лексика
Заключение
Литература
Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Исследовать заимствования в сфере общественно-политической и религиозно-философской лексики в период британского правления в Индии на примере английского языка с применением методов корпусной лингвистики.

Процедура и методы. В работе применяются исторический подход и корпусный анализ. Использован корпус Google Books XIX–XXI вв. с расчётом относительной частотности лексем по годам с помощью Google Ngram Viewer. Для семантического анализа применены распределённые представления слов, простроенные на тех же данных, что позволило сравнить ранние и поздние векторные окружения изучаемых лексем. Материал разделён на политико-административную и религиозно-философскую лексику.

Результаты. В результате исследования выявлена динамика употребления заимствований, отражающих социально-политические реалии колониального периода, а также религиозно-философские понятия; показаны их закрепление в английском языке, распространение через него в другие языки и зависимость динамики их употребления от исторического и культурного контекста.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование уточняет механизмы заимствования в условиях асимметричных языковых контактов; материалы работы могут быть использованы в курсах по лексикологии, социолингвистике, истории английского языка и теории языковых контактов, а также в практике экскурсионного дискурса для ознакомления представителей иных культур с индийскими реалиями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

заимствование, история Индии, Ост-Индская компания, корпусный метод, общественно-политическая лексика, религиозно-философская лексика

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении истории человечества постоянно происходят контакты между людьми, как внутри одного сообщества, так и между представителями разных этнических групп. Длительные контакты ведут к взаимодействию языков, прежде всего появляются лексические заимствования и пополняется словарный состав языков.

В связи с расширением контактов между Российской Федерацией и Индией, в частности в сфере туризма и увеличения турпотока россиян в Индию, для более глубокого постижения различных сторон культуры страны необходимо понимать основные термины, относящиеся к индийской культуре. Эта терминология часто входила в русский язык через посредство английского (художественная литература, научные исследования, записки путешественников). Целью настоящего исследования является изучение заимствованной общественно-политической и религиозно-философской лексики – двух весьма специфичных сфер индийского общества – в диахронии с помощью методов корпусной лингвистики.

Попытку теоретического обоснования взаимодействия языков и языкового заимствования впервые предпринял во второй половине XIX столетия И. А. Бодуэн де Куртенэ [4].

Заимствованные слова не только признаны в европейской и американской лингвистике наиболее распространённым явлением языковых контактов, но и занимают важное место в общей лингвистике благодаря доказательствам, которые они привносят в понимание грамматической структуры языка, а также в теорию языковых изменений и историческую лингвистику [1; 2; 14].

И. Г. Добродомов дал общую характеристику и классификацию лексических заимствований, показав, что заимствование слов – это естественный процесс языкового развития, когда лексическое заимствование не только не вредит самобытности языка, но и обогащает его, поскольку, во-первых, сохраняется «собственный» словарь, во-вторых, неизменным остаётся присущий языку грамматический строй и не нарушаются внутренние законы языкового развития[1].

[1] Добродомов И. Г. Заимствование // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева; 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 158–159.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

С. В. Гринёв-Гриневич представил, на наш взгляд, наиболее детальную классификацию заимствований. Он выделяет следующие главные признаки: во-первых, время заимствования; во-вторых, язык – источник заимствования; в-третьих, сферу употребления заимствованных слов (общеупотребительные / специальные); в-четвёртых, характер заимствованного материала. Говоря о последнем признаке, С. В. Гринёв-Гриневич отмечает: а) прямое или материальное заимствование, а именно заимствование из другого языка как материальной (звуковой или графической) стороны знака, так и его значения; б) калькирование, имеющее три разновидности: 1) словообразовательное калькирование, имитирующее чужую словообразовательную модель при наполнении её собственным морфемным материалом; 2) смысловое или же семантическое калькирование, при котором у слов заимствующего языка под воздействием языка-донора появляются новые значения; 3) фразеологическое калькирование, т. е. фактически перевод иноязычного выражения «по словам»[2].

О том, что понятие «заимствование» в лингвистике является многозначным, а также о том, как данное явление изучается в плане адаптации заимствованных единиц, их изменений под влиянием интерференции, функционирования в системе языка-реципиента, писали многие англоязычные, русские и другие авторы [5; 6; 7; 9; 10; 20].

Заимствованные слова изучаются ими с разных точек зрения, затрагивая различные разделы лингвистики: фонетику, фонологию, морфологию и семантику, а также социолингвистику и историческую лингвистику.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ ЯЗЫКОВ ИНДИИ В АНГЛИЙСКИЙ

О. Есперсен, считавший английский самым совершенным из существующих языков, замечал в начале XX в., что вся история этого языка – это «цепочка заимствований» [14; 17]. Это подтверждают и англоязычные исследователи: «При изучении такого языка, как наш, который обогатил свой родной фонд за счёт заимствования тысяч слов из иностранных языков, разница между "родными" и "заимствованными" словами имеет

[2] Гринёв С. В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. С. 153–156.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

большое значение. Каждый образованный англичанин знает, что значительная часть его словарного запаса заимствована из латыни или французского языка …» [16, p. 93–101]. По словам современного американского лингвиста А. Либермана, работы по заимствованиям в английском языке могут составить целую библиотеку[3]. Однако наиболее полным исследованием на эту тему, по нашему мнению, является книга М С. Серджентсон «История иностранных слов в английском языке» [19].

Индия была самой обширной и многолюдной из всех британских колоний и располагала огромными природными богатствами, в том числе драгоценными камнями. Неслучайно её называли жемчужиной в короне Британской империи. В XVI–XIX вв. в английском языке отложился значительный слой индийских слов, почерпнутый как в процессе устного общения, так и из санскрита, на котором написаны многочисленные произведения религиозной, философской, юридической, научной и художественной литературы [11; 12; 13]. При этом особое внимание заслуживают политическая и религиозно-философская лексика.

Большинство индийских, англоязычных и российских лингвистов относят начало процесса заимствования из индийских языков в английский к первым десятилетиям XVII в., а иногда даже точно к 1600 г., когда согласно указу английской королевы Елизаветы I была создана Английская (с 1707 г. – Британская) Ост-Индская компания [8, с. 388–391]. Это акционерное общество, присвоив себе правительственные и военные функции, в течение полутора столетий осуществляло британскую колонизацию Индии и ряда стран Востока [15].

Вместе с тем первое пополнение словарного состава английского языка из языков Индии следует относить к более раннему периоду, когда в Англии в XVI в. появился значительный торговый флот и купеческие компании начали организовывать заграничные экспедиции. Можно согласиться с Г. Юлом и А. К. Бернеллом, авторами книги «Хобсон-Джобсон: глоссарий разговорных англо-индийских слов и фраз, а также родственных им терминов, этимологических, исторических, географических и дискурсивных»[4], которые писали, что слова ин-

[3] Liberman A. An analytic dictionary of English etymology. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2008. 408 p.

[4] Hobson-Jobson // Hobson-Jobson: A glossary of colloquial Anglo-Indian words and phrases, and of kindred terms, etymological, historical, geographical and discursive: 2,455 entries / comp. H. Yule, A. C. Burnell; ed. W. Crooke. London: John Murray, 1903. P. 1069.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

дийского происхождения проникали в английский язык с конца правления королевы Елизаветы I и начала правления короля Якова I Английского, т. е. со второй половины XVI в. Именно тогда такие термины, как *calico* (ткань из неотбелённого хлопка родом из г. Каликут), *chintz* (хлопчатобумажная ткань с цветочными узорами) и *gingham* (хлопчатобумажная ткань с узором в виде квадратов) «уже прочно обосновались на английских складах и в магазинах и ждали своего часа в английской литературе» [19, p. 157].

Работа Г. Юла и А. К. Бернелла, вышедшая в 1886 г., представляет собой исторический словарь заимствований в английский из индийских языков, которые вошли в обиход в период британского правления в Индии. Фактически это энциклопедическое издание, содержащее более 2000 словарных статей. Причём некоторые литературные источники, на которые ссылаются авторы, относятся ко времени первых контактов европейцев, в том числе англичан, с Индийским субконтинентом. В большинстве статей приводится этимология слов.

Словарь Г. Юла и А. К. Бернелла послужил примером создания словарей, глоссариев и тезаурусов индийских общеупотребительных слов, а также социально-политической лексики, связанной с административной, гражданской и военной службой[5].

Обогащение словарного состава английского языка происходило не только как следствие прямой колонизации территории Индии, но и в результате создания английских торговых и промышленных предприятий в этой стране. Слова из языков Индии можно найти в произведениях многих известных британских писателей, писавших на колониальную тематику, таких как Р. Киплинг, Дж. Оруэлл, Э. М. Форстер, П. Скотт (см., напр. Киплинг[6], Фостер[7]). Часто современные издания произведений этих авторов содержат приложение с кратким списком слов индийского происхождения. Эти слова, как правило, встречаются также в известных постколониальных романах, написанных на английском языке индийскими писателями (см., на-

[5] A dictionary of words used in the East Indies // A dictionary of words used in the East Indies with full explanations: approx. 1,000–1,200 entries / comp. S. Rousseau. London: Asperne, 1804. P. 354.

[6] Kipling R. Kim. New York: Doubleday page and Company, 1901. 500 p.

[7] Foster E. M. A Passage to India. New York: Mariner books classics, 1965. 368 p.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

пример К. Десаи[8], Амитав Гош[9], Раджа Рао[10]). Таким образом, индийские заимствования проходят отбор: одни остаются локальными или устаревают, другие переходят в ядро общеупотребительной лексики. Это даёт материал для сопоставления: какие лексико-семантические группы слов и в какие периоды преобладают, какие дают наибольший процент устойчивых заимствований.

Говоря о заимствованных индийских словах в английском языке, Н. С. Битко отмечает, что около 300 слов попало в лексическую систему английского языка в XVII ст., 100 слов – в XVIII в., 300 слов – в XIX ст. Остальные слова были заимствованы в XIX–XX стст., причём путь заимствования был в большинстве случаев прямым, а не через языки индийских общин в Великобритании и других странах [3; 18].

Для решения задач нашего исследования необходимо определить закономерности в употреблении тех или иных индийских заимствований в английском. С этой целью нами используются методология квантитативной лингвистики, а также метод семантического векторного анализа. Google Ngram Viewer[11] – это инструмент корпусного анализа, который показывает, как часто слово или фраза встречаются в оцифрованных книгах Google по годам; частота выражается как доля от общего объёма текста за каждый год, поэтому кривые частотности можно напрямую сравнивать. Семантические окрестности извлекались на основе распределённых представлений слов, построенных на англоязычном корпусе Google Ngram Viewer (XIX–XXI вв.) в диахронных срезах.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

Среди заимствований из индийских языков большое место занимает общественно-политическая лексика. Это обусловлено как длительностью языковых контактов индийцев и англичан во время колониального господства Британии в Индии, так и социально-культурной значимостью индийской общественно-политической лексики в колониальный и постколони-

[8] Desai K. The Inheritance of Loss. New York: Grove Press, 2006. 384 p.
[9] Amitav Ghosh. Sea of Poppies. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2008. 536 p.
[10] Raja Rao. The Cow of the Barricades and Other Stories. Madras: Oxford University Press, 1947. 174 p.
[11] Google Books Ngram Viewer [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.com/ngrams (дата обращения: 15.11.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

альный периоды, когда английским военным и гражданским управленцам требовалось чёткое понимание индийских социальных и политических реалий, прежде всего тех, которые отражали властную структуру индийских государственных образований. Она отражает бытовавшие в то время структуру индийского общества, гражданские институты, способы организации общественной жизни, а также актуальные в определённые исторические периоды политические процессы. Приведём некоторые примеры.

В XVII в. были заимствованы следующие слова: *nabob (набоб); maharajah* (*махараджа); taluqdar* (*талукдар); *parishad (паришад); zamindar (заминдар); sahib (сахиб)* и др. В XVIII в. список названий должностей и титулов пополнился новыми словами: *jemadar (джемадар); nizam (низам); baboo* (*бабу*, т. е. форма обращения, соответствующая слову «господин», а также уничижительно об индийском клерке, который имеет некоторое знание английского языка).

Как пишет М. Серджентсон, в XIX в. количество заимствований из индийских языков увеличилось, чему отчасти способствовало описание Индии в художественной литературе, а также путешествия в эту страну и упоминания о ней в мемуарах [19]. Наиболее распространёнными заимствованными словами в художественной литературе были *jungle, lac, sepoy, sahib, swadeshi.*

Нами был проведён анализ частотности заимствованных слов общественно-политической тематики при помощи Google Ngram Viewer за период с 1800 по 2000 гг. В статье в силу ограниченности объёма представим результаты для следующих слов: *maharaj, nawab* и *sahib.*

График (рис. 1) демонстрирует динамику частотности употребления лексем *maharaj, nawab* и *sahib* в английском языке. В диаграмме по оси X указаны годы (1800–2000), по оси Y – нормированная частотность лексем в корпусе Google Books, т. е. их доля от общего числа слов за год (на миллион словоупотреблений). Все три слова остаются малочастотными, но их распределение по времени различается: наиболее частотной оказывается единица *sahib*, частотность которой заметно растёт в XIX в., достигает максимума в конце XIX – начале XX вв., а затем снижается. Частотность слова *nawab* снижалась в XX в. более плавно, тогда как *maharaj* сохраняет минимальные значение на всём протяжении рассматриваемого периода. Рост

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

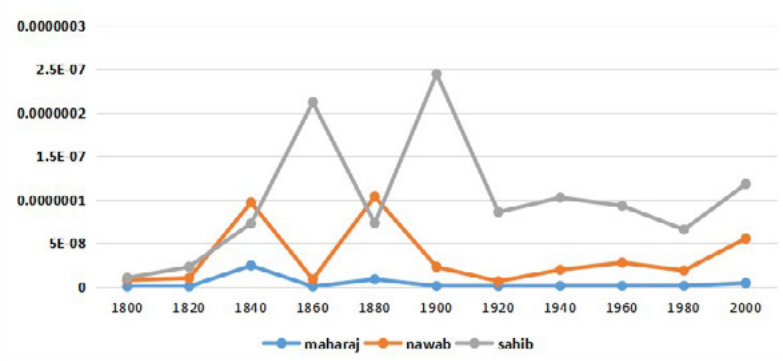

Рис. 1 / Fig. 1. Общественно-политические термины (1800-2000 годы). Частотность общественно-политических терминов *maharaj, nawab, sahib* в англоязычной литературе по данным Google Ngram Viewer (1800–2000) / Frequency of the socio-political terms *maharaj, nawab and sahib* in English-language literature according to Google Ngram Viewer (1800–2000)

Источник: Google Books Ngram Viewer [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3RHzo5 (дата обращения: 19.01.2026).

частотности связан с политическим и культурным контекстом Британской Индии: слово *sahib* функционировало как типичное обращение к европейскому мужчине, а *nawab* и *maharaja* обозначали титулы индийских правителей и знати и входили в английский язык через описания колониальной администрации, договоры с княжескими государствами и ориенталистскую литературу.

В табл. 1 приводятся результаты векторного семантического анализа рассмотренных слов.

В XX в. политическая история Индии привносит в английский язык такие слова, как, например, *swaraj, swadeshi, satyagraha,* которые фиксируются словарями, но сохраняют статус культурно маркированных [19].

Диаграмма (рис. 2) показывает, как политическая история Индии влияет на лексику английского языка в XX в. Слова *swaraj* «сварадж», *swadeshi* «свадеши» и *satyagraha* «сатьяграха» практически не встречаются в английских текстах до 1900 г. Заметный рост их частотности начинается в первые десятилетия XX в. и особенно усиливается к его концу. Популярность этих заимствований связана с ключевыми событиями индийского

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Таблица 1 / Table 1

Политико-административная лексика: векторные семантические окружения: диахронное сравнение / Political–administrative: Vector-Based Semantic Neighborhoods: Diachronic Comparison

Лексема	Группа	Раннее векторное окружение	Позднее векторное окружение
Maharaja (махараджа)	Политико-административная	принц, правитель, родное государство, дворец, двор	правитель, Индия, королевский, титул, княжеский, исторический
Nawab (наваб)	Политико-административная	Бенгал, принц, правитель, двор, дворец	мусульманин, аристократ, землевладелец, политик, титул
Sahib (сахиб)	Политико-административная	офицер, гражданский, полковник, англичанин, мемсахиб «memsahib»	колониальный, британский, раджистский, плантаторский, клубный

Источник: HistWords: Word Embeddings for Historical Text [Электронный ресурс]. URL: https://nlp.stanford.edu/projects/histwords (дата обращения: 19.01.2026).

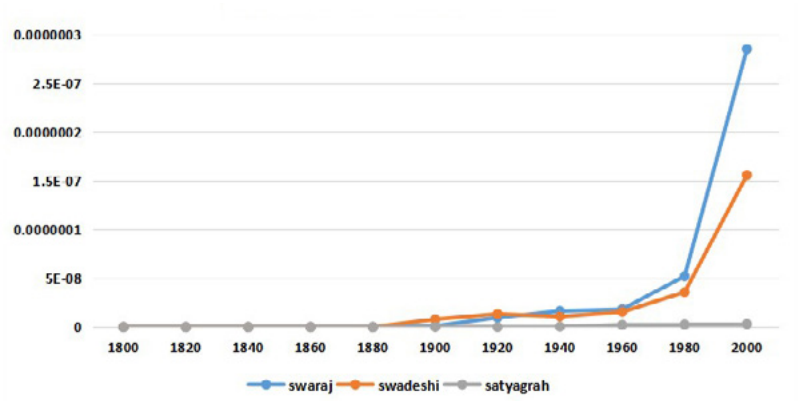

Рис. 2 / Fig. 2. Политические термины (1800-2000 годы). Частотность политических терминов *swaraj, swadeshi, satyagrah* в англоязычной литературе по данным Google Ngram Viewer (1800–2000) / Frequency of the political terms *swaraj, swadeshi and satyagrah* in English-language literature, according to Google Ngram Viewer (1800–2000)

Источник: Google Books Ngram Viewer [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3REwmJ (дата обращения: 19.01.2026).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

национально-освободительного движения. Рост частотности в 1900–1940-е гг. отражает движение *swadeshi*, деятельность Индийского национального конгресса и массовую политическую мобилизацию против британского господства. Термин *satyagraha*, введённый и активно распространяемый М. Ганди, входит в оборот через его англоязычные тексты, переводы речей и освещение его кампаний в британской и мировой прессе.

Второй подъём после 1960-х гг. связан с глобальным интересом к идеям Ганди, общей волной деколонизации, а также развитием политологии, индологии и постколониальных исследований. В английском языке эти слова фиксируются словарями и активно используются в описании истории и политической культуры Индии, но сохраняют статус культурно маркированных заимствований.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ЛЕКСИКА

По данным таких лексикографических источников, как Oxford English Dictionary[12], Merriam Webster[13], насчитывается несколько сотен индийских слов, закрепившихся в английском языке, причём большой пласт заимствованных слов связан с индийскими религиями и философией.

В европейской культуре XVIII–XX вв., в том числе британской, возникает широкое течение, получившее наименование «ориентализм». Оно характеризовалось интересом к народам, культурам, искусству и языкам Востока, в том числе Индии. На фоне интереса к индийской философии и духовной культуре через английский язык становятся всемирно известными многие термины из индийских языков, и прежде всего из санскрита, а затем хинди. В результате появились термины для обозначения духовных понятий (*avatar, chakra, dharma, mantra, nirvana, moksha, samsara*), практик (*yoga*) и индийской культуры *(guru, pandit, juggernaut*). Обратимся к терминологии наиболее известных религий Индии: индуизму, джайнизму, сикхизму и буддизму.

На графике, построенном в Google Ngram Viewer (рис. 3), видно, что частотность индийской религиозно-философской лексики индуизма в английских книгах резко растёт во второй по-

[12] Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.oed.com/?tl=true (дата обращения: 15.11.2025).

[13] Merriam Webster [Электронный ресурс]. URL: https://www.merriam-webster.com/ dictionary (дата обращения: 15.11.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

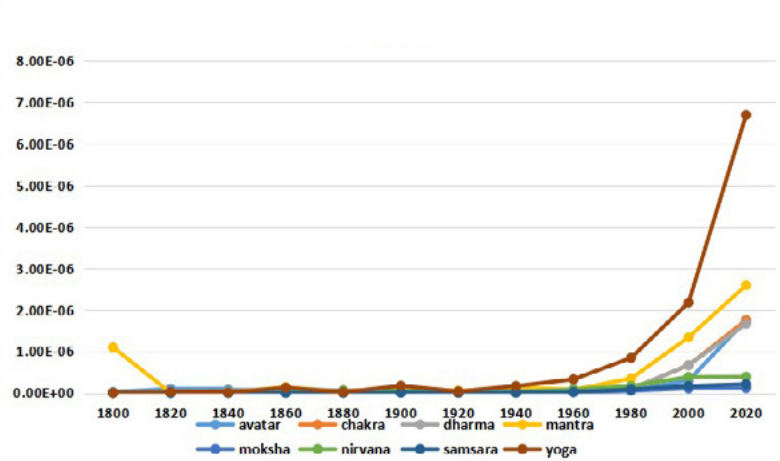

Рис. 3 / Fig. 3. Частотность ключевых философских терминов индуизма в англоязычной литературе по данным Google Ngram Viewer (1800–2022) / Frequency of key philosophical terms of Hinduism in English-language literature according to Google Ngram Viewer (1800–2022)

Источник: Google Books Ngram Viewer [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3REQag (дата обращения: 19.02.2026).

ловине XX в. и особенно после 1990–2000-х гг. В списке лексем абсолютным лидером становится *yoga* (йога) – система практик и дисциплин, связанная с телом, дыханием и медитацией; её максимум приходится на конец периода (около 2020 г.), что можно связать с массовой популяризацией йоги в западной культуре, индустрии здоровья и медиа. Следом растут *manta* (мантра) – «сакральная формула / повторяемое изречение», и *dharma* (дхарма) – понятие нормы, учения и «правильного пути»; их пики тоже приходятся на последние годы, поскольку эти слова активно используются не только в академической литературе, но и в публицистике и популярных книгах. Более специализированные *chakra* (чакра) – «энергетические центры» в некоторых традициях, *moksha* (мокша) – «освобождение от круговорота перерождений», и *samsara* (самсара) – «сам круговорот рождений и смертей» растут медленнее, их частотность ниже, хотя заметно прибавляют в 2000–2010-х гг. на фоне интереса к восточным практикам. При интерпретации важно учитывать сдвиги в семантике (табл. 2): например,

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

nirvana (нирвана) – «состояние освобождения / угасания страданий в буддизме» и *avatar* (аватар) – «воплощение божества» (прежде всего в индуизме) получают новые значения, такие как аватар – «цифровой образ пользователя» в поп-культуре и цифровой среде, поэтому рост частотности некоторых лексем не всегда означает употребление именно в сфере религии.

Таблица 2 / Table 2

Индуизм: векторные семантические окружения: диахронное сравнение / Hinduism: vector-based semantic neighborhoods: diachronic comparison

Лексема	Группа	Раннее векторное окружение	Позднее векторное окружение
yoga «йога»	индуизм	индуизм, философия, аскетизм, медитация, дисциплина	физическая культура, тренировка, курс обучения, кружок, оздоровление
mantra «мантра»	индуизм	ритуал, пение, ведический, священник, гимны	слоган, повторение, медитация, подтверждение, словосочетание
dharma «дхарма»	индуизм	правила, долг, праведность, учение, замкнутая группа	этика, религия, карма, путь, преподавание
chakra «чакра»	индуизм	тантрист, утончённый кузов, лотос, середина, нерв	энергия, исцеление, медитация, весы, духовная ценность
moksha «мокша»	индуизм	освобождение, круг перерождений, рабство, душа, спасение	просвещение, движение за равноправие, перевоплощение, философская система, священное писание
Samsara «самсара»	индуизм	рождение, смерть, второе рождение, колесо бытия, бытие	суточный круг, страдать, перевоплощение, загробный мир, иллюзия
Nirvana «нирвана»	индуизм / буддизм	Будда, вымирание, спасение, состояние, стяжание истинного мира	мир, блаженство, венчик, песня, метафора
Avatar «аватар»	индуизм	Вишну, инкарнация, бог, сошествие Святого Духа, миф	сетевой, профиль, виртуальный, игра, характер

Источник: HistWords: Word Embeddings for Historical Text [Электронный ресурс]. URL: https://nlp.stanford.edu/projects/histwords (дата обращения: 06.02.2026).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

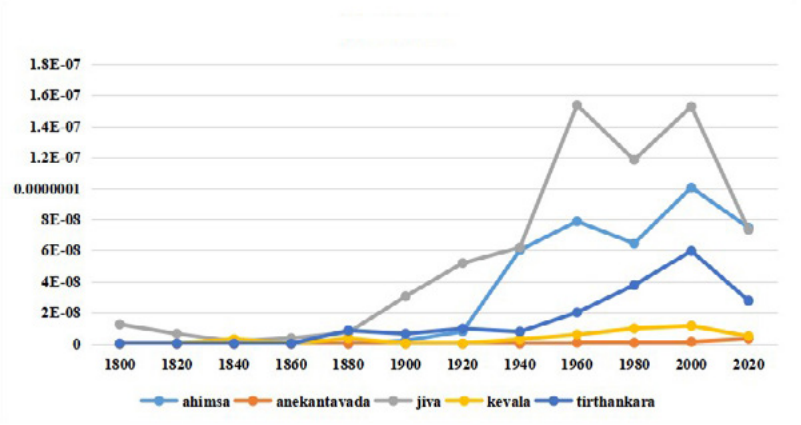

Рис. 4 / Fig. 4. Частотность ключевых религиозно-философских терминов джайнов в англоязычной литературе по данным Google Ngram Viewer (1800–2022) / Frequency of key religious – philosophical terms of Jainism in English language literature according to Google Ngram Viewer (1800–2022)

Источник: Google Books Ngram Viewer [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3RDcjp (дата обращения: 06.02.2026).

На графике по джайнизму (рис. 4) видно, что до конца XIX в. большинство терминов почти не фиксируется в англоязычных книгах, а затем их частотность постепенно растёт, особенно в XX в. Максимально частотными являются лексемы *jiva* (джива) и *ahimsa* (ахимса): *jiva* даёт самые высокие значения, с заметными пиками примерно в районе 1960-х гг. и затем ближе к 2000-м гг., что хорошо объясняется ростом академической литературы по индологии, религиоведению и сравнительной философии в эти годы, где понятие «души / живого начала» является ключевым. Частотность лексемы *ahimsa* усиливается после 1940-х гг. и достигает максимума примерно к 2000-м гг., что логично связать с расширением этического и общественно-политического дискурса о ненасилии (Ганди, пацифизм, права животных). Частотность лексем *tirthankara* (тиртханкара) и *kevala* (кевала) растёт слабее, поскольку они преимущественно встречаются в более узких работах по доктрине и практике джайнизма. Частотность лексемы *anekantavada* (анекантавада) остаётся на минимальных значениях: это специализированный философский термин, который редко выходит за пределы исследований по джайнистской логике и эпистемологии.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

В таблице 3 приводятся результаты векторного семантического анализа по терминам джайнизма.

Таблица 3 / Table 3

Индуизм: векторные семантические окружения: диахронное сравнение / Jainism: vector-based semantic neighborhoods: diachronic comparison

Лексема	Группа	Раннее векторное окружение	Позднее векторное окружение
Jiva «джива»	джайнизм	душа, сущность, вещество, карма, нематериальный	жизнь изобильная, организм, индивидуальность, разум, душа
Ahimsa «ахимса»	джайнизм	джайн, молитва, монах, вероучение, пост	Ганди, принцип, пацифизм, вегетарианство, активизм
Tirthankara «тиртханкара»	джайнизм	тиртханкара, святой, учитель, икона, богослужение	храм, икона, родословная, мифология, доктрина
Kevala «кевала»	джайнизм	знания, всезнание, освобождение, быть верующим, просветление	всеведение, реализация, сознание, доктрина, медитация
Anekantavada «анекантавада»	джайнизм	учение, член общины джайнов, позиция, истина, неверующий	плюрализм, релятивизм, перспектива, философия, логика

Источник: HistWords: Word Embeddings for Historical Text [Электронный ресурс]. URL: https://nlp.stanford.edu/projects/histwords (дата обращения: 06.02.2026).

На графике (рис. 5) по сикхизму видно, что до конца XIX в. большинство терминов почти не фиксируется, а заметный рост начинается с 1900-х гг. и усиливается в XX в. Самой частотной на протяжении XX в. является лексема *sardar* (сардар): её частотность резко увеличивается к 1900 г., даёт большой пик около 1940 г. и продолжает оставаться частотной в 1960–2000-е гг., и затем снижается к 2020 г. Это можно связать с расширением англоязычных текстов об Индии и южноазиатских сообществах, при этом важно помнить, что *sardar* иногда используется шире, не только в строго сикхском контексте. *Khalsa* (халса) растёт более ровно: заметный уровень частотности появляется

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

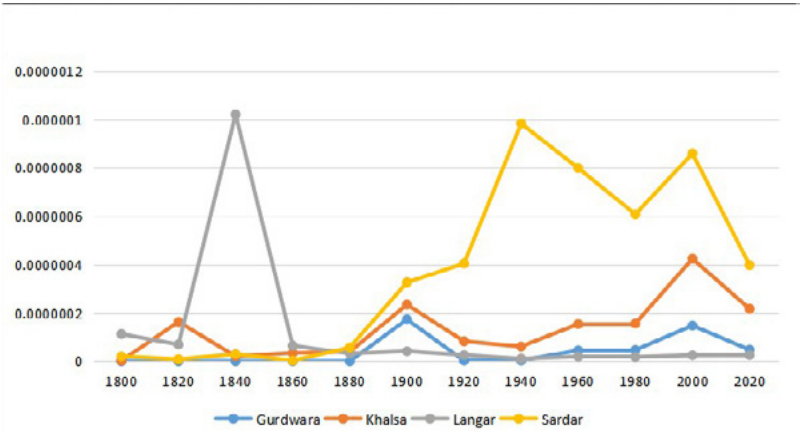

Рис. 5 / Fig. 5. Частотность ключевых религиозно-философских терминов сикхов в англоязычной литературе по данным Google Ngram Viewer (1800–2022) / Frequency of key religious–philosophical terms of Sikhism in English language literature according to Google Ngram Viewer (1800–2022)

Источник: Google Books Ngram Viewer [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3RDcuJ (дата обращения: 06.02.2026).

к 1900 г., максимум приходится на 2000 г., затем идёт спад к 2020 г., что коррелирует с ростом историко-религиоведческой и справочной литературы. У лексемы *gurdwara* (гурдвара) отмечается скачок к 1900 г., затем спад и новый подъём через 100 лет – к 2000 г. и спад к 2020 г., что типично для терминов, которые входят в широкий оборот через описательные и образовательные тексты. Наконец, частотность лексемы *langar* (лангар) выделяется ранним всплеском около 1840 г., после чего её частотность минимальна. Вполне вероятно, что такой пик мог возникнуть из-за особенностей корпуса и входящих в него текстов.

В таблице 4 приводятся результаты векторного семантического анализа для терминов джайнизма.

На графике (рис. 6), отражающем частотность лексем, относящихся к буддизму, видно, что по оси X отложены годы (1800–2020 гг.), а по оси Y – относительная частотность слов в англоязычных книгах (1 на миллион словоупотреблений).

Максимально частотной является лексема *budhha* (Будда): слово встречается на всём временном диапазоне, заметно ра-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Таблица 4 / Table 4

Сикхизм: векторные семантические окружения: диахронное сравнение / Sikhism: vector-based semantic neighborhoods: diachronic comparison

лексема	группа	раннее векторное окружение	позднее векторное окружение
sardar «сардар»	сикхизм	главный, служитель, конница, полк, служитель	сикх, община, политик, диаспора, Пенджаб
khalsa «халса»	сикхизм	братство, крестимый, сикх, воины, приказ	идентичность, сообщество, учреждение, школа, организация
gurdwara «гурудвара»	сикхизм	храм, сикх, святыня, богослужение, община	сообщество, диаспора, Лондон, Торонто, кухня
langar «лангар»	сикхизм	кухня, еда, храм, бесплатно, паломники	сообщество, благотворительность, еда, обслуживание, волонтёры
guru granth sahib «гуру грант сахиб»	сикхизм	священные писания, гимны, гуру, декламация, сикх	священное писание, канон, перевод, церемония, авторитет

Источник: HistWords: Word Embeddings for Historical Text [Электронный ресурс]. URL: https://nlp.stanford.edu/projects/histwords (дата обращения: 06.02.2026).

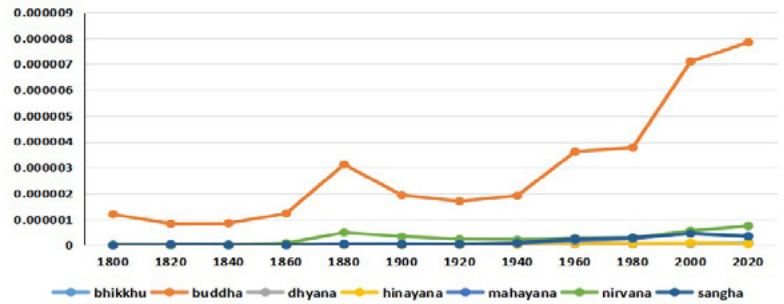

Рис. 6 / Fig. 6. Частотность ключевых религиозно-философских терминов буддистов в англоязычной литературе по данным Google Ngram Viewer (1800–2022) / Frequency of key religious–philosophical terms of Buddhism in English language literature according to Google Ngram Viewer (1800–2022)

Источник: Google Books Ngram Viewer [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3RDd3V (дата обращения: 06.02.2026).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

стёт в конце XIX в., далее частотность увеличивается с середины XX в., причём особенно резко – после 1980 г., что хорошо согласуется с ростом интереса к буддизму в академической литературе, в переводах и популярной культуре. На втором месте идут *nirvana* (нирвана, «освобождение / угасание страданий») и *sangha* (сангха, «буддийская община»): их частотность растёт более плавно и тоже увеличивается в конце XX – начале XXI вв. Термины *dhyana* (дхьяна, «медитативное сосредоточение») и *bhikkhu* (бхикку, «монах») имеют низкую частотность, что характерно для специальных текстов по религиоведению. *Mahayana* (махаяна, «великая колесница») и *hinayana* (хинаяна, «малая колесница») имеют низкую частотность; при этом важно помнить, что она отражает именно употребление слов в книгах, а не точное число носителей традиции или реальную популярность учения.

Векторное представление (табл. 5) лексемы *buddha* свидетельствует об изменении семантики слова. На раннем временном отрезке корпуса ближайшими соседями являются *Gautama, sermon, monk, doctrine, teaching,* что соответствует описанию Будды в рамках религиоведческих и переводных текстов. В позднее время к этому окружению добавляются лексемы *statue*, *image*, *Zen*, *meditation*, *smile*, *garden*, что указывает на активное присутствие образа Будды в популярной культуре и психологической литературе, где он выступает символом «спокойствия», «гармонии» и «осознанности».

Таблица 5 / Table 5

Буддизм: векторные семантические окружения: диахронное сравнение/ Buddhism: vector-based semantic neighborhoods: diachronic comparison

Лексема	Группа	Раннее векторное окружение	Позднее векторное окружение
buddha «будда»	«буддизм»	Гаутама, монах, проповедь, доктрина, учение	статуя, образ, дзен, медитация, улыбка
sangha «сангха»	«буддизм»	монахи, община, орден, монастырь, ученики	община, практикующие, миряне, монахи, ретрит
dhyana «дхьяна»	«буддизм»	медитация, сосредоточение, концентрация, практика, стадия	медитация, осознанность, йога, техника, практика

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Окончание **Таблицы 5 / Table 5.**

Bhikkhu «бхикшу»	«буддизм»	монах, ряса, подаяние, дисциплина, монастырь	монах, посвящение, традиция Тхеравады, Шри-Ланка, традиция
Mahayana «махаяна»	«буддизм»	школа, доктрина, сутра, Хинаяна, писания	традиция, Восточная Азия, философия, практика
Hinayana «хинаяна»	«буддизм»	школа, Тхеравада, малая колесница, полемический термин	школа, Тхеравада, малая колесница, полемический термин

Источник: HistWords: Word Embeddings for Historical Text [Электронный ресурс]. URL: https://nlp.stanford.edu/projects/histwords (дата обращения: 06.02.2026).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ научной литературы российских, индийских и англоязычных авторов, словарей английского языка, корпуса Google Books XIX–XXI вв. показывает, что пополнение словарного состава английского языка из индийских языков было значительным. Это объясняется тесными связями – экономическими, политическими, культурными – метрополии Британии и её колониального владения Индии.

Общественно-политическая и религиозно-философская лексика составляют большой массив заимствований. Заимствование первой было обусловлено практическими потребностями британских колониальных властей в управлении колониальными владениями, решении административных, юридических и хозяйственных вопросов. Индийская философия и религиозные течения привлекали внимание, прежде всего, английских учёных-ориенталистов, а также историков, писателей, юристов и др.

Как показали корпусные методы исследования, заимствованная общественно-политическая лексика относится в основном к историзмам и в настоящее время используется или в художественных произведениях, или в текстах по истории Индии (сюда можно отнести и фильмы на историческую тематику).

Религиозно-философская лексика, относящаяся к основным религиям и философским учениям Индии, наоборот, получила в настоящее время широкое распространение вместе с

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

этими учениями и практиками и через английский язык вошла в словарь других языков в форме лексических заимствований. Особенно широкое распространение многие термины получили в конце XX–XXI в., в частности, благодаря развитию туризма и широкого культурного обмена.

Результаты данного исследования представляют интерес не только для подтверждения важности изучения языка в диахронии, исследования языковых контактов, истории слов и вещей, но и для практики преподавания английского языка и литературы, теории и практики перевода. Особую значимость они имеют для специалистов в области международного туризма в плане более глубокой проработки текстов экскурсий с целью достижения понимания в межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова И. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. 159 с.
2. Аракин В. Д. История английского языка. М.: Просвещение, 1985. 233 с.
3. Битко Н. С. Словари индийского английского в парадигме Oxford Unversity Press // Записки з романо-германської філології. 2018. №1. С. 17–24.
4. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Издательство АН СССР, 1963. 384 с.
5. Геранина И. Н. О термине «заимствование» // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2008. №6. С. 101–103.
6. Елисеева М. Б., Кудрявина И. М. Заимствованные слова в русском языке: прошлое и настоящее // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. №1-2. С. 135–143.
7. Кудряшова С. В. Процесс заимствования как разновидность языкового контакта // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. №4. С. 66–75.
8. Курченкова Е. А. Английский язык в Индии: история и актуальные проблемы // Мир науки, культуры, образования. 2012. №1. С. 388–391.
9. Саяхова Д. К. Лингвокультурные реалии и заимствование: проблемы адаптации в языке-реципиенте // Вестник Башкирского университета. 2021. №3. С. 739–744.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

10. Bogunovic I. A corpus-based approach to English loanwords: Introducing the Database of English loanwords in Croatian // Fluminensia. 2023. Vol. 35. P. 437–460.

11. Clyne M. G. History of research on language contact // Sociolinguistics-Soziolinguistik. Vol. 1 / ed. Ul. Ammon, N. Dittmar, K. J. Mattheier. Berlin: de Gruyter, 1987. P. 452–459.

12. Chamundeshwari C., Kiranmayi M. History of borrowing words to create vocabulary of English language influenced by various languages // Towards Excellence. 2021. Vol. 13. №2. P. 512–520.

13. Chhaya Singh. The Indianization of English [Электронный ресурс] // Shrinkhla Ek Shodhparak Vaicharik Patrika. [24.09.2021]. URL: http://www.socialresearchfoundation.com/upoadreserchpapers/3/476/220111042407the%20indianization%20of%20english.docx.pdf (дата обращения: 10.12.2025).

14. Crystal D. English as a global language; 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 212 p.

15. Gardner B. The East India Company: a history. New York: McCall Publishing Company, 1972. 319 p.

16. Greenough J. B., Kittredge G. L. Words and their ways in English speech. London: Macmillan, 1907. 431 p.

17. Jespersen O. Growth and structure of the English language; 2nd ed. Leipzig: Published by B. G. Teubner, 1912. 260 p.

18. Qurbonova Sh. A. Evolution of English vocabulary through borrowing from other languages // Conference of modern science & pedagogy. 2025. Vol 1. №3. P. 249–251.

19. Serjeantson M. S. A History of Foreign Words in English. London: Routledge & Kegan Paul, 1961. 354 p.

20. Treffers-Daller J. The simple view of borrowing and code-switching // International Journal of Bilingualism. 2025. №29. P. 347–370.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

ARTICLE INFORMATION

Authors

Irina I. Valuytseva

- e-mail: irinaiv-v@yandex.ru,
  Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics,
  Federal State University of Education
  ul. Radio, 10A/2, Moscow 105005, Russian Federation

Om Shresth

- e-mail: omshresth12@gmail.com,
  Postgraduate Student, Department of Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics,
  Federal State University of Education
  ul. Radio, 10A/2, Moscow 105005, Russian Federation

For citation

Valuytseva, I. I & Shresth O. (2026). Corpus-Based Approach to the Study of Indian Sociopolitical and Religious-Philosophical Vocabulary in the English Language. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To study borrowings from the languages of India in English in the field of sociopolitical, religious, and philosophical vocabulary during the period of British rule in India through corpus-based analysis.

Methodology. The work uses a historical approach and corpus analysis. The corpus of Google Books of the 19th–21st centuries was used to calculate the relative frequency of tokens by year using Google Ngram Viewer. Distributed word representations based on the same data were used for semantic analysis, which made it possible to compare the early and late vector environments of the target lexemes. The material is divided into political-administrative and religious-philosophical vocabulary.

Results. As a result of the study, the dynamics of the use of borrowings reflecting the socio-political realities of the colonial period, as well as religious and philosophical concepts are revealed; their consolidation in English, their spread through it to other languages, and the dependence of their usage patterns on the historical and cultural context are shown.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Research implications. The study clarifies the mechanisms of borrowing in the context of asymmetric language contacts. The materials of the work can be used in courses on lexicology, sociolinguistics, the history of the English language, and the theory of language contacts, as well as in the practice of excursion discourse to familiarize representatives of other cultures with Indian realities.

Keywords

lexical borrowing, history of India, East India Company, corpus method, socio-political vocabulary, religious and philosophical vocabulary

References

1. Amosova, I. N. (1956). *Etymological Foundations of the Vocabulary of Modern English.* Moscow: Literature in Foreign Languages publ. (in Russ.).
2. Arakin, V. D. (1985). *History of the English Language*. Moscow: Prosveshchenie publ. (in Russ.).
3. Bitko, N. S. (2018). Dictionaries of Indian English in the Oxford University Press Paradigm. In: *Notes on Romance and German Philology*, 1, 17–24 (in Russ.).
4. Baudouin de Courtenay, I. A. (1963). *Selected Works on General Linguistics. Vol. 1*. Moscow: USSR Academy of Sciences publ. (in Russ.).
5. Geranina, I. N. (2008). On the Term "Borrowing". In: *Bulletin of the Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky*, 6, 101–103 (in Russ.).
6. Eliseeva, M. B. & Kudryavina, I. M. (2025). Borrowed Words in the Russian Language: Past and Present. In: *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 1 (2), 135–143 (in Russ.).
7. Kudryashova, S. V. (2015). The Process of Borrowing as a Type of Language Contact. In: *University Proceedings. Volga Region. Humanities*, 4, 66–75 (in Russ.).
8. Kurchenkova, E. A. (2012). English Language in India: History and Current Issues. In: *World of Science, Culture and education*, 1, 388–391 (in Russ.).
9. Sayakhova, D. K. (2021). Linguacultural Realities and Borrowings: Problems of Adaptation in the Recipient Language. In: *Bulletin of Bashkir University*, 3, 739–744 (in Russ.).
10. Bogunovic, I. (2023). A Corpus-Based Approach to English Loanwords: Introducing the Database of English Loanwords in Croatian. In: *Fluminensia*, 35, 437–460.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

11. Clyne, M. G. (1987). History of Research on Language Contact. In: Ammon, Ul., Dittmar, N. & Mattheier, K. J., eds. *Sociolinguistics-Soziolinguistik. Vol. 1*. Berlin: de Gruyter, pp. 452–459.
12. Chamundeshwari C., Kiranmayi M. (2021). History of Borrowing Words to Create Vocabulary of English Language Influenced by Various Languages. In: *Towards Excellence*, 13 (2), 512–520.
13. Chhaya Singh. (2021). The Indianization of English. In: *Shrinkhla Ek Shodhparak Vaicharik Patrika*, 24.09.2021. URL: http://www.socialresearchfoundation.com/upoadreserchpapers/3/476/2201110424 07the%20indianization%20of%20english.docx.pdf (accessed: 10.12.2025).
14. Crystal, D. (2003). *English As a Global Language.* Cambridge: Cambridge University Press.
15. Gardner, B. (1972). *The East India Company: a history*. New York: McCall Publishing Company.
16. Greenough, J. B. & Kittredge, G. L. (1907). *Words and Their Ways in English Speech*. London: Macmillan.
17. Jespersen, O. (1912). *Growth and Structure of the English Language.* Leipzig: Published by B. G. Teubner.
18. Qurbonova, Sh. A. (2025). Evolution of English Vocabulary through Borrowing from Other Languages. In: *Conference of Modern Science & Pedagogy,* 1 (3), 249–251.
19. Serjeantson, M. S. (1961). *A History of Foreign Words in English.* London: Routledge & Kegan Paul.
20. Treffers-Daller, J. (2025). The Simple View of Borrowing and Code-Switching. In: *International Journal of Bilingualism*, 29, 347–370.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Валуйцева И. И., Шрестх О., 2026

УДК 808.1

МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ «ЭФФЕКТА ДОСТОВЕРНОСТИ»: ПОЭТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ФЭНТЕЗИ

Оломская Наталья Николаевна

- e-mail: olomnat@mail.ru;
  доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии;
  Кубанский государственный университет
  350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149,
  Российская Федерация

Дошлова Марина Романовна

- e-mail: efremovabk3@yandex.ru;
  преподаватель кафедры теории и практики перевода;
  Кубанский государственный университет
  350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149,
  Российская Федерация

Для цитирования

Оломская Н. Н., Дошлова М. Р. Метафора как инструмент создания «эффекта достоверности»: поэтика исторического фэнтези // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 26.01.2026
- Статья размещена на сайте 22.06.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация
Ключевые слова
Введение
Теоретические основы изучения метафоры
Реализация «эффекта достоверности» в историческом фэнтези

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Метафоризация «эффекта достоверности» в поэтике исторического фэнтези
Заключение
Литература
Article information

АННОТАЦИЯ

Цель. Определение метафорических моделей, обеспечивающих создание «эффекта достоверности» в стихотворных фрагментах произведения жанра исторического фэнтези и установление роли метафорических моделей в восприятии реципиентом прочитанного текста через механизм концептуальной интеграции.

Процедура и методы. При анализе метафорического компонента стихотворных фрагментов произведения жанра исторического фэнтези нами были использованы следующие методы исследования: метод сплошной выборки, метод метафорического моделирования, метод контекстного анализа.

Результаты. В ходе проведённого анализа нами было установлено, что метафорические особенности стихотворных элементов произведения «Львы Аль-Рассана» представляют собой чётко выстроенную поэтическую систему, способствующую онтологической устойчивости вымышленного мира романа и глубокому диалогу с читателем.

Теоретическая и практическая значимость. Впервые была предпринята попытка выявления метафорических моделей, представляющих собой ключевые элементы нарративного механизма конструирования «эффекта достоверности» в текстах жанра исторического фэнтези. Исследование имеет междисциплинарный характер, его результаты могут быть использованы в таких областях, как лингвокультурология, лингвистика и литературоведение, а также в курсе преподавания таких учебных дисциплин, как «Лингвистический анализ и интерпретация художественного текста», «Зарубежная литература».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

историческое фэнтези, Львы Аль-Рассана, метафора, метафорические особенности, стихотворный компонент, эффект достоверности

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

ВВЕДЕНИЕ

Одной из центральных творческих задач автора произведений жанра исторического фэнтези становится не столько реконструкция истории в первоначальном виде, сколько её художественное осмысление, создание «эффекта достоверности» – ощущения подлинности и органичности вымышленного мира и переживаний персонажей.

Достижение данного эффекта обусловлено использованием развитой системы метафоризации, идущей через всю сюжетную линию произведения. «Метафора – универсальное явление в языке. Её универсальность проявляется в пространстве и во времени, в структуре языка и в её функционировании. Она присуща всем языкам и во все эпохи; она охватывает разные аспекты языка и обнаруживается во всех его функциональных разновидностях» [7, с. 59]. Обращаясь к текстам жанра исторического фэнтези, стоит отметить, что метафора в них не только выполняет эстетическую функцию, но и служит элементом моделирования сознания персонажей и передачи комплексных этических и философских дилемм.

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые была предпринята попытка комплексного анализа роли метафоры как средства формирования «эффекта достоверности» в контексте поэтики исторического фэнтези. В работе исследуются особенности функции метафоры в создании «эффекта достоверности», выявлены метафорические модели, представляющие собой ключевые элементы нарративного механизма конструирования «эффекта достоверности» в текстах жанра исторического фэнтези.

Актуальность исследования обусловлена тем, что поэтика исторического фэнтези, а именно выявление роли метафоризации в создании «эффекта достоверности», требует детального исследования, поскольку интерес к жанру исторического фэнтези значительно возрос в последние годы. В настоящее время учёные обращают внимание на внутреннюю логичность и достоверность произведений, поэтому выявление и объяснение механизмов, посредством которых метафора способствует созданию «эффекта достоверности», становится важной научной задачей.

В качестве *теоретической базы* исследования выступили труды, посвящённые вопросам концептуальной метафоры и изу-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

чению лежащих в её основе процессов (Дж. Лакофф, М. Джонсон [6]; Г. Н. Скляревская [10]), работы по нарратологии и поэтике художественного текста (М. М. Бахтин [2]; В. Я. Пропп [8]), а также труды по исследованию функционирования «эффекта реальности» в тексте (Р. Барт [1]) и работы по онтологии дискурса (Е. В. Сидоров [9]).

Материалом исследования послужили стихотворные фрагменты романа канадского писателя-фантаста Гая Гэвриела Кея «Львы Аль-Рассана», в котором метафоризация проявляется наиболее концентрированно. Перевод отрывков, взятых в качестве примеров, с английского языка на русский выполнен Н. Х. Ибрагимовой.

Целью данной научной работы является определение метафорических моделей, обеспечивающих создание «эффекта достоверности» в стихотворных фрагментах произведения жанра исторического фэнтези, а также исследование механизма влияния метафорических моделей на восприятие текста посредством процессов концептуальной интеграции.

Для достижения вышеуказанной цели исследования были поставлены следующие *задачи:*

1. установить теоретические основания понятия «эффекта достоверности» применительно к жанру исторического фэнтези;
2. проанализировать метафорические модели, участвующие в конструировании исторического и культурного контекста вымышленного мира;
3. продемонстрировать, каким образом метафора способствует углублённой психологической характеристике персонажей и формированию эмоциональной вовлечённости читателей.

При решении поставленных в работе задач использовались следующие *методы исследования*: метод сплошной выборки позволил подобрать примеры для анализа и иллюстрации теоретических положений; для выявления структурных элементов концептуальной метафоры и изучения специфики восприятия действительности посредством метафоризации использовался метод метафорического моделирования; для осмысления экстралингвистического окружения метафоры, создающего прагматическую и социокультурную релевантность текста, использовался метод контекстного анализа.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕТАФОРЫ

В языке образные языковые средства обладают несколькими идеологическими смыслами, которые могут меняться в том или ином контексте. Русский филолог и литературовед М. М. Бахтин утверждал: «Всякий человек имеет дело уже с “оговорённым словом”, но писатель вынужден прибегать к такому слову, “оговорённость” которого как бы узаконена и кодифицирована тем социальным институтом, который представляет собой литература» [2, с. 195].

Безусловно, в лингвистических исследованиях метафора – это прежде всего стилистическое средство или художественный приём, служащий для усиления выразительности речи, создания образности и эмоциональной окраски текста. Тем не менее метафора выполняет и номинативную функцию, позволяя обозначать новые объекты или явления, не имеющие прямых языковых аналогов.

Стоит отметить, что «метафорический путь представления того или иного концепта реализуется по-разному в частных языковых системах, несмотря на общность общечеловеческих действующих когнитивных механизмов, и это обусловливает важность изучения национальной концептосферы» [5, с. 211]. Современная когнитивистика представляет метафору в качестве одного из основных средств познания, оценки, объяснения и структурирования окружающего мира [11].

В этой связи метафора выступает инструментом формирования языковой картины мира и представляет собой когнитивный механизм, позволяющий осмыслять и структурировать сложные и абстрактные понятия. Когнитивное переосмысление существующих значений приводит к созданию новых концептов, особенно в областях, недоступных непосредственному восприятию. В связи с порождением новых концептов особое место в ряде проблем, связанных с языковой метафорой, занимает проблема коннотативного содержания, поскольку метафора понимается «как сложная избыточная структура, состоящая из денотативного содержания, включающего ядро и периферию, и коннотативное окружение» [10, с. 78]. В то же время денотативное содержание представляет собой множество разнородных семантических элементов, связанных с понятием коннотации.

Согласно исследованиям В. Н. Телии, «коннотация» как явление имеет двойную природу и может рассматриваться как

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

отдельно взятый изолированный коннотативный признак [7]. В свою очередь, В. И. Шаховский полагает, что «коннотация» подлежит рассмотрению с позиции целой совокупности подобных признаков, включая коннотативное содержание или коннотативную часть семантики слова [12]. Кроме того, в современной науке отсутствует единство трактовок в понимании того, относится ли коннотация к области лексического значения или же остаётся за его пределами. В научных исследованиях представлены дискуссионные позиции, отражающие сложное диалектическое единство денотации и коннотации, возможность их взаимопереходов [4], а также возможность размещения коннотативных элементов в денотативной части семантики слова [12]. Таким образом, коннотацию следует рассматривать как многослойное семантическое образование, состоящее из различных элементов, образующих структуру, в различной степени коррелирующую с лексическими значениями того или иного слова.

В исследуемой коннотативной проблематике центральными становятся вопросы об интерактивной природе метафоры. Понятийная система человека основывается на опыте взаимодействий с явлениями окружающего мира. Концепты, возникающие из приобретённого опыта, и связанные с ними метафоры основаны на постоянном взаимодействии человека с его физическим и культурным окружением. Таким образом, метафора выступает не только средством создания образности текста, но и «ментальной операцией, участвующей в концептуализации и категоризации опыта человека и устанавливающей соотношение между языком и мыслительными процессами» [3, с. 138]. В этой связи метафора может быть рассмотрена как элемент «знаковой координации деятельности коммуникантов речевого акта» [9, с. 9] и обладать следующими функциями:

– детализации определённого звена денотативной структуры слова для создания развёрнутого фрагмента «возможного мира»;

– формирования определённого коммуникативно-ведущего образа в системе реципиента;

– визуализации отдельных фрагментов денотативной системы.

Согласно теории, выдвинутой Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [6], «метафора представляет собой путь из сферы-источника (source domain) – конкретную, физически освоенную об-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ласть опыта в сферу-мишень (target domain) – более абстрактную или сложную для осмысления область» [6, с. 77]. Другими словами, писатель, конструируя вымышленный мир, опирается на глубинные и универсальные для человеческого сознания метафорические модели. В этой связи метафора выступает основополагающим элементом поэтики символизма.

РЕАЛИЗАЦИЯ «ЭФФЕКТА ДОСТОВЕРНОСТИ» В ИСТОРИЧЕСКОМ ФЭНТЕЗИ

В художественном произведении реципиент выявляет и обобщает обстоятельства и источники, оказавшие влияние на язык данного произведения, и приходит к пониманию «истины» посредством анализа и обобщения образных языковых средств, используемых автором произведения. Говоря об «истине», следует обратиться к трудам французского теоретика литературы Р. Барта. Согласно его концепции «истина» любого произведения заключается не во внешних обстоятельствах, а в нём самом, в его смысле, прежде всего – «историческом». По Р. Барту [1], «исторический» смысл произведения обусловлен его интенциональностью: «интенция создаёт устойчивую смысловую структуру», которая закрепляется в парадигматике и синтагматике сюжета. «Истина» в тексте – это не данность, а конструкт, созданный с помощью определённых литературных условностей. В этой связи наибольший интерес представляет выдвинутая Р. Бартом в 1968 г. концепция «эффекта реальности».

«Эффект реальности» представляет собой феномен, который возникает, когда поглощённое референтом означаемое становится означающим понятия «реализм» [1]. Применительно к литературному творчеству «эффект реальности» связан с «повествовательными излишествами», «ненужными деталями» и «конкретными деталями», возникающими при прямой смычке референта с означающим[1]. В контексте данного исследования концепция Р. Барта получает новую интерпретацию: не историческая правда является ключевым в произведении, а эффект правдоподобия, погружение читателя в мир повествования. В данном исследовании этот феномен в дальнейшем будет обозначен как «эффект достоверности».

[1] Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин. Минск: Книжный дом, 2003. 102 с.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Обращаясь к анализируемому в работе произведению Г. Г. Кея «Львы Аль-Рассана», следует упомянуть, что автор не просто воссоздаёт историческую Испанию эпохи Реконкисты, но также убеждает читателя в реальности вымышленного мира Аль-Рассана, что во многом создаётся благодаря «избыточным деталям». Однако, в отличие от концепции реальности Р. Барта, «избыточные детали» в данном романе представлены не отдельными предметами, а развёрнутыми концептуальными метафорами. Кроме того, использование концептуальных метафор позволяет представлять абстрактные понятия (веру, культуру, историю и др.) в качестве ощутимых сущностей, что не только помогает автору сделать мир Аль-Рассана для реципиента «видимым» и «осязаемым», но и позволяет читателю ощутить максимальный спектр эмоций. Такая реализация абстрактных явлений достигается с помощью «эффекта достоверности».

Историческое фэнтези представляет собой комбинированный литературный жанр, находящийся на пересечении исторической прозы и фантастической литературы. В своём научном исследовании “Stories about Stories: Fantasy and the Remarking of Myth” Б. Аттеберри систематизирует модель «размытого жанрового множества» (*“genre fuzzy set”*), в рамках которой историческое фэнтези определяется как жанр, «занимающий промежуточную позицию с различной степенью принадлежности к обоим полюсам» [13]. Отличительной чертой исторического фэнтези является сознательное внедрение элементов сверхъестественного мира в контекст исторически достоверного мира, что порождает вышеупомянутый «эффект достоверности». Говоря о ключевых жанрообразующих характеристиках исторического фэнтези, необходимо выделить следующие:

– исторический / псевдоисторический хронотоп (действие произведения происходит в реально существовавшую эпоху либо в мире, который является детализированной стилизацией той или иной эпохи);

– интегрированные фантастические элементы (наличие сверхъестественной составляющей);

– эффект достоверности (психологическая убедительность представленного в произведении мира).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

МЕТАФОРИЗАЦИЯ «ЭФФЕКТА ДОСТОВЕРНОСТИ» В ПОЭТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ФЭНТЕЗИ

В ходе исследования был проведён анализ стихотворений романа Г. Г. Кея «Львы Аль-Рассана», что позволяет выявить и обозначить роль метафоризации «эффекта достоверности», а также проследить нарративную функцию метафоризации в создании сложной исторической перспективы и конструирования «достоверности» вымышленного мира.

Обратимся к примеру №1:

When the Lion at his pleasure comes
To the watering place to drink, ah see!
See the lesser beasts of Al-Rassan
Scatter like blown leaves in autumn,
Like air–borne seedlings in the spring,
Like grey clouds that part to let the first star
Of the god shine down upon the earth. [2]

Когда Лев соизволит сойти к водопою,
Чтобы жажду свою утолить, – взгляни!
Взгляни, Аль-Рассана прочие звери помельче
Рассеялись, словно осенние жухлые листья.
Словно весенние семена на ветру,
Как тучи расходятся, чтобы земля воссияла
В этом просвете первая бога звезда[3].

В основе стихотворения лежит антропоморфно-зооморфная метафорическая модель, где социальная иерархия проецируется на мир природы. Центральной метафорой-символом выступает образ *«Льва».* В рамках вышеупомянутой когнитивной теории метафоры Лакоффа и Джонсона [6] *«Лев»* – это архетипический концепт – источник силы, благородства и неоспоримого господства, что в контексте романа является прямой отсылкой к одному из главных персонажей – Родриго Бельмонте, чьё прозвище *«Лев»*. Данная метафора не просто описывает героя, она категоризирует его для реципиента, определяет его сущность и статус. Эффект достоверности данной метафоры проявляется в том, что сложная социально-историческая реальность

[2] Kay G. G. The Lions of Al-Rassan. London: Harper Collins Publishers Ltd., 2016. P. 202.
[3] Кей Г. Г. Львы Аль-Рассана / пер. с англ. Н. Ибрагимовой. М.: Эксмо, 2022. С. 202.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

персонажа перекодируется в систему архетипических образов. Данная система апеллирует к когнитивным схемам и эмоциональному опыту реципиента. Таким образом, вышеупомянутая метафора определяет характер одного из главных персонажей в рамках художественной онтологии романа, что составляет поэтическую достоверность стихотворного фрагмента произведения.

Данному концепту мощного образа противопоставлены все остальные, слабые противники *"the lesser beasts" (пер. «прочие звери поменьше»)*. Подобная бинарная оппозиция *("The Lion" –"the lesser beasts")* помогает выстроить систему власти и страха в вымышленном мире, делая её абсолютно ясной и очевидной.

Важную роль в данной метафорической модели играет лексическая единица *"the watering place" (пер. «водопой»).* В естественном мире водопой представляет собой источник восполнения жизненных потребностей. Однако водопой также является и олицетворением потенциальной опасности. Конкретными проявлениями опасности выступают: *экологическая конкуренция* – столкновение различных видов у ограниченного ресурса (в метафорическом переносе столкновение идеологий); *уязвимость* – сосредоточение на удовлетворении базовой потребности делает животное / героя уязвимым для неожиданной угрозы. Упоминание данного метафорического концепта в стихотворении конкретизирует природу конфликта: абстрактно-политический конфликт произведения (идеология джадитов против ашаритов) переходит в плоскость экзистенциально-биологической борьбы за выживание. Кроме того, автор использует архетипический, укоренённый в коллективном бессознательном опыте, образ. Узнаваемость данной поведенческой модели придаёт ситуации ощущение «натуральности», привнося элемент достоверности.

Кроме того, в этом примере автор использует стилистический поэтический параллелизм и семантическое наращивание, что позволяет развить и углубить метафорический ряд. Стилистический поэтический параллелизм задаёт форму, семантическое наращивание наполняет форму смыслом. Сочетание данных стилистических средств в одном фрагменте позволяет автору выразить центральную экзистенциальную идею романа о сосуществовании утраты и надежды. Обратим внимание на следующий фрагмент:

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Scatter like blown leaves in autumn,
Like air–borne seedlings in the spring,
Like grey clouds that part to let the first star[4].

Рассеялись, словно осенние жухлые листья.
Словно весенние семена на ветру,
Как тучи расходятся, чтобы земля воссияла
В этом просвете первая бога звезда[5].

Следующие друг за другом три сравнения создают так называемый кумулятивный эффект, который «состоит в многократном, всё нарастающем повторении одних и тех же действий, пока созданная таким образом цепь не обрывается или же не расплетается в обратном, убывающем порядке» [8, с. 343–344]. При анализе данного фрагмента были выявлены следующие образы:

– *"blown leaves in autumn"* (*пер. «осенние жухлые листья»*) –метафора обречённости, хрупкости, образ увяданья;

– *"air-borne seedlings in the spring"* (*пер. «весенние семена на ветру»*) – метафора лёгкости, образ некоего бессилия и отсутствия собственной воли;

– *"grey clouds that part to let the first star"* (*пер. «тучи расходятся, чтобы земля воссияла в этом просвете первая бога звезда»*) – метафора, имеющая религиозный подтекст и олицетворяющая богоявление, божье благословение, что придаёт появлению *«Льва»* сакральный смысл. Его приход не просто страшен, он предопределён.

Подобный «тройной метафорический удар» помогает реципиенту глубже понять произведение на психологическом уровне, чему, безусловно, способствует применение «эффекта достоверности» посредством метафоризации.

В целом данное стихотворение является ярким примером того, как Г. Г. Кей умело использует метафору в качестве инструмента конструирования мира героев и создания «эффекта достоверности», погружая читателей в культурно-исторический контекст романа. Стихотворение, или песнь является важным фольклорным элементом героев произведения – ашаритов. Данное лирическое отступление демонстрирует метафориче-

[4] Kay G. G. The Lions of Al-Rassan. London: Harper Collins Publishers Ltd., 2016. P. 202.
[5] Кей Г. Г. Львы Аль-Рассана / пер. с англ. Н. Ибрагимовой. М.: Эксмо, 2022. С. 202.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ское осмысление действительности, которое присуще персонажам и является неотъемлемой частью их культуры.

Для дальнейшего лингвопоэтического анализа стихотворных фрагментов романа Г. Г. Кея «Львы Аль-Рассана» обратимся к другому примеру:

Let only sorrow speak tonight.
Let sorrow name the moons.
Let the pale blue light be loss
And the white one memory.
Let clouds obscure the brightness
Of the high, holy stars,
And shroud the watering place
Where he was wont to slake his thirst.
Where lesser beasts now gather
Since the Lion will come no more…[6]

Пусть этой ночью услышим мы голос печали.
Пусть лунам сегодня печаль даёт имена.
Пусть голубой луне будет имя «Потеря»,
А белой – имя «Воспоминанье».
Пусть серые тучи закроют сияющий свет
Звёзд в вышине и сомкнутся над тем водопоем,
Куда приходил он, чтобы жажду свою утолить;
Где собираются ныне прочие звери помельче
Без трепета – Лев никогда не придёт…[7].

В исследуемом фрагменте центральное место занимает метафорическая модель «мир как скорбящий ландшафт». Данный отрывок представляет собой развёрнутую метафору, где природа и небесные тела реализуют концепт «горе». Стоит отметить, что образы не существуют сами по себе, они представляют собой целостную систему, где лирический субъект активно проявляет себя посредством использования повелительного наклонения.

Обратимся к более детальному анализу системы образов данного отрывка.

Как было указано выше, метафора-символ *“the Lion” (пер. «Лев»)* является центром всей представленной метафориче-

[6] Kay G. G. The Lions of Al-Rassan. London: Harper Collins Publishers Ltd., 2016. P. 242.
[7] Кей Г. Г. Львы Аль-Рассана / пер. с англ. Н. Ибрагимовой. М.: Эксмо, 2022. С. 241.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ской модели. Лев – не просто животное, а архетипический символ силы, власти, величия. Предложение *"Where lesser beasts now gather since the Lion will come no more" (пер. «где собираются ныне прочие звери помельче без трепета – Лев никогда не придет…»)* демонстрирует нарушение природного строя, вводит контраст между прошлым и нынешним положением, акцентирует внимание на «величии Льва» и «посредственности остальных представителей». Уход *«Льва»,* ядра данной метафорической модели, знаменует собой опустошённость мира.

Кроме того, особый интерес к данному стихотворному фрагменту обусловлен наличием метафорических конструкций, представляющих «временной» и «пространственный» каркас отрывка. Так, предложение *"Let sorrow name the moons" (пер. «пусть лунам сегодня печаль даёт имена»)* является ключевой метафорой, задающей тон всего отрывка. Время, представленное лунными циклами, теперь измеряется интенсивностью переживаний.

Модель, в которой время подчинено скорби, создаётся благодаря образам разных лунных фаз. Так, *"pale blue light" (пер. «голубая луна»)* олицетворяет собой *«утрату» ("loss"),* а образ *«белой луны» ("white one")* является символом *«памяти» ("memory").* В «пространственный каркас» данного стихотворного фрагмента включён следующий фрагмент:

Let clouds obscure the brightness
Of the high, holy stars…[8]

Пусть серые тучи закроют сияющий свет
Звёзд в вышине и сомкнутся над тем водопоем…[9]

Лексическая единица *«сомкнутые звёзды»* является важным элементом в данном отрывке и рассматривается как метафора утраты надежды и ориентиров. В то же время интерес представляет лексическая единица *«звезды в вышине»*, символизирующая некий недостижимый идеал, недоступный миру свет.

Анализ данного примера позволил выявить тот факт, что достижению «эффекта достоверности» способствует несколько приёмов, помогающих реципиенту воспринимать данную

[8] Kay G. G. The Lions of Al-Rassan. London: Harper Collins Publishers Ltd., 2016. P. 242.
[9] Кей Г. Г. Львы Аль-Рассана / пер. с англ. Н. Ибрагимовой. М.: Эксмо, 2022. С. 241.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

метафорическую модель как элемент осязаемости «вымышленного мира», а именно:

– императивный зачин (использование повелительного наклонения *("Let…")* создаёт ощущение скорбящей внутренней борьбы, ритуала, глубоко личного переживания, который читатель наблюдает «изнутри»);

– предметность образов (Г. Г. Кей использует не абстрактные понятия, а конкретные, осязаемые образы –*"moon","stars" ,"clouds","watering place","beasts","Lion"*, что делает чувство горя физически ощутимым и более достоверным);

– использование архаизмов и высокой лексики (*"wont to", "slake his thirst"* придаёт речи оттенок сакральности и вечности. Данное действие не означает какой-либо мимолетной эмоции, а старая песнь представляет собой ритуал оплакивания. Данный приём позволяет автору возвести личные переживания героев в ранг универсальной трагедии, тем самым усиливая психологический эффект – как ощущение реальности происходящего).

Опираясь на проведённый лингвопоэтический анализ представленного фрагмента, можно сделать вывод, что метафорическая модель «мир как скорбящий ландшафт» создаёт достоверную картину горя благодаря использованию предметных образов, мощных архетипических символов, а также сакрального тона стихотворного фрагмента, поскольку это не просто описание горя, а его прямое воплощение. Концепция Р. Барта позволяет продемонстрировать, что «достоверность» в произведениях Г. Г. Кея – это не данность, а умелое использование нарративных техник, где метафора берёт на себя функцию главного создателя реальности происходящего.

Обратимся к другому примеру, лингвопоэтический анализ которого представляет особый интерес в связи с уникальным сюжетом, построенным на контрастных, но в то же время взаимодополняющих метафорических моделях.

Shall we linger in Ragosa amid spring flowers,
Between the white diamond of the lake
And the blue necklace of the river
Sliding away south to the sea,
As pearls run through a woman's fingers?
Shall we linger to sing the praises of this city?
And shall we not remember as we do
Silvenes in the time of lions?

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

In the fountains of the Al–Fontina, it is told,
Twenty thousand loaves of bread fed the fish
Each and every day.
In Silvenes of the khalifs,
In the fountains of the Al–Fontina[10].

Останемся ли мы ещё в Рагозе
Среди цветов весенних тосковать?
Меж белым озера алмазом
И ожерельем голубым реки,
На юг скользящей к морю, словно жемчуг,
Останемся петь городу хвалу?
Иль будем вспоминать, как вспоминаем
Силвенес времени великих львов?

Там, говорят, в фонтанах Аль-Фонтины
Хлебов душистых целых двадцать тысяч
Съедали рыбки ежедневно.
В Силвенесе во времена халифов,
В фонтанах Аль-Фонтины[11].

В основе представленного выше стихотворного фрагмента лежит метафорическая параллель «два города – два времени». Стихотворение строится на противопоставлении двух пространственно-временных моделей: чувственной, настоящей Рагозы и мифического, утраченного Силвенеса. Анализ ключевых метафор, описывающих данные города, позволил выявить следующие образы:

Рагоза

– метафоры, основанные на описании ювелирного искусства, создающие образ невероятной ценности: *"the white diamond of the lake" (пер. «меж белым озера алмазом»); "the blue necklace of the river" (пер. «и ожерельем голубым реки»)*;

– метафоры, знаменующие «текучесть» и изменения: *"river sliding away south to the sea" (пер. «реки, на юг скользящей к морю»).* Это ключевая метафора Рагозы, чья красота мгновенна и изменчива.

[10] Kay G. G. The Lions of Al-Rassan. London: Harper Collins Publishers Ltd., 2016. P. 427.
[11] Кей Г. Г. Львы Аль-Рассана / пер. с англ. Н. Ибрагимовой. М.: Эксмо, 2022. С. 423.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Силвенес

– метафора, в основе которой лежит образ немыслимой щедрости: *"twenty thousand loaves of bread fed the fish each and every day" (пер. «хлебов душистых целых двадцать тысяч съедали рыбки ежедневно»).* Данная стилистическая фигура демонстрирует не просто богатство, а акт непостижимой божественной щедрости;

– метафора, основанная на образе *«Львов»*: лексическая единица *"the time of lions" (пер. «время великих львов»)* является прямой отсылкой к предыдущим стихотворным фрагментам, однако имеет ключевое отличие: *«Лев»* здесь не одинокий правитель, а целая эпоха царственной силы и благородства, эпоха халифов.

Обращаясь к «эффекту достоверности», следует отметить его двойную природу в данном фрагменте. Реципиент безоговорочно верит в существование этих городов, но природа этой веры разная. Достоверность Рагозы чувственная и личная, создаётся благодаря следующим приёмам: *риторический вопрос "Shall we linger in Ragosa…?" (пер. «останемся ли мы ещё в Рагозе тосковать…?»)* в начале стихотворного фрагмента создаёт эффект вовлечённости и непосредственного переживания; *визуальная конкретика* – образы Рагозы, воплощённые через упоминание алмазов, жемчуга, ожерелья, являются метафоричными, однако они конкретны и помогают читателю представить «очертания города». Достоверность Силвенеса легендарная и эпическая, достигается благодаря использованию следующих приёмов: *фольклорный элемент "it is told" (пер. «говорят»)* является классическим приёмом начала легенды. Автор не утверждает, что это было на самом деле, он говорит о том, что в это верят; являясь классическим признаком эпоса, *гипербола "twenty thousand loaves of bread" (пер. «хлебов душистых целых двадцать тысяч»)* преследует цель поразить воображение читателя, создать ощущение недостижимого масштаба, что кажется достоверным в контексте легенды. Предложение *"and shall we not remember as we do Silvenes in the time of lions?" (пер. «иль будем вспоминать, как вспоминаем Силвенес времени великих львов?»)* демонстрирует, что любое восхищение текущей красотой неизбежно вызывает в памяти призрак былого величия. Силвенес является достоверным фоном, придающим восхищению Рагозой глубокий смысл.

Бесспорно, «эффект достоверности» в данном стихотворном фрагменте возникает ввиду противостояния двух упомя-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

нутых метафорических моделей – основных городов романа. Реципиент верит в красоту Рагозы и в величие Силвенеса благодаря осязаемым образам и стилистическим приёмам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведённого исследования могут быть сформулированы следующие выводы. Во-первых, были установлены теоретические основания понятия «эффекта достоверности» применительно к жанру исторического фэнтези. Настоящее исследование показало, что основная функция метафоры в стихотворных фрагментах романа не эстетическая, а конструирующая. Выявленные метафорические модели формируют целостную систему символов, выступающую ключевым инструментом структурирования пространственно-временного континуума мира Аль-Рассана. Во-вторых, проведённый анализ метафорических моделей продемонстрировал, что метафоризация стихотворных элементов романа выполняет важные нарративные функции: 1) выступает как средство дифференциации и характеристики культурных ареалов; 2) служит механизмом создания кульминационных точек в произведении. В-третьих, данное исследование подтвердило, что именно посредством использования метафорических структур стихотворного текста достигается «эффект достоверности» – феномен, при котором реципиент воспринимает вымышленный мир как психологически и исторически убедительный, что способствует формированию эмоциональной вовлечённости читателя. Метафора представляется инструментом «отстранения» исторического прототипа (Испании эпохи Реконкисты), что позволяет автору предложить современное, свободное от стереотипов прочтение, сохраняя при этом ощущение подлинности. Теоретическая значимость представленного исследования заключается в попытке выработать принципы междисциплинарной методологии анализа, соединяющей аппарат когнитивной лингвистики (теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона) с теорией «эффекта реальности» Р. Барта. Научная ценность и междисциплинарный характер данного исследования открывают возможности для его применения как в академических областях (лингвокультурология, литературоведение, лингвистика), так и в образовательном процессе, в частности при разработке учебных программ по таким дисци-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

плинам, как «Лингвистический анализ и интерпретация художественного текста», «Зарубежная литература». Перспективы дальнейших исследований заключаются в применении разработанной методики к другим произведениям Г. Г. Кея, имеющим другой культурный прототип, с целью отслеживания и анализа изменений метафорических моделей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1993. 616 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: RUGRAM, 2013. 444 с.
3. Богданова Е. С. Метафора в художественном тексте: функции, восприятие, интерпретация // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2016. №3. С. 134–145.
4. Говердовский В. И. Диалектика коннотации и денотации (Взаимодействие эмоционального и рационального в лексике) // Вопросы языкознания. 1985. №2. С. 71–79.
5. Кудинова М. А., Богатырева С. Н. Метафора и дискурс. Теория метафоры Лакоффа и Джонсона // Транслингва: вопросы современной науки и технологий сквозь призму языкового сознания: сборник по материалам международной научно-практической конференции. М., 2025. С. 209–213.
6. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём / пер. с англ.; под ред., предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2023. 256 с.
7. Телия В. Н. Метафора в языке и текст. М.: Наука, 1988. 174 с.
8. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Эксмо, 2024. 480 с.
9. Сидоров Е. В. Онтология дискурса. М.: ЛКИ, 2008. 228 с.
10. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. 165 с.
11. Чудинов А. П., Будаев Э. В., Солопова О. А. Политическая метафорология: дискурсивный поворот. М.: Флинта, 2020. 234 с.
12. Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Едиториал УРСС, 2016. 128 с.
13. Attebery B. Stories about Stories: Fantasy and the Remarking of Myth. Oxford: Oxford University Press, 2014. 256 p.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ARTICLE INFORMATION

Authors

Natalya N. Olomskaya

- e-mail: olomnat@mail.ru,
  Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of English Philology,
  Kuban State University
  ul. Stavropolskaya 149, Krasnodar 350040, Russian Federation

Marina R. Doshlova

- e-mail: efremovabk3@yandex.ru,
  Lecturer at the Department of Theoretical and Practical Translation,
  Kuban State University
  ul. Stavropolskaya 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation

For citation

Olomskaya, N. N. & Doshlova, M. R. (2026). The Role of Metaphorization in Creating the "Authenticity Effect": The Poetics of Historical Fantasy. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2.

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To define the metaphorical models used to create an "authenticity effect" in poetic fragments of a work of the historical fantasy genre and to establish the role of metaphorical models in the recipient's perception of the read text through the mechanism of conceptual integration.

Methodology. This research primarily offers a linguopoetic analysis of metaphors in historical fantasy poetry. During the study, the continuous sampling method, the metaphorical modelling method, and the contextual analysis method were used.

Results. During our analysis, it was found that the metaphorical features of the poetic elements observed in the work "The Lions of Al-Rassan" represent a clearly structured poetic system that contributes to the ontological stability of the fictional world of the novel and a deep dialogue with the reader.

Research implications. For the first time, an attempt to identify metaphorical models that represent key elements of the narrative mechanism for constructing the "authenticity effect" in texts of the historical fantasy genre was made. The research has an interdisciplinary character, its results can be used in such fields as cultural linguistics, linguistics and literary studies,

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

as well as in the teaching of such academic disciplines as “Linguistic Analysis and Interpretation of Literary Text”, “Foreign Literature”.

Keywords

historical fantasy, The Lions of Al-Rassan, metaphor, metaphorical features, poetic component, authenticity effect

References

1. Barthes, R. (1993). *Selected works. Semiotics Poetics.* Moscow: Progress publ. (in Russ.).
2. Bakhtin, M. M. (2013). *Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow: RUGRAM publ. (in Russ.).
3. Bogdanova, E. S. (2016). Metaphor in Fiction: Functions, Perception, Interpretation. In: *Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 3, 134–145 (in Russ.).
4. Goverdovsky, V. I. (1985). Dialectics of Connotation and Denotation (Interaction of the Emotional and the Rational in Lexicon). In: *Topics in the Study of Language*, 2, 71–79 (in Russ.).
5. Kudinova M. A. & Bogatyreva, S. N. (2025). Metaphor and Discourse. Lakoff and Johnson’s Theory of Metaphor. In: *Translingua: Issues of Contemporary Science and Technology through the Prism of Linguistic Consciousness: A Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference*. Moscow, pp. 209–213 (in Russ.).
6. Lakoff, J. (2023). *Metaphors We Live By*. Moscow: Editorial URSS publ. (in Russ.).
7. Telia, V. N. (1988). *Metaphor in Language and Text.* Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
8. Propp, V. Ya. (2024). *Historical Roots of the Fairy Tale.* Moscow: Eksmo publ. (in Russ.).
9. Sidorov, E. V. (2008). *Ontology of Discourse*. Moscow: LKI publ. (in Russ.).
10. Sklyarevskaya, G. N. (2004). *Metaphor in the Language System*. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University publ. (in Russ.).
11. Chudinov, A. P., Budaev, E. V. & Solopova, O. A. (2020). *Political Metaphorology: A Discursive Turning.* Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
12. Shakhovsky, V. I. (2016). *Emotions: Prelinguistics, Linguistics, Linguocultural Studies.* Moscow: Editorial URSS publ. (in Russ.).
13. Attebery B. (2014). *Stories about Stories: Fantasy and the Remarking of Myth*. Oxford: Oxford University Press publ.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Оломская Н. Н., Дошлова М. Р, 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

УДК 811.1

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ И ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аверина Анна Викторовна

- e-mail: Anna.averina@list.ru;
  доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка;
  Московский государственный лингвистический университет
  119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация

Для цитирования

Аверина А. В. Взаимодействие категории модальности и информационной структуры предложения // Российский социально-гуманитарный журнал. 2026. №2. URL: www.evestnik-mgou.ru

- Статья поступила в редакцию 21.01.2026
- Статья размещена на сайте 22.06.2026

СТРУКТУРА СТАТЬИ

Аннотация
Ключевые слова
Введение
Понятие «информационная структура» и её интерпретация в отечественном и зарубежном языкознании
Фема в информационной структуре предложения
Топик – фема – рема
Языковые средства репрезентации фемы
Заключение
Литература

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Аверина А. В. 2026

АННОТАЦИЯ

Цель. Раскрыть вопрос о взаимосвязи категории модальности и информационной структуры предложения.

Процедура и методы. В качестве материала исследования послужили примеры, отобранные из Национального корпуса русского языка и немецкого корпуса DWDS. При работе с фактическим материалом применялись следующие методы: описательный метод, трансформационный метод, а также сравнительный метод. Всего было отобрано и проанализировано свыше 200 примеров.

Результаты. Рассмотрены различные подходы к интерпретации информационной структуры предложения; проанализирован вариант трёхкомпонентной информационной структуры, включающей тему, рему и фему, предложенный французским германистом Ж.-М. Зембом; показано, что к языковым средствам репрезентации фемы относятся модальные / вводные слова / частицы с семантикой эмотивности, эпистемической модальности или инференциальной эвиденциальности; определено, что в высказываниях, содержащих фему, имеет место реализация различных видов дейксиса.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость исследования определяется тем, что оно вносит определённый вклад в разработку вопроса о влиянии грамматических категорий на информационную структуру предложения. Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в курсе сопоставительной типологии немецкого и русского языков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информационная структура предложения, модальность, тема, рема, фема

ВВЕДЕНИЕ

В центре внимания данной публикации – взаимосвязь категории модальности с информационной структурой предложения. Вопрос о взаимодействии коммуникативной структуры предложения и грамматических категорий отчасти затрагивался в исследованиях Д. М. Токмашева [11], Л. П. Водясовой и Г. С. Ивановой [5], Е. А. Балыгиной, Т. В. Ермоловой и О. А. Круковской [4], Ю. М. Казанцевой [7] и др.

З. К. Тарланов [10] пишет о тесной взаимосвязи категорий лица, наклонения и структуры предложения, раскрывая при

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

этом текстообразующий потенциал категории лица; Л. П. Водясова и Г. С. Иванова рассматривают способы реализации рематических компонентов в эрзянском языке и показывают роль лексико-грамматических единиц в организации информационной структуры предложения [5]. Е. А. Балыгина, Т. В. Ермолова и О. А. Круковская описывают взаимосвязь между информационной структурой предложения и актуализацией категории определённости-неопределённости [4]. Ю. М. Казанцева предлагает модели текстообразующей роли пассивного залога. По её наблюдениям, он выполняет выделительную функцию, служит для обеспечения тождества референции, импликации, резюмирования, перечисления с оттенком противопоставления и глобальных моделей построения целого текста на основе гипертемы и гиперремы [7]. Категория времени и модальности также зачастую рассматривается на уровне синтаксиса [2; 14]; существует немало исследований, в которых показано соотношение поверхностной структуры предложения, информационной структуры и порядка слов [8; 9; 12], и др. Таким образом, совершенно очевидна взаимосвязь между коммуникативной организацией предложения и реализуемыми в нём грамматическими категориями. Актуальность данной работы определяется тем, что она открывает перспективу дальнейшего исследования вопроса о влиянии грамматических категорий на информационную структуру предложения, дополняет существующие представления о свойствах синтактико-морфологических категорий и выявляет их текстообразующий потенциал.

Цель исследования – раскрыть вопрос о влиянии категории модальности на информационную структуру немецкого предложения. Задачи работы заключаются в следующем: 1) рассмотреть понятие «информационная структура предложения»; 2) представить анализ трёхкомпонентной информационной структуры предложения в концепции французского исследователя Ж.-М. Земба и сопоставить её трактовки современными лингвистами; 3) проявить роль модальных и эвиденциальных показателей в организации информационной структуры предложения.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что оно вносит определённый вклад в разработку вопроса о влиянии грамматических категорий на информационную структуру предложения. Практическая значимость заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в курсе сопоставительной типологии немецкого и русского языков.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

Научная значимость исследования определяется тем, что впервые:

- раскрывается взаимосвязь между реализацией категорий модальности и информационной структурой предложения;
- показано соотношение глубинной и поверхностной структуры различных типов предложений, а также рассмотрены условия, при которых можно говорить о существовании третьего компонента в коммуникативной структуре предложения – фемы;
- предложено определение фемы как универсального языкового феномена, показано его функциональное назначение и представлены варианты языковой репрезентации фемы в структуре предложения.

В качестве материала исследования послужили примеры, отобранные из Национального корпуса русского языка и немецкого корпуса DWDS. При работе с фактическим материалом применялись следующие методы: описательный метод, позволивший дать трактовку понятия «фема»; трансформационный метод, посредством которого удалось определить языковые средства, служащие для реализации фемы; сравнительный метод, при применении которого были установлены закономерности следования компонентов в позиции между темой и ремой. Всего было отобрано и проанализировано свыше 200 примеров.

ПОНЯТИЕ «ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА» И ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В отечественной лингвистической традиции обычно оперируют термином «*актуальное членение предложения*» вслед за лингвистами Пражского лингвистического кружка. Традиционно используют и такие термины, как «функциональная / коммуникативная перспектива предложения», «контекстуальное членение», «разделение предложения на тему и рему» [8, с. 8]. Как отмечает П. Адамец, основные элементы актуального членения предложения – это известная информация, или основа высказывания, и ядро, т. е. то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания [3, с. 20–21]. Исследователь представляет обзор различных вариантов выражения основы и

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

отмечает, что основа определяется актуальной информацией (целью сообщения). Как правило, основа представлена подлежащим или дополнением; если же она представлена обстоятельственной характеристикой, то тематический компонент здесь ослаблен или полностью отсутствует. П. Адамец рассматривает выразительные средства актуального членения в русском языке. Помимо фразового ударения он причисляет к ним порядок слов, усилительно-выделительные частицы, местоимения, использование частного и общего отрицания [там же].

Термин «информационная структура предложения» появляется несколько позже вслед за публикацией работы В. Чейфа [18]. Д. М. Токмашев предлагает рассматривать информационную структуру как «план выражения прагматики предложения, подобно тому, как сегментные структуры предложения (лексемы и граммемы) являются планом выражения его семантики», информационная структура управляет сегментными структурами в акте коммуникации [11, с. 268]. По справедливому замечанию А. Л. Шарандина, предложение ориентировано на речь, высказывание, обусловленное актом коммуникации, «отражающим межличностное взаимодействиях в разных ситуациях» [13, с. 116].

При употреблении термина «информационная структура» традиционно оперируют такими понятиями, как «топик» и «фокус», «тема и рема». В германистике существует большое количество работ, посвящённых исследованию различных вариантов проявления фокуса и топика в коммуникативно одночленных предложениях, для которых характерна своя информационная структура [17; 23]. Вопросы, связанные с информационной структурой предложения, получили детальное рассмотрение и в исследованиях французского германиста Ж.-М. Земба [29; 30]. Ему принадлежит следующее наблюдение, что в структуре предложения, помимо темы и ремы, присутствует и такой компонент, как фема. Остановимся подробнее на характеристике различных подходов к интерпретации данного понятия.

ФЕМА В ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Трактовка фемы в концепции Ж.-М. Земба рассматривается вместе с трактовкой связки. Как отмечает исследователь, понимание связки традиционно переплетается с классиче-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ской интерпретацией в грамматике высказываний, в которых в функции предикатива выступает имя существительное или прилагательное. Ж.-М. Земб несколько отходит от традиционного понимания данной трактовки и пишет, что связка – это не элемент естественного языка. Простая логическая связка в чистом виде эксплицитно не представлена ни в одном предложении, но имплицитно – в каждом[1]. Ж.-М. Земб отмечает, что недопустимо в предложении типа *cet arbre est sec / это дерево сухое* признавать наличие связки *est*, а в предложении *cet arbre vieillit / это дерево стареет* считать, что она отсутствует. Слово «связка», используемое при характеристике предложения *cet arbre est sec* в прямом понимании этого термина, и слово «связка» в его непрямом значении (если мы говорим о предложении *cet arbre vieillit*) – всего лишь общие названия.

Как пишет Ж.-М. Земб, связка фематична. Глагол рематичен. Финитная форма глагола является ядром ремы. Морфемы финитной формы глагола затрагивают различные составные части предложения, в повествовательном предложении, в вопросе, в приказании, запрете и в восклицании: временная морфема тематична, морфема наклонения фематична, аспектуальная морфема рематична; морфема лица, или субъектная морфема тематична или рематична. Тематическое и рематическое относятся не к чисто глагольному ядру ремы, но к целой реме[2].

Трактовка фемы у Ж.-М. Земба получила различные варианты интерпретации в работах немецких германистов [17; 20; 23; 25]. Несмотря на различия в её толковании, можно сказать, что существующие концепции дополняют друг друга и позволяют получить целостное представление о сущности данного феномена.

Э. Лайсс считает, что Ж.-М. Земб использовал термин «фема» вместо термина «связка» для того, чтобы избежать аналогичного термина, употребляемого в традиционных школьных грам-

[1] В оригинале: «Die Kopula ist kein Element der natürlichen Sprache [...]. Die reine und einfache logische Kopula liegt in keinem Satz ›extern‹ vor» [30, s. 90].

[2] В оригинале: «Die Kopula ist phematisch. Das Verb ist rhematisch. Das finite Verb ist Nukleus des Rhemas. Die vom finiten Verb getragenen Morpheme betreffen die verschiedenen Bestandteile des Satzes, in der Aussage wie in der Frage, im Befehl wie im Verbot oder im Ausruf: Das Tempusmorphem ist thematisch, das Modusmorphem ist phematisch, das Aspektmorphem ist rhematisch; das Personal- oder Subjektmorphem ist je nach der Sachlage thematisch oder rhematisch. Thematisches und Phematisches steht nicht in Beziehung zum bloßen verbalen Nukleus des Rhemas, sondern zum gesamten Rhema [...]») [30, s. 92].

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

матиках. Ж.-М. Земб продолжает традиции, заложенные схоластами Средневековья – модистами [23, p. 62]. Как отмечают отечественные исследователи, модисты рассматривают грамматический строй как жёсткую систему отдельных взаимосвязанных элементов, в которой один компонент обусловливает существование другого [6, с. 145]. Э. Лайсс учитывает ещё одно важное наблюдение модистов: они разделяют предложение на субъект, связку и нефинитную форму предиката, при этом в лингвистических исследованиях связке отводится центральная роль. Связка любого естественного языка реализует универсальную языковую функцию, суть которой заключается в том, чтобы преобразовать значение в обозначение. Фема – это тот инструмент, который служит для трансформации, или для перевода значений (Bedeutungen) в обозначения (Bezeichnungen):

"Das Werkzeug, das die Transformation von Bedeutungen in Bezeichnungen im Satz ermöglicht, wird bei Zemb Phema genannt [...]. Das Rhema enthält Nichtreferierendes, Bedeutungen; es kann also keinen Bezug zur Welt herstellen. Es enthält keine Raum-Zeit-Koordinaten. Es kann also nicht bezeichnen, dies im Gegensatz zum Thema. Diese beiden heterogenen Domänen – die Technik der Klassifikation (Bedeutungen) und die Technik des Bezeichnens werden durch das Phema bzw. die copula so miteinander verbunden, dass ein Realitätsbezug garantiert wird, ganz gleich, ob man sich auf einen realen Gegenstand, einen Menschen, Einhörner, Engel oder Gott bezieht" [23, s. 62].

'Инструмент, который позволяет преобразовывать значения в обозначения в предложении, у Земба называется фемой [...]. Рема содержит нереферентное, т. е. значения; следовательно, она не может иметь никакого отношения к миру. Она не содержит никаких пространственно-временных координат. Таким образом, в отличие от темы она не может обозначать. Эти две разнородные области – область, связанная с классификацией (т. е. область значений) и область, связанная с обозначением, определяются фемой, или связкой таким образом, что устанавливается связь с миром реальным, независимо от того, идёт ли речь о реальном предмете, человеке, единороге, ангеле или Боге'. (здесь и далее – перевод наш).

Термины «значение» и «обозначение» связаны у Э. Лайсс с концепцией существования предложений синтетического и аналитического типов. Разницу между ними Э. Лайсс демонстрирует на следующих примерах:

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Аверина А. В. 2026

(1) *Der Mensch ist sterblich.*
'Человек смертен'
(2) *Sokrates ist tot.*
'Сократ мёртв'

В первом случае слово *sterblich / 'смертен'* служит для более точной характеристики лексемы *Mensch / 'человек'*. Данную характеристику можно рассматривать как составляющий компонент нашего знания, хранящегося в долгосрочной памяти. В случае (1) речь идёт о предложениях аналитического типа. Напротив, в примере (2) слово *tot / 'мёртв'* никак не является неотъемлемой характеристикой Сократа. Это синтетическое предложение.

Аналитические предложения, как отмечает Э. Лайсс, служат для определения семантических признаков лексемы. Из совокупности признаков формируется определение соответствующей лексемы. Синтетические предложения отличаются от аналитических тем, что обладают определённой характеристикой с позиции времени, модальности, места и т. д. Соответственно, в каждом из двух типов предложений присутствует свой тип связки.

Связка-знание свойственна предложениям аналитического типа, лишённым временной и локальной референции. Связка-опыт свойственна предложениям синтетического типа, обладающим модальными, временными и локальными характеристиками. Функция фемы заключается в том, чтобы перевести значения в обозначения, и эта функция является универсальной:

Es handelt sich bei der copula um eine sprachliche Funktion, die universal ist. Nur die Funktion kann in einer Universalgrammatik universal sein, nicht der Ausdruck einer Funktion. [там же, s. 61].

'Связка – это лингвистическая функция, которая является универсальной. В универсальной грамматике универсальной может быть только функция, а не выражение функции'.

Э. Лайсс обращает также внимание на то, что во многих языках есть различное формальное выражение для глагола-связки, используемого в предложениях, отражающих знание говорящего, и для глагола-связки, свойственного предложениям, отражающим опыт говорящего. Так, например, по наблюдениям Ф. Моссе в древневерхненемецком конструкция was [war] + Partizip Präsens встречается прежде всего в нарративных контекстах и представляет действия как происходящие

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

в пространстве и времени, в то время как конструкция с ist [sein] + Partizip Präsens, даже если и употребляется в нарративных контекстах, выполняет прежде всего генеричную функцию, т. е. её используют в предложениях аналитического типа [26, цит. по: 22]. Как известно, в русском языке глагол-связка *быть* отсутствует в предложениях в форме настоящего времени ((a) *Мария – врач*), но обязательна в предложениях в форме прошедшего и будущего времени ((b) *Мария будет врачом.* (c) *Мария была врачом*). В этой связи М. Л. Котин отмечает, что отсутствие связки в предложениях типа (a) является показателем настоящего времени [21, s. 22], а во многих случаях нулевая связка характерна для высказываний, обладающих генеричными свойствами и не имеющих временной референции.

Таким образом, в концепции Э. Лайсс фема – абстрактная связка, функция которой заключается в переводе значений в обозначения, т. е. она свойственна предложениям, отражающим опыт говорящего. Если трактовать фему в данном ключе, она находит своё проявление в использовании показателей, обладающих предметной и временной референцией.

Несколько иначе трактует фему Х.-В. Эромс [20]. Особое внимание он уделяет наблюдениям Ж.- М. Земба над функцией отрицания в предложении: в частности, Ж.- М. Земб пишет, что отрицание разделяет тему и рему, а позиция отрицательных компонентов и позиция модальных слов в структуре немецкого предложения схожи:

(3) *Ein Leser hat das möglicherweise/vielleicht / NICHT verstanden.*
'Возможно / наверное, читатель это (не) понял'

(4) *(dass) ein Leser das möglicherweise/vielleicht/NICHT verstanden hat* [30].

'что возможно / наверное, читатель это не понял'.

Х.-В. Эромс рассматривает утверждение и отрицание как два параллельных аспекта одного целого:

“Hier macht Zemb zudem noch einmal deutlich, dass die Affirmation und die Negation parallel zu setzen sind”. [20, s. 37]

'Здесь Земб также ещё раз даёт понять, что утверждение и отрицание следует рассматривать параллельно'.

Таким образом, Х.-В. Эромс обращает внимание на то, что отрицание и утверждение – это те компоненты предложения, которые позволяют включить его в дискурс, вследствие чего их можно тоже рассматривать как фему. В этой связи заслуживают внимания наблюдения Е. В. Падучевой над просодическими

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

особенностями предложений русского языка с глаголами, лексическая семантика которых включает отрицание, например, *прекратить, утратить, отнять*: они могут притягивать фразовый акцент. Как правило, речь идёт о глаголах, семантика которых включает а) презумпцию изначального существования объекта (или ситуации) и б) ассертивный компонент, например:

(5) К*анал «ТВ-6» прекратил транслировать сигнал в регионы!* [9, с. 61].

Предложения данного типа являются синтетическими и отражают опыт говорящего.

Коммуникативная бинарность предложения проявляется и при употреблении показателей эпистемической модальности, на что обращает внимание В. Абрахам [17]. По его мнению, языковым средством репрезентации фемы являются модальные частицы немецкого языка. Действительно, модальные частицы немецкого языка занимают позицию между темой и ремой, сравним:

(6) *Die wesentliche Erkenntnis des Jahrs 2005 besteht darin, dass das Publikum erwachsener geworden ist - das ist* ***doch*** *mal eine sympathische Folge der demografischen Entwicklung!* (DWDS[3])

'Главный вывод 2005 г. заключается в том, что аудитория стала более взрослой – в конце концов, это же прелестное последствие демографического развития!'

В приведённом примере информация, следующая за частицей *doch,* является новой, относящейся к реме; предшествующая информация относится, соответственно, к теме.

П.-И. Модиком пишет о неоднородности компонентов предложения, репрезентирующих фему: они обладают способностью выступать в структуре предложения между тематическими показателями в среднем поле предложения, т. е. после изменяемой формы глагола. В качестве примера он рассматривает следующее высказывание:

(7) *Sie arbeitet im Geschichtsverein 1844 mit, fühlt sich* ***jedoch*** *im Nachkriegs-Hanau* ***nicht*** *besonders wohl, leidet darunter, niemanden zu kennen* (Frankfurter Rundschau 10.11.2009). (пример см. [25]).

Связано это не в последнюю очередь с тем, что актуальное членение предложения, как отмечается в работе И. И. Ковтуновой, может носить ступенчатый характер: первая тема относится к остальной части предложения как к реме, рема, в свою

[3] DWDS [Электронный ресурс]. URL: https://www.dwds.de (дата обращения: 01.07.2025–01.09.2025)

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

очередь, членится на вторую тему и рему и т. д. до последней ремы, например:

(8) *Картину же свою из средневековой жизни он продолжал* (Л. Толстой) (пример И. И. Ковтуновой [8, с. 53]),

где глагол *продолжал* – собственно рема.

По всей видимости, ступенчатость тема-рематического членения и позволила П.-И. Модикому [25] предложить следующий ряд сочетаний тематических и фематических компонентов:

Thema 1 – Phema 1 (Satzadverb) – Thema 2 – Phema 2 (Satznegation) – Rhema.

Анализ концепции Ж.-М. Земба, а также обзор различных трактовок понятия «фема» позволяет допустить, что в коммуникативно бинарном предложении, содержащем тему и рему, обязательно присутствует дополнительный компонент – фема. Функциональное назначение фемы – включение предложения в текст / дискурс. Остановимся подробнее на вопросе о том, для каких типов предложений какой компонент информационной структуры предложения неразрывно связан с фемой, и покажем, в чём заключается функциональное назначение фемы.

ТОПИК – ФЕМА – РЕМА

В работе И. И. Ковтуновой [8] выделяются два типа предложений по степени их включённости в текст: синтагматически зависимые и синтагматически независимые высказывания. Синтагматически независимые высказывания – это общеинформативные предложения в концепции П. Адамца [3], отличительными свойствами которых является их способность быть изолированными и окружёнными контекстом. Как правило, они отвечают на вопросы *В чём дело? Что произошло? Что случилось?* К синтагматически зависимым высказываниям относятся те, которые соответствуют частно-информативным и частно-верификативным предложениям у П. Адамца [там же]: в первом случае предложения содержат какой-либо частный аспект вещественной информации (*Беда разразилась в конце дня*), во втором – устанавливается реальность какого-то одного аспекта предложения (*Не одни злые люди ночью гуляют*). Обще-верификативные предложения, которые представляют собой реакцию на мнение собеседника, верификацию или коррекцию этого мнения (*Игорь не погиб. Кровать она мне добыла*), по мнению И. И. Ковтуновой, неоднородны по характеру связи

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

с контекстом [8, с. 40–41]. Мы полагаем, что предложения данного типа относятся к синтагматически зависимым, поскольку тесно связаны с предконтекстом.

Синтагматически независимые высказывания содержат, как правило, только рему. К синтагматически независимым высказываниям можно отнести и такие, которые не имеют временной и локальной референции и, соответственно, не интегрированы в текст с позиции представления собеседнику актуальной информации, т. е. речь идёт о предложениях аналитического типа, например:

(7) *В ответ на это слово могут всплывать и ситуационные связи (кошка – молоко, мышь и т. д.), и понятийные связи (**кошка – домашнее животное**, в отличие от диких животных, живое, в отличие от неживого, и т. п.) [А. Р. Лурия. Язык и сознание, 1979]*[4].

Если рассматривать предложения данного типа, применив схему Л. Рицци [27][5], оно не содержит ни темы, ни ремы, ни компонентов, обладающих иллокутивной силой.

Рассмотрим варианты предложений второго типа – тетичные, или коммуникативно одночленные предложения, содержащие только рему:

(8) *Es war einmal ein kleines Mädchen.* (Sterntaler[6])

'Жила-была маленькая девочка'

(9) *Eine Witwe hatte zwei Töchter.* (Frau Holle[7])

'У одной вдовы было две дочери'

(10) ***Стоял в лесу дуб**. Толстый-претолстый, старый-престарый. [В. В. Бианки. Лесные были и небылицы (1923–1958)]*[8]

Приведённые примеры можно рассматривать как ответ на вопрос *Что произошло?* Это предложения-зачины, функция которых заключается во введении новой информации, т. е. в коммуникативном отношении они содержат только рему. На

[4] Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://ruscorpora.ru/en (дата обращения: 05.08.2025).

[5] Согласно Л. Рицци [27] универсальная информационная структура предложения представлена следующим образом: *Force … Top … Foc…. Fin….*, где *Force* – показатель иллокутивной силы, *Top* – топикализованный элемент предложения, т. е. тема, о которой идёт речь в высказывании, *Foc* – фокус, или новая, значимая в коммуникативном отношении информация, *Fin* – союз.

[6] Grimms Märchen [Электронный ресурс]. URL: https://www.grimmstories.com/de/grimm_maerchen/index (дата обращения: 05.08.2025).

[7] Grimms Märchen [Электронный ресурс]. URL: https://www.grimmstories.com/de/grimm_maerchen/index (дата обращения: 05.08.2025).

[8] Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://ruscorpora.ru/en (дата обращения: 05.08.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

уровне глубинной структуры предложения данного типа имеют вид … *Foc*…, они лишены иллокутивной силы, т. е. в их структуре нет модальных маркеров. Если использовать приём трансформации и включить какой-либо показатель эпистемической модальности (например, модальное слово *vielleicht 'наверное'* (нем.), *вероятно* (рус.)), меняется полностью информационная структура предложений данного типа – они содержат тему, рему и обладают иллокутивной силой, сравним:

(9а) *Die Witwe hatte vielleicht zwei Töchter.*

'Возможно, у вдовы было две дочери'

(10а) *В лесу, наверное, стоял дуб.*

Предложение (9а) можно рассматривать как ответ на вопрос *Wen hatte die Witwe? / Кто был у вдовы?* Предложение (10а) – как ответ на вопрос *Что было в лесу?* Т. е. можно утверждать, что включение модальных слов с семантикой эпистемической модальности делает предложение из коммуникативно одночленного коммуникативно бинарным. Более подробно данный вопрос был освещён в одной из публикаций автора [1].

Это позволяет говорить о том, что коммуникативно одночленные предложения лишены иллокутивной силы и не могут иметь в своей структуре модальные показатели, т. е. иллокутивная сила связана непосредственно с коммуникативной бинарностью и не может иметь места в высказываниях, лишённых темы. Включение модальных маркеров ведёт к изменению глубинной структуры предложений (9) и (10) – они становятся коммуникативно бинарными. Таким образом, существует следующая закономерность: фема, или иллокутивная сила, присутствует только в тех предложениях, в которых находят свою реализацию тема и рема. Остановимся подробнее на вопросе о том, какие другие языковые единицы помимо модальных слов с семантикой предположения способны оказывать влияние на коммуникативное членение предложения и способствовать тому, что предложение из коммуникативно одночленного переходит в разряд коммуникативно бинарных, т. е. становится синтагматически зависимым. По всей видимости, именно эти показатели и являются языковым средством репрезентации фемы.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФЕМЫ

Для определения языковых средств, служащих для репрезентации фемы, применим приём трансформации. В качестве

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

исходного предложения используем предложения, содержащие только рему: (9) и (10). Посредством включения различных показателей можно проследить изменение информационной структуры предложения. Перечислим те средства, которые влияют на информационную структуру предложения.

1. Модальные слова типа *очевидно* (рус.), *offenbar, offensichtlich / 'очевидно'* (нем.) с семантикой инференциальной эвиденциальности. В данном случае под инференциальной эвиденциальностью понимается вид эвиденциальных значений, когда в роли источника информации выступает сам говорящий [28]. Включение показателей инференциальной эвиденциальности меняет информационную структуру предложения, сравним:

(9b) *Die Witwe hatte* ***offensichtlich*** *zwei Töchter.*

'Очевидно, у вдовы было две дочери'

(10b) *В лесу,* ***очевидно****, стоял дуб.*

Предложения типа (9b)–(10b) не могут служить ответом на вопрос *Что произошло?* Оно коммуникативно бинарно и будет служить ответом на вопросы *Wen hatte die Witwe? / Кто был у вдовы? Что стояло в лесу?*

2. В немецком языке – модальные слова с эмотивной семантикой типа *leider, bedauerlicherweise / 'к сожалению', erfreulicherweise / 'к радости'* и т. д. также можно рассматривать как показатели, способные модифицировать информационную структуру предложения. Модальные слова с эмотивным значением содержат в своей глубинной структуре указание на экспериенсера, т. е. на субъект, испытывающий определённое состояние, и могут быть развёрнуты в предложения типа *Es tut mir leid, ich bedauere, dass… / 'Мне жаль, …', ich freue mich / 'я рад'*, в которых присутствует указание на эмоциональное состояние говорящего субъекта. Таким образом, модальные слова с эмотивным значением отличают дейктичные свойства. В русском языке эта роль отводится вводным словам типа *к счастью, к сожалению*:

(9c) ***Erfreulicherweise*** *hatte die Witwe zwei Töchter.*

'К счастью, у вдовы было две дочери'

(10c) *В лесу,* ***к счастью****, стоял дуб* (а не только были ели, поэтому можно было собрать жёлуди, которые нам были так нужны).

3. Модальные частицы всегда маркируют коммуникативно бинарное предложение и не могут иметь места в коммуникативно одночленных высказываниях. Предложения (9d) и (10d) можно рассматривать как обоснование предшествующего высказывания:

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Аверина А. В. 2026

(9d) *Die Witwe hatte **ja** zwei Töchter.*

'Ведь у вдовы было две дочери'

(10d) *В лесу **ведь** стоял дуб* (а не только были ели, поэтому можно было собрать жёлуди, которые мы так долго искали).

4. Модальные слова *действительно* (рус.), *wirklich* и *tatsächlich / 'действительно'* (нем.), функция которых заключается в утверждении истинности пропозиции. Как правило, они получают наибольшее ударение и их можно рассматривать как показатели верификации. Как отмечает Т. Е. Янко [16], верификация в контексте ремы характерна для полемического диалога, в ходе которого высказываются различные мнения, впоследствии получающие подтверждение или опровержение. Это можно проследить на следующем примере:

(9e) *Die Witwe hatte **wirklich** zwei Töchter. (nicht drei)*

'У вдовы, действительно, было две дочери (а не три)'

(10e) *В лесу, **действительно**, стоял дуб* (а не ясень).

Модальные слова *действительно* (рус.), *wirklich* и *tatsächlich / 'действительно'* (нем.) как показатели верификации представляют собой свёрнутую пропозицию *es ist wahr, dass…; es ist so, dass… / 'это правда, что, …; это так, что …,* служащую для утверждения истинности высказывания.

Схожую функцию выполняют ударные частицы в немецком языке. Как правило, они служат для выражения контраста. Как и модальные слова, они могут быть использованы для утверждения истинности пропозиции. В частности, ударная частица *DOCH* служит сигналом того, что говорящий утверждает истинность собственной позиции и отрицает высказанную ранее установку. Так, высказывание *Doch, die Witwe hatte zwei Töchter / Нет, у вдовы было две дочери* можно рассматривать в качестве реакции на отрицание *Die Witwe hatte keine Töchter / 'У вдовы не было дочерей'*.

Отрицание, как уже было показано, тоже можно рассматривать в качестве одного из средств выражения фемы. Так, высказывание (9h) *Die Witwe hatte keine Töchter / У вдовы не было дочерей'* будет служить ответом на вопрос *Hatte die Witwe Töchter? / 'У вдовы были дочери?'*

Ударные частицы и показатели отрицания служат для утверждения истинности пропозиции или, напротив, для её опровержения. Реализация этой интенции возможна только при включении высказывания в коммуникативную ситуацию, когда оно становится синтагматически зависимым, что, в

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

свою очередь, находит своё проявление в его коммуникативной бинарности. Соответственно, модальные слова *wirklich* и *tatsächlich / 'действительно'*, ударные частицы и маркеры отрицания служат для включения высказывания в коммуникативную ситуацию. Функция показателей данного типа заключается, как отмечает Т. Е. Янко, «в передаче определённого иллокутивного значения» [15, с. 32].

Таким образом, анализ фактического материала позволил заметить, что языковые средства выражения фемы являются дейктиками: они кодируют модальный[9], эвиденциальный, эмотивный дейксис либо указывают на истинность пропозиции и служат для её утверждения. Модальные слова с эмотивным значением тоже можно рассматривать как дейктики – их дейктичные свойства обусловлены тем, что на уровне глубинной структуры находит своё проявление скрытое указание на говорящего как на носителя эмоционального состояния: при парафразировании эмотивных показателей обнаруживается наличие экспериенсера.

К языковым средствам репрезентации фемы можно отнести также показатели, обладающие темпоральным и предметным дейксисом. Так, например, предложение типа *Кошка ловит мышей* не обладает временной и предметной референцией и не содержит ни темы, ни ремы, ни фемы. Изменение этого статуса и реализация в глаголе временной и предметной референции способствует формированию их синтагматической зависимости, например *Эта кошка ловила вчера в доме мышей*, где *эта кошка* будет тематическим показателем, а часть предложения *ловила вчера в доме мышей* – относиться к реме. Таким образом, показатели временного, объектного, эмотивного и модального дейксиса можно рассматривать как необходимое условие проявления в высказывании иллокутивной силы, свойственной

[9] На то, что модальность может обладать свойством дейктичности, обратил внимание Дж. Лайонз [24]. Эта идея получила дальнейшее развитие в исследовании Г. Дивальд. Автор публикации разделяет позицию Г. Дивальд о существовании модального и эвиденциального дейксиса [19]. Так, например, Г. Дивальд связывает модальный дейксис с оценкой степени фактичности ситуации. Говорящий может оценивать ситуацию как фактичную, если в предложении отсутствуют показатели эпистемической модальности, например: *Jeder ist seines Glückes Schmied / 'Каждый человек — кузнец своего счастья'*. Если же в предложении использованы модальные слова с эпистемической семантикой, то ситуация представлена как нефактичная, например: ***Vielleicht** ist das etwas übertrieben formuliert* (DWDS) / '*Возможно, это немного преувеличено*'.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

коммуникативно бинарным предложениям. В определённой степени можно говорить о том, что они репрезентируют фему, представляющую собой своего рода инструмент включения предложения в коммуникативную ситуацию.

Можно отметить определённый порядок следования компонентов фемы. Прослеживается тенденция использования показателей верификации и отрицания после маркеров эпистемической модальности и эвиденциальности, например:

(11) *Sie nährt die Hoffnung, dass der Wahlsieg* ***vielleicht DOCH*** *noch irgendwie möglich ist* (DWDS[10]).

'Это вселяет надежду на то, что победа на выборах, наверное, всё-таки возможна'.

Эта закономерность наблюдается не только в случае употребления ударных частиц в немецком языке, но и при использовании модальных слов *wirklich* и *tatsächlich / 'действительно'*, служащих для верификации. Они всегда ударны, предшествуют реме и занимают позицию преимущественно после модальных показателей с эпистемической и эвиденциальной семантикой. Так, согласно данным корпуса DWDS, комбинация *vielleicht wirklich* встречается 627 раз, *wirklich vielleicht* – 11 раз; аналогичная ситуация имеет место и в случае сочетания *wirklich* и *tatsächlich* с другими модальными словами. Схожие тенденции прослеживаются и в русском языке – модальные слова типа *наверное, вероятно* в большинстве случаев следуют после слов типа *действительно*: так, согласно данным Национального корпуса русского языка комбинаторное сочетание *наверное действительно* встречается 51 раз, *действительно наверное* – 7 раз, *вероятно действительно* – 15 раз, *действительно вероятно* – 7 раз.

Таким образом, компоненты темы, фемы и ремы могут комбинироваться, в результате цепочка может иметь следующий вид:

$Thema_1$ – $Phema_1$ – $Thema_2$ – $Phema_2$ – Rhema,

где $Phema_1$ – модальные показатели с семантикой эпистемической модальности, инференциальной эвиденциальности или эмотивности, а $Phema_3$ – верификативные показатели или маркеры отрицания.

[10] DWDS [Электронный ресурс]. URL: https://www.dwds.de (дата обращения: 01.07.2025–01.09.2025).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель данной публикации заключалась в том, чтобы раскрыть вопрос о взаимосвязи категории модальности и информационной структуры предложения. Анализ материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Информационная структура предложения и категория модальности находятся в тесной взаимосвязи: коммуникативно одночленные предложения лишены иллокутивной силы, а включение модальных показателей ведёт к изменению актуального членения предложения.

2. Информационная структура коммуникативно бинарного предложения включает в себя тему, рему и фему. Фема является показателем синтагматической связанности и иллокутивной силы предложения. Фему можно трактовать и как свойство предложений, отражающих опытное знание говорящего.

3. В качестве языковых средств репрезентации фемы можно рассматривать модальные / вводные слова с семантикой эмотивности, эпистемической модальности или инференциальной эвиденциальности, частицы или показатели верификации. В высказываниях, содержащих фему, имеет место реализация различных видов дейксиса.

Сделанные наблюдения вносят определённый вклад в развитие вопроса о взаимодействии категории модальности и информационной структуры предложения, что, в свою очередь, важно в теоретическом отношении. Полученные результаты могут быть в дальнейшем использованы на семинарских занятиях по теоретической грамматике, лингвистике текста, сопоставительной типологии немецкого и русского языков.

Перспективным представляется исследование вопроса и взаимосвязи других грамматических категорий с информационной структурой предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверина А. В. Синтаксически независимые предложения без иллокутивной силы // Филологические науки в МГИМО. 2023. Т. 9. №2. С. 8–20. DOI: 10.24833/2410-2423-2023-2-35-8-20

2. Аверина А. В. Виды значений сослагательного наклонения в немецком языке // Рема. 2025. №2. С. 9–41. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-9-41

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

3. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Praha: Academia, 1966. 99 с.

4. Балыгина Е. А., Ермолова Т. В., Круковская О. А. Особенности выражения категории фокуса в расщепленном предложении английского языка // Язык и текст. 2023. Т. 10. №4. С. 30–39. DOI: 10.17759/langt.2023100403

5. Водясова Л. П., Иванова Г. С. Неактуализированные и актуализированные члены предложения в современном эрзянском языке // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. №4. С. 607–615. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-4-607-615

6. Григорьева О. И. Средневековая грамматика модистов // Языковой дискурс в социальной практике: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Тверь: Тверской государственный университет, 2023. С. 145–150.

7. Казанцева Ю. М. Типологическое измерение категории залога в современном немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. № 7. С. 59–66.

8. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов, актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. 239 с.

9. Падучева Е. В. Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка) // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / отв. ред. А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 25–75.

10. Тарланов З. К. Лицо, наклонение и предложение как взаимосоотнесенные языковые категории // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. №4. С. 48–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.908

11. Токмашев Д. М. Информационная структура простого предложения в телеутском языке: к постановке проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. №1. С. 268–277. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-268-277

12. Циммерлинг А. В. Линейно-акцентная грамматика и коммуникативно нерасчлененные предложения в русском языке // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / отв. ред. А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 76–103.

13. Шарандин А. Л. Актуальное членение предложения в контексте идей профессора С. Г. Ильенко об интеграции синтаксиса и коммуникации // Слово. Словарь. Словесность. К 100-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента РАО Сакмары Георгиевны Ильенко: сборник науч-

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

ных статей. СПб.: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2024. С. 113–121.

14. Якунина Ю. А. О категории синтаксического времени в конструкциях с инфинитивом // Корпус Современных моделей и кодов русского языка: сборник научных статей. М.: Московский педагогический государственный университет, 2024. С. 197–202.
15. Янко Т. Е. Интонация контраста, или минимальные пары фразовой просодии // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл: сборник статей в честь 70-летия В. А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 136–148.
16. Янко Т. Е. Прагматика и просодия: ориентация на звучащую речь как принцип лингвистической прагматики // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16. №2. С. 71–92. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-2-4
17. Abraham W. Jean-Marie Zembs Phema-Begriff zwischen Informationsstruktur und Prädikationsstruktur // Diskursgrammatik – Grammaire du discourse. Hommage à Jean-Marie Zemb. Bd. 2. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2018. S. 131–157.
18. Chafe W. L. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and point of view // Subject and Topic. New York: Academic Press, 1976. P. 27–55.
19. Diewald G. Deixis und Textsorten im Deutschen. Tübingen: Niemeyer, 1991. 435 S.
20. Eroms H.-W. Tertium datur: Die Entwicklung von Jean-Marie Zembs Satzkonzeption // Diskursgrammatik – Grammaire du discourse. Hommage à Jean-Marie Zemb. Bd. 2. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2018. S. 25–42.
21. Kotin M. Sein. Eine genealogisch-typologische Fallstudie über das Verbum substantivum // Deutsche Sprache. 2014. №39. S. 1–52.
22. Leiss E. Kodierung von Wissen und Erfahrung anhand von zwei unterschiedlichen Kopula- und Prädikatsqualitäten // Grammatische Funktionen aus Sicht der japanischen und deutschen Germanistik. Hamburg, 2017. S. 41–58.
23. Leiss E. Das Phema bei Jean-Marie Zemb im Rahmen einer Theorie der Kopula // Diskursgrammatik – Grammaire du discourse. Hommage à Jean-Marie Zemb. Bd. 2. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2018. S. 57–69.
24. Lyons J. Semantik. Bd. II. München: C. H. Beck Verlag, 1983. 508 S.
25. Modicom P.-Y. Die Geburt der Proposition aus dem Geiste der Prädikation: Spielarten des Phemas und Wesen der Proposition in einer reformierten Zemb-Grammatik // Diskursgrammatik – Grammaire du discourse. Hommage à Jean-Marie Zemb. Bd. 2. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2018. S. 71–84.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Аверина А. В. 2026

26. Mossé F. Histoire de la forme périphrastique être + participe présent en Germanique. Première partie: Introducton – ancien Germanique – vieil Anglais. Paris: Klincksieck, 1938. 281 p.

27. Rizzi L. The Fine Structure of the Left Periphery // Elements of grammar: handbook in generative syntax. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. P. 381–338.

28. Socka A. Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen. Bd. 60. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2021. 566 S.

29. Zemb J.-M. Vergleichende Grammatik Französisch-Deutsch. Teil 1: Comparaison de deux systèmes. Mannheim: Bibliografisches Institut Mannheim, 1978. 897 S.

30. Zemb J.-M. Vergleichende Grammatik Französisch-Deutsch. Teil 2: L'économie de la langue et le jeu de la parole. Mannheim: Bibliografisches Institut Mannheim, 1984. 975 S.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Аверина А. В. 2026

ARTICLE INFORMATION

Author

Anna V. Averina

- e-mail: Anna.averina@list.ru,
  Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of German Grammar and History,
  Faculty of German Language,
  Moscow State Linguistic University
  ul. Ostozhenka 38/1, Moscow 119034, Russian Federation

For citation

Averina, A. V. (2026). The Interaction of the Category of Modality and the Information Structure of a Sentence. In: *Russian Social and Humanitarian Journal, 2.*

Available at: www.evestnik-mgou.ru

Abstract

Aim. To explore the issue of interrelation between the category of modality and the information structure of a sentence.

Methodology. The examples selected from the National Corpus of the Russian Language and the German corpus DWDS served as the research materials. During the research, descriptive, transformational, and comparative methods were applied. In total, more than 200 examples were selected and analysed.

Results. Various approaches to interpretation of the information structure of the sentence are considered. The variant of a three-component information structure, including a theme, rheme and pheme, proposed by the French Germanist J.-M. Zemb, is analysed. It is shown that linguistic means of representing the pheme include modal / parenthetical words / particles with the semantics of emotivity, epistemic modality or inferential evidentiality. It is determined that in utterances containing a pheme the realisation of various types of deixis takes place.

Research implications. The theoretical significance of the research is determined by the fact that it makes a certain contribution to the development of the issue of the influence of grammatical categories on the information structure of the sentence. The practical significance lies in the fact that the obtained results can be used during comparative typology of the German and Russian languages.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

Keywords

information structure of the sentence, modality, theme, rheme, pheme

References

1. Averina, A. V. (2023). Syntactically Independent Sentences without Illocutionary Force. In: *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 9 (2), 8–20. DOI: 10.24833/2410-2423-2023-2-35-8-20 (in Russ.).
2. Averina, A. V. (2025). Types of Meanings of the Subjunctive Mood in German. In: *Rema*, 2, 9–41. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-9-41 (in Russ.).
3. Adamets, P. (1966). *Word Order in Modern Russian*. Praha: Academia publ. (in Russ.).
4. Balygina, E. A., Ermolova, T. V. & Krukovskaya, O. A. (2023). Features of Expressing the Category of Focus in a Split Sentence of the English Language. In: *Language and Text*, 10 (4), 30–39. DOI: 10.17759/langt.2023100403 (in Russ.).
5. Vodyasova, L. P. & Ivanova, G. S. (2022). Non-Actualised and Actualized Sentence Members in the Modern Erzya Language. In: *Bulletin of Ugric Studies*, 12 (4), 607–615. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-4-607-615 (in Russ.).
6. Grigorieva, O. I. (2023). Medieval Grammar of Modists. In: *Language Discourse in Social Practice: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Tver: Tver State University publ., pp. 145–150 (in Russ.).
7. Kazantseva, Yu. M. (2024). Typological Dimension of the Category of Voice in Modern German. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 7, 59–66 (in Russ.).
8. Kovtunova, I. I. (1976). *Modern Russian Language. Word Order, Actual Sentence Division.* Moscow: Prosveshchenie publ. (in Russ.).
9. Paducheva, E. V. (2016). Communicative Structure and Linear-Accentual Transformations of a Sentence (Based on the Russian Language). In: *Clause Architecture in Parametric Models: Syntax, Information Structure, Word Order.* Moscow: YASK publ., pp. 25–75 (in Russ.).
10. Tarlanov, Z. K. (2023). Person, Mood, and Sentence as Interrelated Linguistic Categories. In: *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 45 (4), 48–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.908 (in Russ.).
11. Tokmashev, D. M. (2020). Information Structure of a Simple Sentence in the Teleut Language: Towards the Formulation of the Problem. In: *Bulletin of Kemerovo State University*, 22 (1), 268–277. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-268-277 (in Russ.).

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

12. Zimmerling, A. V. (2016). Linear-Accentual Grammar and Communicatively Undivided Sentences in Russian. In: *Clause Architecture in Parametric Models: Syntax, Information Structure, Word Order*. Moscow: YASK publ., pp. 76–103 (in Russ.).

13. Sharandin, A. L. (2024). Actual Sentence Division in the Context of Professor S. G. Ilyenko's Ideas on the Integration of Syntax and Communication. In: *Word. Dictionary. Literature. On the 100th Anniversary of the Birth of Doctor of Philological Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education Sakmara Georgievna Ilyenko*. St. Petersburg: A. I. Herzen Russian State Pedagogical University publ., pp. 113–121 (in Russ.).

14. Yakunina, Yu. A. (2024). On the Category of Syntactic Tense in Constructions with the Infinitive. In: *Corpus of Modern Models and Codes of the Russian Language*. Moscow: Moscow State Pedagogical University publ., pp. 197–202 (in Russ.).

15. Yanko, T. E. (2010). Contrast Intonation, or Minimal Pairs of Phrasal Prosody. In: *In the Space of Language and Culture. Sound, Sign, Meaning: A Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of V. A. Vinogradov*. Moscow: Languages of Slavic Cultures publ., pp. 136–148 (in Russ.).

16. Yanko, T. E. (2025). Pragmatics and Prosody: Focus on Sounding Speech as a Pincer of Linguistic Pragmatics. In: *Slovo.ru: Baltic Accent*, 16 (2), 71–92. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-2-4 (in Russ.).

17. Abraham W. (2018). Jean-Marie Zembs Phema-Begriff zwischen Informationsstruktur und Prädikationsstruktur. In: *Diskursgrammatik – Grammaire du discourse. Hommage à Jean-Marie Zemb. Bd. 2*. Frankfurt am Main: Peter Lang, s. 131–157.

18. Chafe, W. L. (1976). Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics and Point of View. In: *Subject and Topic*. New York: Academic Press, pp. 27–55.

19. Diewald, G. (1991). *Deixis und Textsorten im Deutschen*. Tübingen: Niemeyer.

20. Eroms, H.-W. (2018). Tertium datur: Die Entwicklung von Jean-Marie Zembs Satzkonzeption. In: *Diskursgrammatik – Grammaire du discourse. Hommage à Jean-Marie Zemb. Bd. 2.* Frankfurt am Main: Peter Lang, s. 25–42.

21. Kotin, M. Sein. (2014). Eine genealogisch-typologische Fallstudie über das Verbum substantivum. In: *Deutsche Sprache*, 39, 1–52.

22. Leiss, E. (2017). Kodierung von Wissen und Erfahrung anhand von zwei unterschiedlichen Kopula- und Prädikatsqualitäten. In: *Grammatische Funktionen aus Sicht der japanischen und deutschen Germanistik*. Hamburg, s. 41–58.

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

© CC BY Аверина А. В. 2026

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

23. Leiss, E. (2018). Das Phema bei Jean-Marie Zemb im Rahmen einer Theorie der Kopula. In: *Diskursgrammatik – Grammaire du discourse. Hommage à Jean-Marie Zemb. Bd. 2.* Frankfurt am Main: Peter Lang, s. 57–69.

24. Lyons, J. (1983). *Semantik. Bd. II.* München: C. H. Beck Verlag.

25. Modicom, P.-Y. (2018). Die Geburt der Proposition aus dem Geiste der Prädikation: Spielarten des Phemas und Wesen der Proposition in einer reformierten Zemb-Grammatik. In: *Diskursgrammatik – Grammaire du discourse. Hommage à Jean-Marie Zemb. Bd. 2.* Frankfurt am Main: Peter Lang, s. 71–84.

26. Mossém F. (1938). *Histoire de la forme périphrastique être + participe présent en Germanique. Première partie: Introducton – ancien Germanique – vieil Anglais.* Paris: Klincksieck.

27. Rizzi, L. (1997). *The Fine Structure of the Left Periphery. Elements of Grammar: Handbook in Generative Syntax.* Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, pp. 381–338.

28. Socka, A. (2021). *Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen. Bd. 60.* Frankfurt am Main: Peter Lang.

29. Zemb, J.-M. (1978). *Vergleichende Grammatik Französisch-Deutsch. Teil 1: Comparaison de deux systèmes.* Mannheim: Bibliografisches Institut Mannheim.

30. Zemb, J.-M. (1984). *Vergleichende Grammatik Französisch-Deutsch. Teil 2: L'économie de la langue et le jeu de la parole*. Mannheim: Bibliografisches Institut Mannheim.

www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru www.evestnik-mgou.ru

К НАЧАЛУ СТАТЬИ

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

© CC BY Аверина А. В. 2026

ПРОСВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-85734 от 03.08.2023 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «Киберленинка», ЭБС «Лань», «Знаниум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

– статья должна быть написана на русском, английском языке;
– статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
– статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
– материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательному независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания www.evestnik-mgou.ru

Опубликованным статьям присваивается идентификатор
DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, www.old.evestnik-mgou.ru а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (eLIBRARY.RU).

При цитировании ссылка на Российский социально-гуманитарный журнал обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный редактор:
Самсонова Л. В.

Технический редактор:
Глазунова А. А.

Переводчик:
Назарова А. Ю.

Корректор:
Гладунов И. К.

Компьютерная вёрстка
Булгаков Б. В.

Системное администрирование сайта:
Жильцов Н. Н.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, стр. 2, каб. 98.
Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 6101,
https: //evestnik-mgou.ru, https: //oid.evestnik-mgou.ru, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА